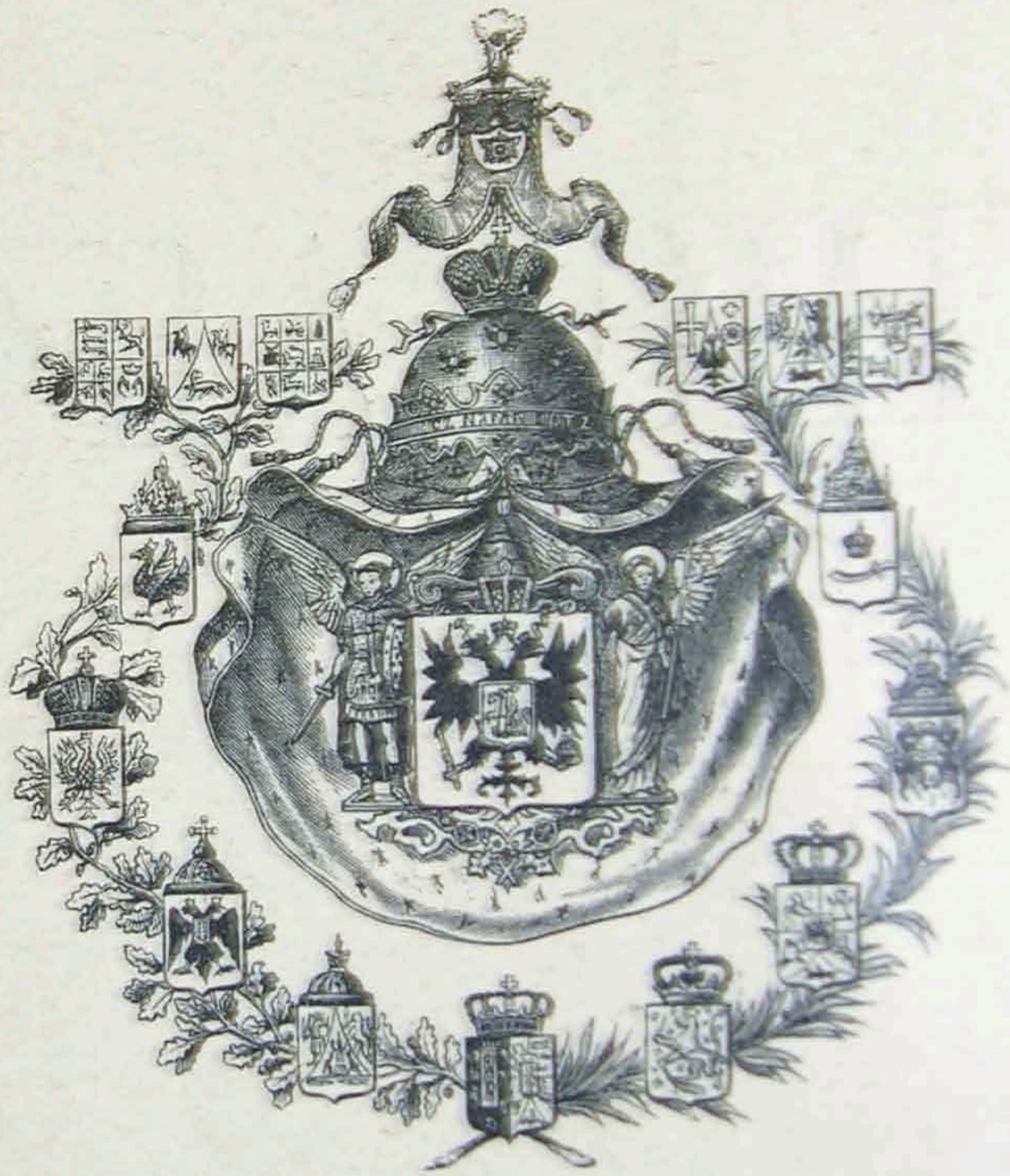

ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ

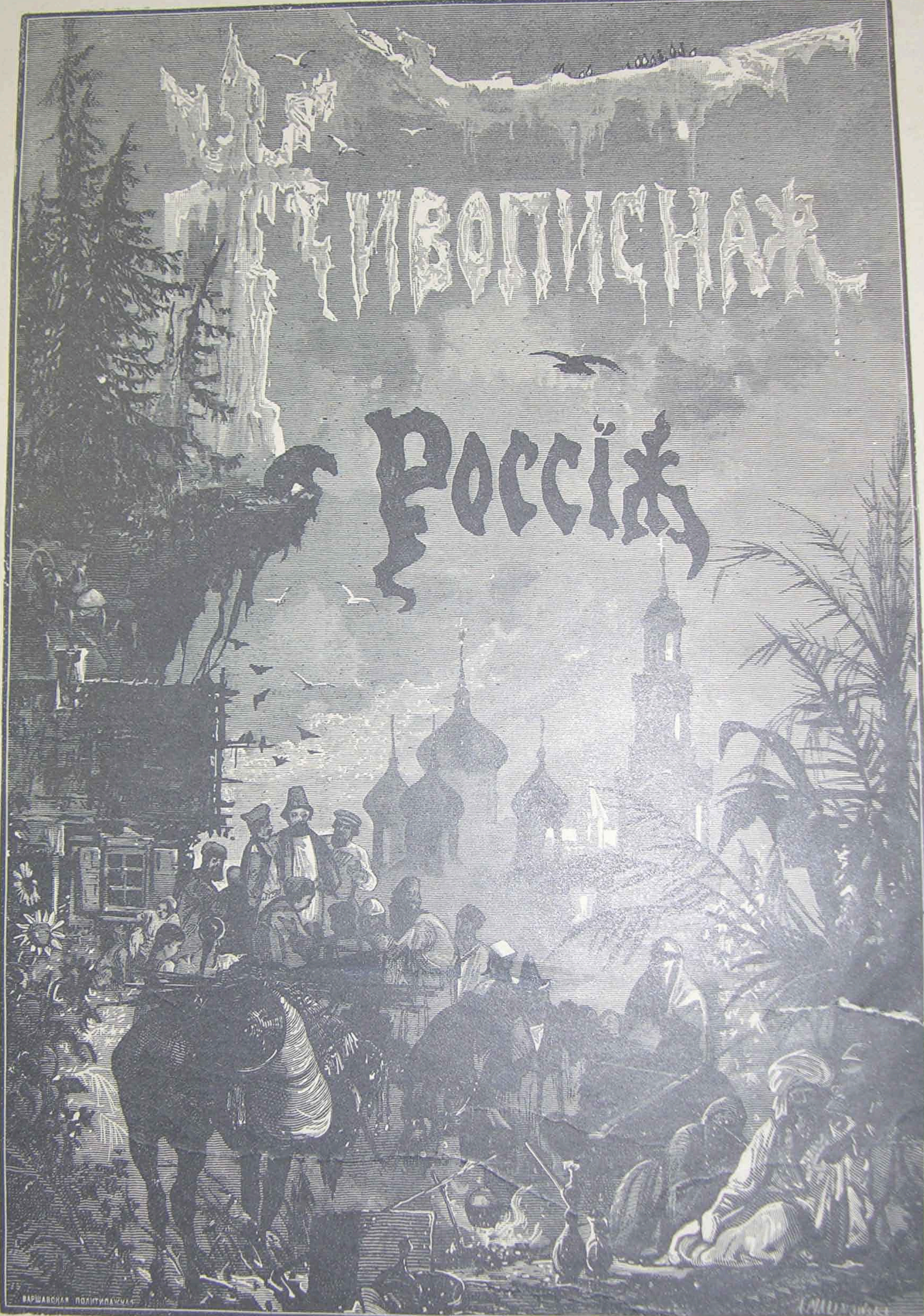
ТОМЪ XII.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВОУЧЕТНАКЪ

Россія

63.3(2)
2867

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ. ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

56106

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВОСТОЧНЫЯ ОКРАИНЫ РОССІИ.

ПРИМОРСКАЯ И АМУРСКАЯ ОБЛАСТИ.

СЪ 203 РЕСУБРАНИ ВЪ ТИТУЛѢ, 38 ОТДЕЛЬНЫХЪ КАРТИНАМИ, РЕБРАНИМИ НА ДЕРЕВО, И 2 ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

«СВѢДѢНІЯ»
Khabarovsk Regional Library

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Госпитальный переулокъ, № 11.

МОСКВА,

Куликовскій переулокъ, № 10.

1885.

к

6

Дозволено цензурою. Сиб., 30 марта 1895 года.

Типографія Тов. М. О. Вольфа, Сиб., В. О., 18 л., г. № 4

ВОСТОЧНЫЯ ОКРАИНЫ РОССИИ.

Приморская и Амурская области.

ГЕРБЫ

РЪДАСТЕЙ.

ОЧЕРКЪ I. КАМЧАТКА.

Камчатскій полуостровъ.—Географическое его положеніе; климатъ, почва и естественныя богатства.—Населеніе полуострова, образъ жизни и промыслы населенія.—Подчиненіе Камчатки Россіи и заслуги ея передъ государствомъ.—Нынѣшнее положеніе полуострова.

Прибрежье Великаго океана.

- I. Надлежитъ на Камчаткѣ или въ другомъ мѣстѣ сѣлать одинъ или два бота съ палубами.
- II. На оныхъ ботахъ возахъ земли, которая идетъ на кордъ и по чалмю, понеже оной конца не знаютъ, кажется что та земля часть Америки.
- III. И для того искать, гдѣ она сошлась съ Америкою, и чинить дойти до какого города Европейскихъ владѣній, или ежели увидятъ какой корабль Европейскій, провидать отъ него, какой оный князь называють и взять на письмѣ и самимъ побывать на берегу и взять подлинную вѣдомость и постави на карту, привезать сюда.

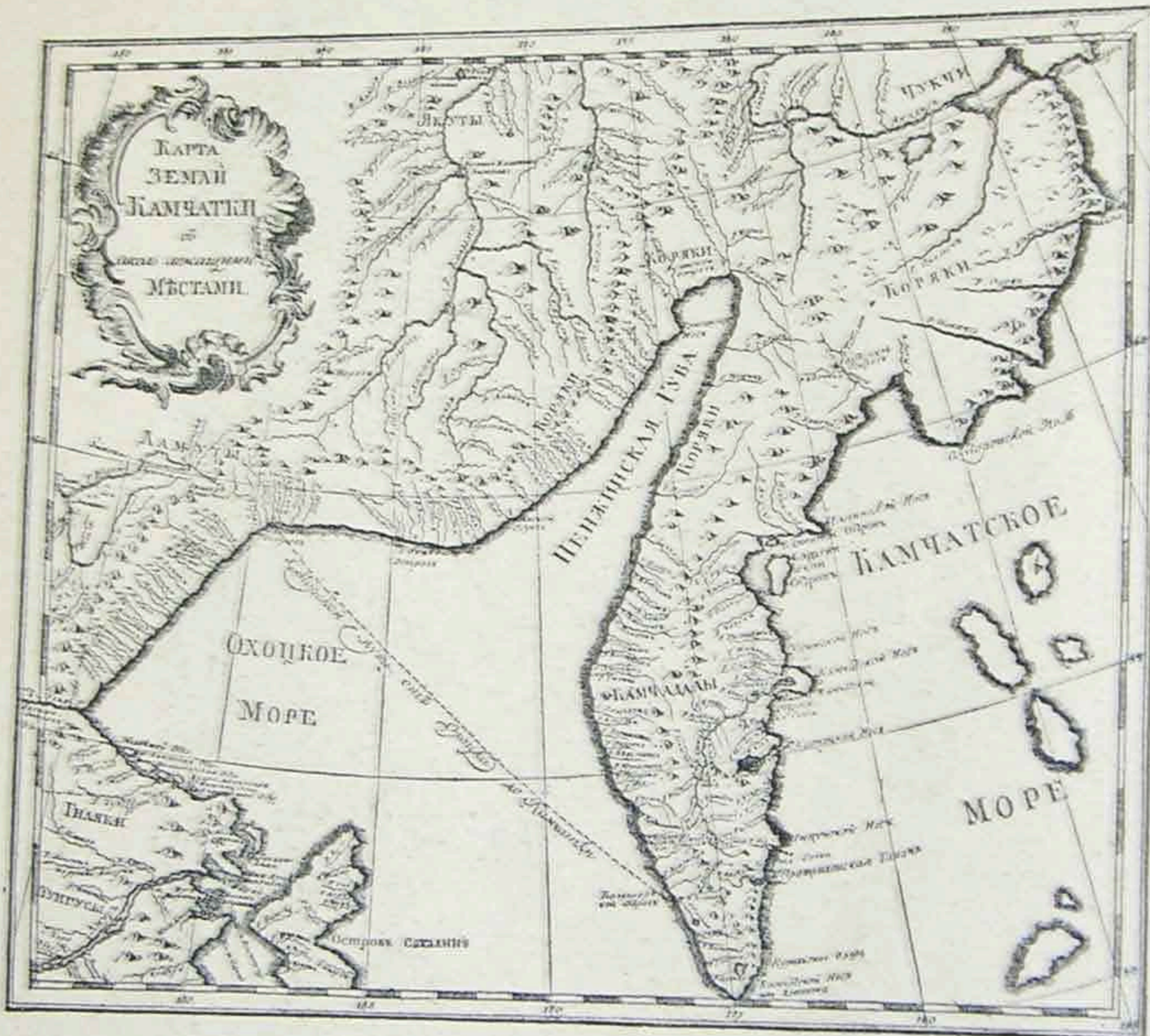
(Инструкція первой Камчатской экспедиціи, собственноручно писанная Императоромъ 23 декабря 1724 года).

Самая отдаленная восточная окраина обширнаго нашего отечества для однихъ является синонимомъ страны холодной, угрюмой, во всѣхъ отношеніяхъ безотрадной, другіе же, на-

противъ, не отрицая ея суровости, признають ее однако удобо-обитаемою, щедро одаренною природой и полною дивнаго ея величія. Такою представляется Камчатка — обширный полуостровъ сѣверо-восточной Азіи, далеко выдающійся въ Тихій Океанъ. Полуостровъ этотъ отдѣляетъ Охотское море отъ Берингова и заключаетъ въ себѣ грандіозное проявленіе той мощной цѣпи огнедышащихъ горъ, которыми опоясанъ Азіатскій материкъ со стороны океана, отъ крайнихъ сѣверныхъ широтъ его до экватора и далѣе къ югу.

Полуостровъ Камчатка расположенъ между параллелями 51° и 62° и меридіанами 156 и 170 къ востоку отъ Гринвича, что по широтѣ соотвѣтствуетъ положенію средней полосы Европейской Россіи, а по долготѣ дѣлаетъ разницу во времени съ Петербургомъ, Киевомъ, Одессою — на восемь, девять часовъ, такъ что когда у насъ здѣсь еще утро, въ Камчаткѣ уже кончился день. Наружною формою полуостровъ напоминаетъ эллипсъ, продольная ось котораго направляется отъ юго-запада на сѣверо-востокъ. Длина полуострова около 1200 верстъ, наибольшая ширина: по срединѣ, около 400 верстъ, а къ оконечностямъ постепенно суживается; въ сѣверной части, на перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ съ материкомъ, она только 100 верстъ, на югѣ же полуостровъ кончается совсѣмъ узкою полосою земли, называемою Лопатка.

Площадь Камчатскаго полуострова составляетъ около 5 тысячъ геогр. миль, т. е. почти столько же, какъ Великобританія, или Аппенинскій полуостровъ, но, конечно, этимъ и ограничивается сравненіе, такъ какъ между суровою, почти безлюдною Камчаткою, гдѣ ютится вѣскольکو тысячъ полуосѣдлаго кочеваго населенія дикарей, и названными благодатными странами съ цвѣтущимъ населеніемъ въ десятки милліоновъ, только и

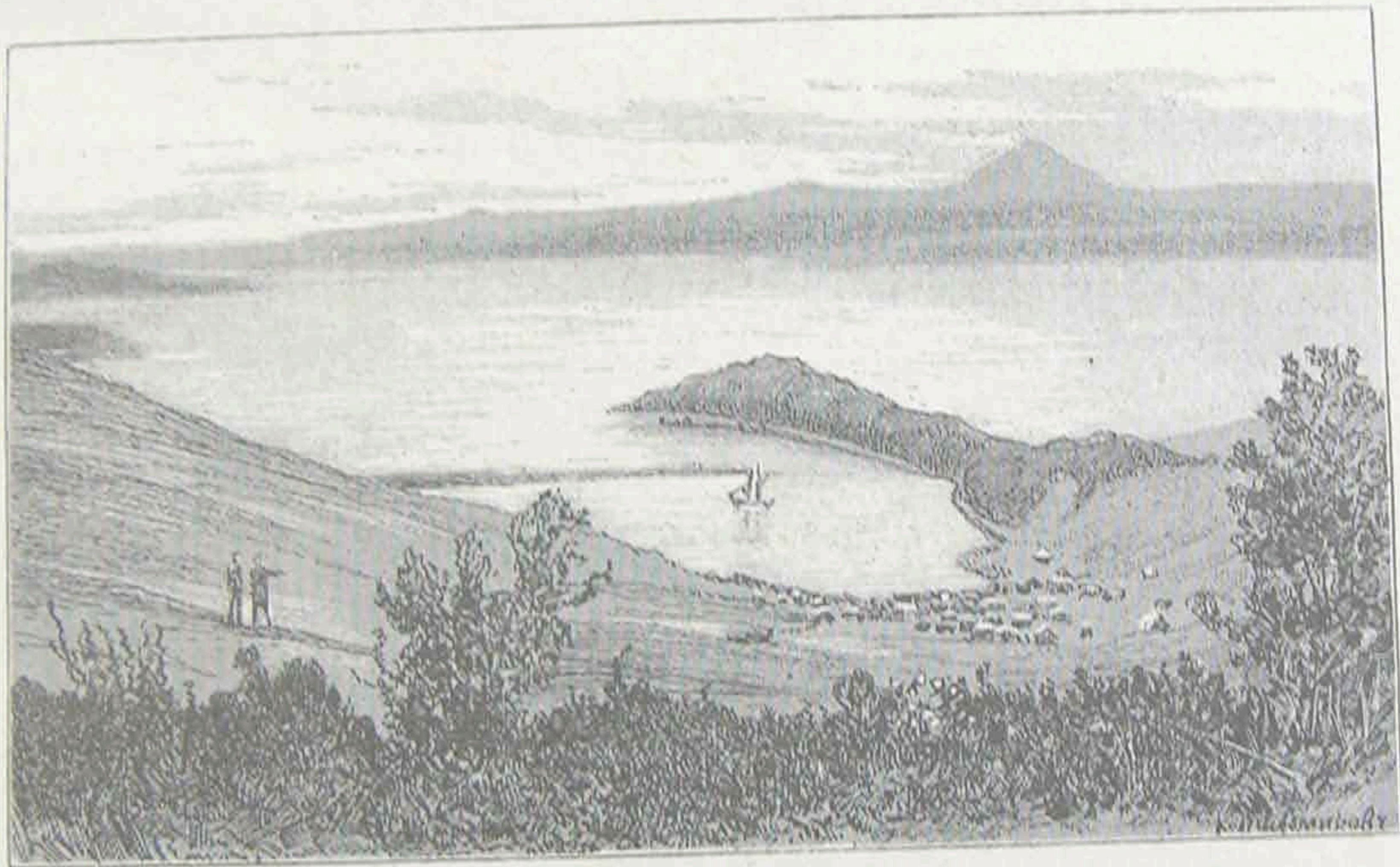
Первая карта Камчатки.

можетъ быть общаго, что случайное совпаденіе географическихъ цифръ.

Въ Камчаткѣ есть значительныя возвышенности, достигающія высоты Монблана. Черезъ всю середину полуострова, съ юга на сѣверъ, тянется центральный хребетъ, найвысшая часть котораго находится между 53—54 градусами широты. Въ этомъ горномъ узлѣ хребетъ развѣтвляется: западная или главная отрасль его тянется параллельно берегу, постепенно спадая къ Охотскому морю болѣе или менѣе отлогими хребтами и уступами, переходящими въ низменности морскаго побережья. Далѣе на сѣверъ цѣпь эта, понижаясь, образуетъ высокое плоскогорье, которымъ полуостровъ соединяется съ высотами материка, составляющими во главнаго Камчатскаго хребта по общему своему развитію нѣсколько ниже западной; но какъ вулканическая дѣятельность проявилась по преимуществу на этой части хребта, то отдѣльныя коническія вершины высоко поднимаются надъ общимъ уровнемъ горнаго массива. Исполнскія вершины эти, какъ сторожевыя башни, стоятъ надъ Камчатскимъ моремъ и своимъ вѣдшимъ видомъ, равно и обильными потоками лавы, низвергнутой ими въ море, придаютъ

грандіозный, полный дикого величія утесистый характеръ всему восточному побережью. Въ противоположность западному берегу полуострова, тянущемуся почти сплошною ровною линією, восточный берегъ изрѣзанъ множествомъ извилинъ, при чемъ далеко выдающіеся въ море мысы образуютъ обширные заливы; къ сожалѣнію, заливы эти, по бесплодности обрывистыхъ береговъ своихъ, усѣянныхъ множествомъ кекуровъ (одиночныхъ каменныхъ столбовъ) и подводныхъ камней, по открытости ихъ со стороны моря, а также и вслѣдствіе великой глубины самого моря, — представляютъ мало удобствъ для пользованія мореплавателями. Исключеніе составляетъ лишь часть берега около 53° параллели, гдѣ выдалось нѣсколько надежныхъ убѣжищъ и между ними превосходное—Авачинская губа, съ хорошо извѣстнымъ всѣмъ Петропавловскимъ портомъ, котораго мореплаватели не только не избѣгаютъ, а напротивъ всячески ищутъ, заранѣе предвкушая въ немъ отдыхъ и успокоеніе отъ продолжительныхъ и тяжелыхъ плаваній въ туманныхъ, негостепріимныхъ водахъ, омывающихъ берега Камчатки и сопредѣльныхъ съ нею странъ.

Геогностическій составъ Камчатскаго полуострова довольно разнообразенъ и еще недостаточно изслѣдованъ. Въ главной срединной оси его распространены кристаллическія породы:

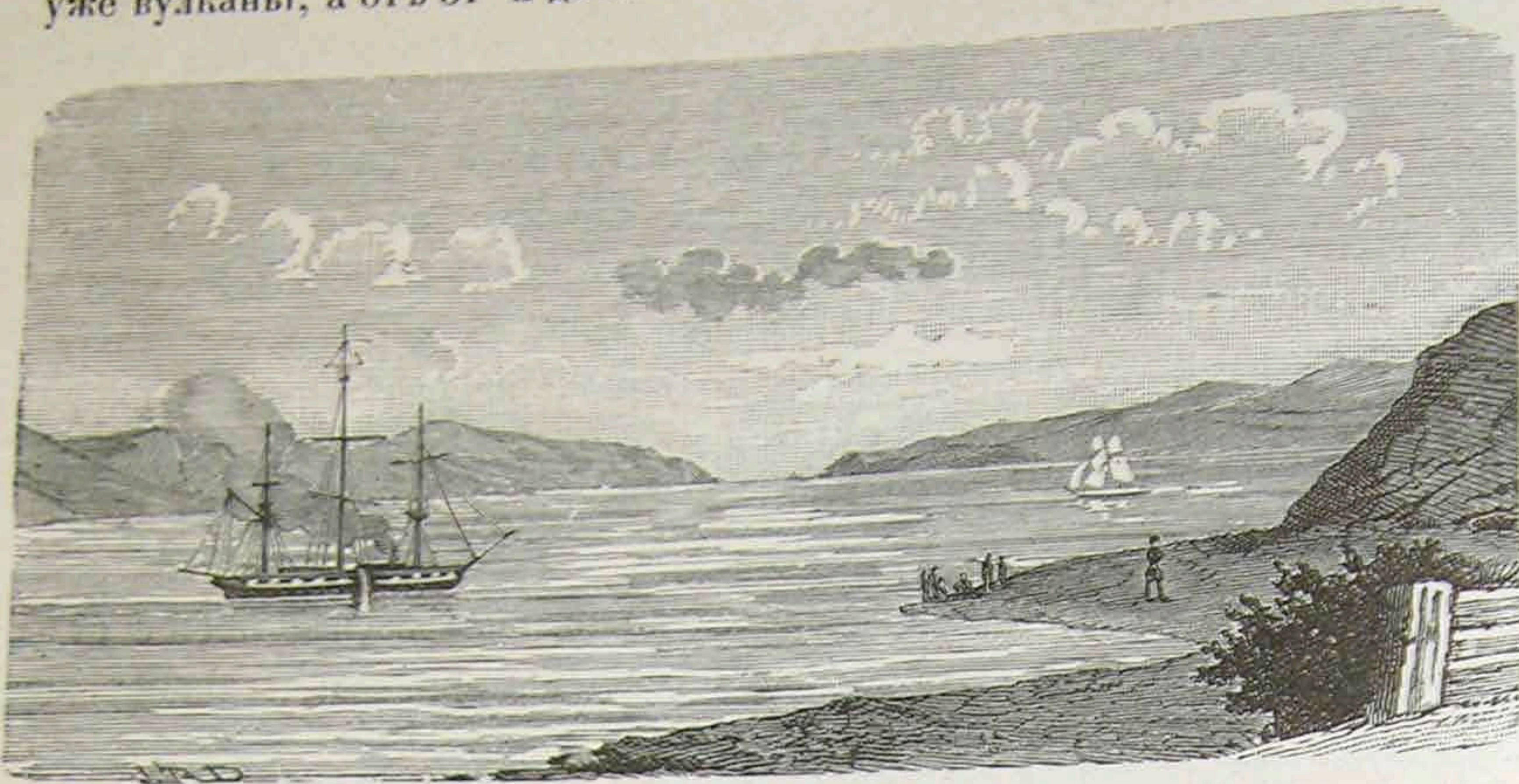

Видъ Петропавловской гавани и Авачинской губы.

граниты и порфиры, а также приподнятые и изогнутые ими метаморфическіе сланцы. Въ этой оси—вулканическія породы: базальты, трахиты. Первые наблюдаются по преимуществу на приморскихъ мысахъ въ видѣ штоковъ и сплошныхъ столбовидныхъ массъ; трахиты же занимаютъ огромныя площади въ юго-западной и сѣверной частяхъ полуострова, гдѣ они, вмѣстѣ съ плутоническими породами, образуютъ главную массу срединнаго хребта. Осадочныя породы состоятъ изъ глинъ и песчанниковъ; послѣдніе богаты разными окаменѣlostями изъ породы прѣсноводныхъ и морскихъ раковинъ; въ нихъ встрѣчаются также болѣе или менѣе толстые слои бурога угля, стволы деревьевъ, отпечатки листьевъ, янтарь. Въ димовіальныхъ и аллювіальныхъ образованіяхъ, которыя достигаютъ особеннаго развитія въ долину рѣки Камчатки, встрѣчаются остатки костей допотопныхъ животныхъ: зубровъ, мамонтовъ и проч.

Изъ минеральныхъ богатствъ Камчатки можно назвать самородную мѣдь, найденную около Курильскаго озера и въ Ширяевой губѣ, а также при устьѣ р. Большой. Магнитная желѣзная руда на лѣвомъ берегу р. Большой и по юго-западному берегу полуострова; превосходная слюда въ Итканской бухтѣ; самородная сѣра около многихъ сопокъ. Есть указанія и на присутствіе золота въ Камчаткѣ, а также драгоценныхъ камней.

Проявление вулканической дѣятельности на полуостровѣ обнаруживается уже съ 62° широты появленіемъ нѣсколькихъ горячихъ ключей. Между 58° и 57° встрѣчаются первые потухшіе уже вулканы, а отъ 57° и до южной оконечности полуострова, весь восточный берегъ его чрезвычайно богатъ дѣйствующими и потухшими вулканами. Изъ нынѣ дѣйствующихъ, наиболее замѣчательна Ключевская сопка, на восточномъ склонѣ горъ въ 70 верстахъ отъ моря, въ 56°8' с. широты и 199°15' в. долготы, какъ разъ на пересѣченіи Аляскинско-Алеутской и Курильско-Камчатской вулканическихъ дугъ. Сопка эта есть

Авачинская губа.

найвысшая изъ достовѣрно измѣренныхъ горъ всего полуострова; по измѣренію Эрмана она достигаетъ 16.032 ф., а по Литке 16.503 фута, что соотвѣтствуетъ высотѣ Эльборуса. Гора эта окружена рядами вершинъ смежныхъ горъ, надъ которыми она возвышается въ видѣ остраго, весьма крутаго конуса, покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ. Предѣлъ лѣсной растительности на Ключевской сопкѣ находится на высотѣ 3.000 футъ. Сопка состоитъ изъ базальта, базальтовой лавы и шлаковъ; на скатахъ ея множество ключей. Чудный видъ имѣетъ этотъ царь могучихъ Камчатскихъ горъ: съ моря его видно за сто и болѣе миль, да и съ берега, со многихъ пунктовъ, можно видѣть его за сотни верстъ. Хорошо видно его, напримѣръ, съ долины р. Камчатки,

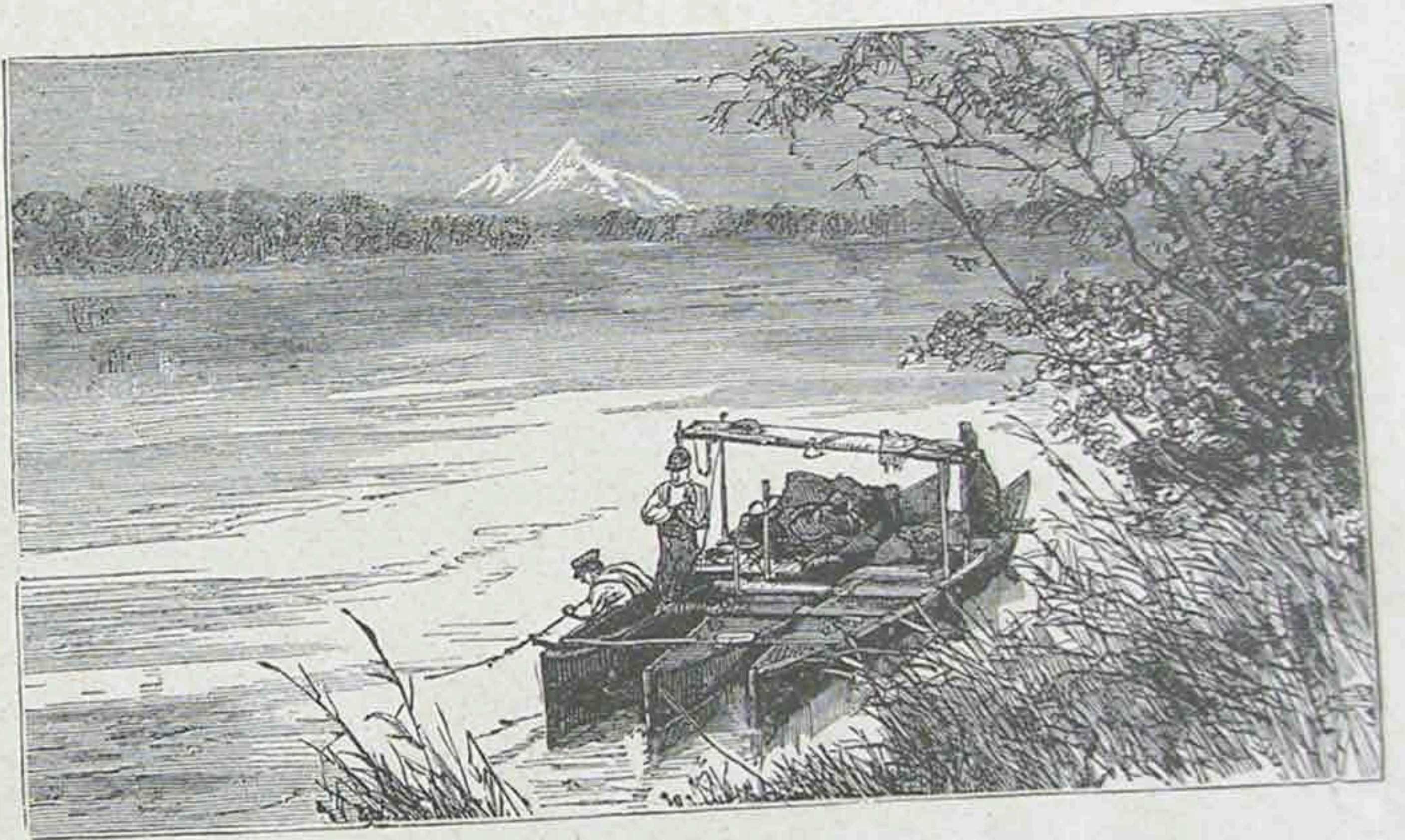
Три брата (у входа въ Авачинскую губу).

чешской сопкѣ находится на высотѣ 3.000 футъ. Сопка состоитъ изъ базальта, базальтовой лавы и шлаковъ; на скатахъ ея множество ключей. Чудный видъ имѣетъ этотъ царь могучихъ Камчатскихъ горъ: съ моря его видно за сто и болѣе миль, да и съ берега, со многихъ пунктовъ, можно видѣть его за сотни верстъ. Хорошо видно его, напримѣръ, съ долины р. Камчатки,

начиная отъ Верхне-Камчатска, такъ что путешественникъ, спускающійся внизъ по рѣкѣ, по мѣрѣ приближенія къ вулкану, все болѣе и болѣе любитъ имъ, а достигнувъ Ключевского селенія, что у подножія вулкана, какъ бы совсѣмъ поглощается этимъ величественнымъ зрѣлищемъ.

Отъ селенія Ключей до центральной оси вулкана—24 версты; тѣмъ не менѣе вулканъ подымается уже на 9° надъ горизонтомъ этого мѣста. По описанію путешественника, наблюдавшаго вулканъ осенью 1879 года, сторона вулкана, обращенная къ селенію, была изрыта черною глубокою трещиною, рѣзко выдѣлявшеюся на бѣломъ снѣговомъ фонѣ окрестныхъ частей горы. Черезъ верхнюю часть этой щели можетъ быть наблюдаемъ зияющій кратеръ, изъ котораго клубится дымъ и вылѣтаютъ пары. Ключевская сопка почти постоянно дымится и раза по 2, по 3 въ годъ выбрасываетъ пепель (по мѣстному «сафа»), толстымъ слоемъ покрывающій поля и лѣса на 25 и болѣе верстъ кругомъ. Зимою пепель этотъ, въ вершокъ и болѣе толщины, зачастую препятствуетъ санной ѣздѣ близъ Ключей; слѣды же пепла бывають видны иногда и за сотни верстъ. Отраженіе внутренняго огня черезъ трещину показывается не ежегодно, а черезъ неравные промежутки: иногда его видно только въ теченіи нѣсколькихъ дней, иногда же оно длится и по цѣлымъ годамъ. Значительныя изверженія Ключевской сопки происходили въ 1729, 1737, 1762, 1790, 1796, 1829, 1853, 1864, 1878 и 1882 годахъ. Большое въ 1853 году изверженіе началось въ октябрѣ, а окончилось въ февралѣ слѣдующаго

года, при чемъ огромные потоки лавы излились по направленію къ рѣкѣ Хапичѣ. Замѣчательно, что 18-го февраля 1854 г., въ день прекращенія изверженія Ключевской сопки, возобновилась дѣятельность потухшаго съ незапамятныхъ временъ сосѣдняго вулкана Севелючь, въ 80 верстахъ къ сѣверо-востоку. Послѣ этого Ключевская сопка на время совсѣмъ потухла, а потомъ снова стала дымиться; Севелючь же такъ и остался вновь дѣйствующимъ вулканомъ. Возобновленіе дѣятельности Севелюча сопровождалось весьма сильнымъ трескомъ. Вулканическій пепель его падалъ огромными массами и вмѣстѣ съ пепломъ отъ Ключевской сопки на цѣлый футъ покрылъ снѣгъ у деревни Ключей.

Рѣка Камчатка и видъ на Ключевскую сопку вдали.

Извѣстный ученый С. П. Крашенинниковъ, пробывшій въ Камчаткѣ съ 1737 по 1742 годъ, въ «Описаніи земли Камчатки», между прочимъ такъ описываетъ изверженіе 1737 года: «Сей ужасный пожаръ начался сентября 25-го числа и продолжался съ недѣлю, съ такою свирѣпостію, что жители, которые близъ горы на рыбномъ промыслѣ были, ежечасно къ смерти готовились, ожидая кончины. Вся гора казалась раскаленнымъ камнемъ. Пламя, которое въ нутри ея сквозь расщелины было видно, устремлялось иногда въ низъ, какъ огненные рѣки, съ ужаснымъ шумомъ. Въ горѣ слышенъ былъ громъ, трескъ и будто сильными мѣхами раздуваніе, отъ котораго всѣ ближнія мѣста дрожали. Особливый страхъ былъ жителямъ въ ночное время, ибо въ темнотѣ все слышнѣе и виднѣе было. Конецъ пожара былъ обыкновенный, т. е. изверженіе множества пеплу, изъ котораго однакожь не много на землю пало для того, что всю тучу унесло въ море. Выметываетъ же изъ нея и ноздреватое каменье и слитки разныхъ веществъ, въ стекло претворившихся, которыя великими кусками по текущему изъ подъ нея ручью «Бидкою» находятся. Послѣ того 23 числа октября, по полудни въ седьмомъ часу, было въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ такое сильное землетрясеніе, что

многія камчатскія жилища попадали, печи въ казацкихъ избахъ разсыпались, у церкви колокола звонили, и самую тамонную новую церковь, которая построена изъ толстаго лиственничнаго лѣсу, такъ разшатало, что бревна изъ дверныхъ колодъ и изъ пазовъ совсѣмъ вонъ вышли; а продолжалось оно съ перемежкой до самой весны 1738 года, однако гораздо легче прежняго». (Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Т. I. ст. 280—281. Изд. Импер. Акад. Наукъ 1818 года).

Кромѣ Ключевской огнедышащей горы и упомянутой горы Севелючь, въ Камчаткѣ существуютъ еще слѣдующіе, дѣйствующіе вулканы: Большая Толбача (7.800 ф.), Кизимень, Узонъ, Кишиничъ (9.900), Большой и Малый Семечикъ, Жупанова сопка (8.500), Авачинская, Асача и Чаохъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстна Авачинская сопка, такъ какъ у подножія ея стоитъ Петропавловскій портъ. Отъ порта до сопки 29 верстъ по прямой линіи; расположена она на сѣверной сторонѣ Авачинской губы, въ одной группѣ съ двумя другими, потухшими уже, вулканами: Стрѣлочнымъ или Коряцкимъ и Корельскимъ. По барометрическому измѣренію спутниковъ Лаперуза, извѣстнаго французскаго мореплавателя конца прошлаго столѣтія, высота Авачинской сопки 8.424 ф., по измѣреніямъ же Ленца и Постельса—7.995, Гофмана—8.166, Литке—8.756, Эрмана—8.912, Бичи—9.050. Во всякомъ случаѣ

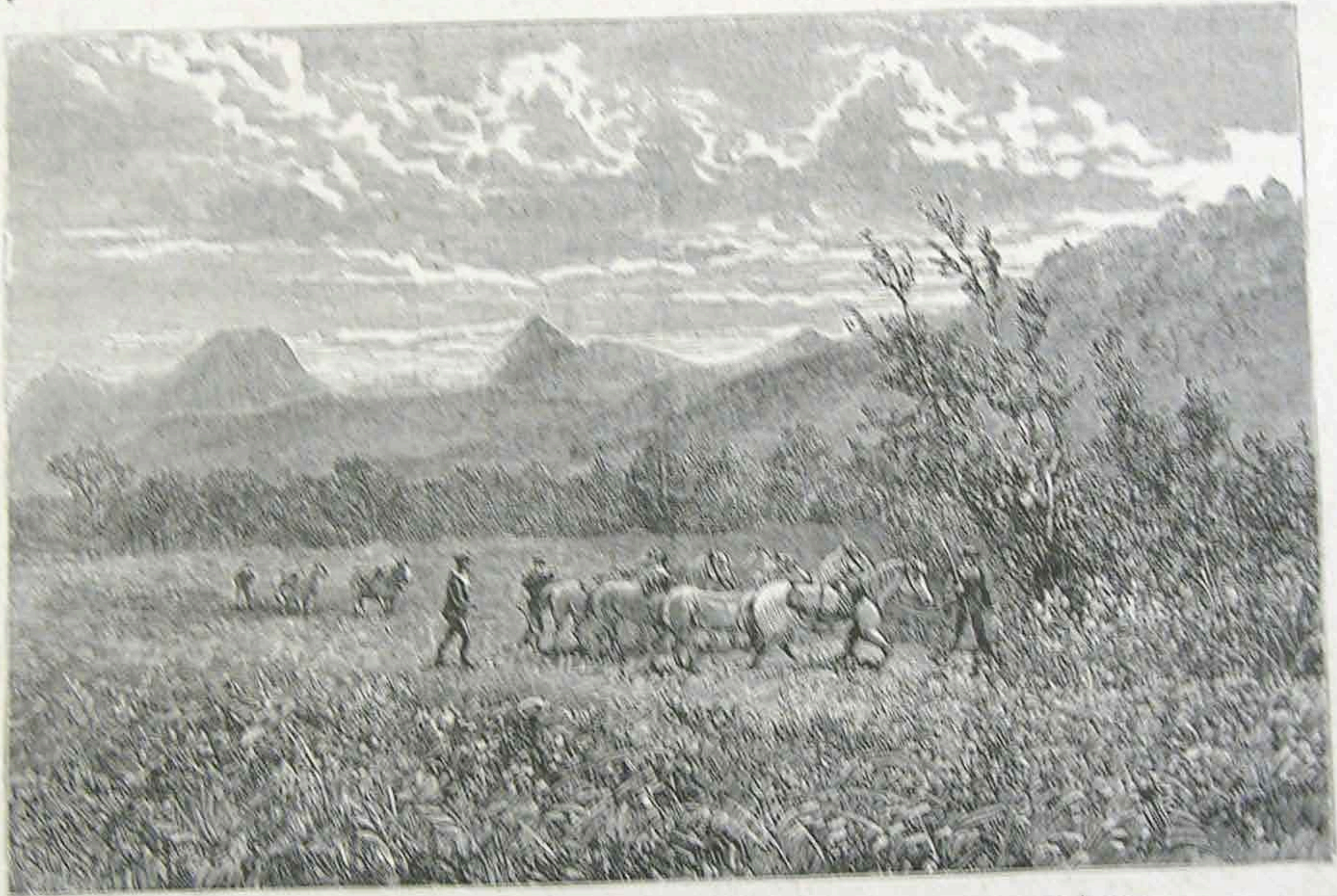

Видъ Ключевскаго селенія и горъ съ правой стороны рѣки Камчатки.
Ключевская сопка. Ушковская сопка. Крестовская сопка.

гора эта соотвѣтствуетъ по высотѣ горѣ Этнѣ. Форма Авачинскаго вулкана правильно коническая и напочинаетъ собою форму Везувія и Монте-Соммы; жерло его имѣетъ въ окружности нѣсколько сотъ футъ и какъ-бы окружено стѣною футовъ въ 30 вышины. Подъемъ на гору, не смотря на сравнительно небольшую высоту его, очень затруднителенъ и для туристовъ изъ Петропавловска требуется для этого подъема не менѣе трехъ дней. Подымающемуся предстоитъ сначала преодолѣть тундры подножія и обширныя заросли кедроваго и ольховаго сланца (т. е. ползучихъ растеній), такъ что почти поминутно приходится прорубаться; съ выходомъ же изъ пояса растительности начинаются обрывы, овраги, рытвины и провалы, представляющіе серьезныя опасности. Спутникъ Литке, геогностъ Постельсъ, дважды пытался подняться на сопку въ 1827 и въ 1828 годахъ, но въ оба раза не могъ достигъ кратера. Въ первый разъ онъ былъ остановленъ на полпути толстымъ слоемъ пепла, оставшагося еще отъ изверженія бывшаго шесть недѣль передъ тѣмъ, а также удушливымъ сѣрнымъ запахомъ, который исходилъ изъ расщелинъ и множества коническихъ возвышенностей, которыми усыяны были тогда скаты горы. Во второй же подъемъ, путь къ вершинѣ былъ прегражденъ дымомъ и паромъ, которые измѣнившимся вѣтромъ понесло съ вершины на путниковъ и привело ихъ въ изнеможеніе. Съ высоты 7.000 футъ, на которую уже взобрался Постельсъ, онъ

видѣлъ, кромѣ множества окрестныхъ вулкановъ Камчатки, еще и оба моря: Охотское и Берингово съ безпредѣльнымъ океаномъ.

По показанію жителей Петропавловскаго порта и селенія Авачи, записанному г. Постельсомъ, изверженіе Авачинской сопки 1827 года началось 27-го іюня ночью; сначала появилось слабое пламя на вершинѣ горы; около же 10 ч. утра, вмѣстѣ съ дождемъ, выпало значительное количество пепла. Такъ продолжалось три дня, при чемъ атмосфера затемнилась и слышенъ былъ непрерывный подземный гулъ, сопровождавшійся періодическими ударами. Утромъ 29-го іюня чувствовали сильное колебаніе почвы, отъ котораго во многихъ избахъ Авачинской деревни разбились стекла и разсѣлись бревна. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало изверженіе, съ большимъ количествомъ пепла и дыма. Въ ночи густыя облака дыма разсѣялись и профиль вулкана ярко обозначился разноцвѣтными огнями отъ вершины его до подошвы. Изъ самаго жерла безпрестанно вылетали раскаленные камни, подобно огненнымъ шарамъ и крупнымъ искрамъ. Послѣ этого пепель и дымъ уменьшились, подземный гулъ затихъ и, въ теченіи двухъ дней, не происходило никакихъ особенныхъ явленій; но въ теченіи восьми дней,

Видъ Авачинской, Стрѣлочной и Корельской сопки съ долины рѣки Авачи.

по юго-западному склону горы, обращенному къ Авачѣ и Петропавловску, «простиралась огненная струя и вулканъ продолжалъ дымиться, какъ и прежде происходили изверженія.» (Путеш. вокругъ свѣта Литке. Часть III стр. 53 изд. 1836 года)

Преобладающая горная порода Авачинской сопки есть долеритовая лава съ небольшими кристаллами лабрадора. Сопка эта постоянно дымится, но сравнительно рѣдко бываютъ изверженія. Послѣ описаннаго изверженія 1827 года, оно повторилось еще въ 1855 году. Въ 1878 г. осенью было сильное изверженіе лавы; въ 1881 г. началъ сильно дымиться Авачинскій «хребетъ», а въ 1882 г. Жупанова сопка. Изъ давно бывшихъ изверженій Авачинской сопки замѣчательно изверженіе 1737 года. Оно предшествовало описанному выше Крашенинниковымъ изверженію Ключевской сопки и сопровождалось какъ около Авачинской губы, такъ на всемъ югѣ полуострова у Лопатки и на ближайшихъ Курильскихъ островахъ, — «страшнымъ землетрясеніемъ съ чрезвычайнымъ наводненіемъ». На стр. 275—276 упомянутого выше сочиненія Крашенинникова такъ изображено это необычайное явленіе: «Октября 6-го 1737 года, пополуночи въ третьемъ часу, началось трясеніе и съ четверть часа продолжалось такъ сильно,

что многія камчатскія юрты обвалились и балаганы попадали. Между тѣмъ учинился на морѣ ужасный шумъ и волненіе, и вдругъ влилось на берега воды въ вышину сажени на три, которая, ни мало не стоявъ, сбѣжала въ море, и удалилась отъ береговъ на знатное разстояніе. Потомъ вторично земля всколебалась, воды прибыло противъ прежняго, но при отлитіи столь далеко она сбѣжала, что моря видѣть невозможно было. Въ то время усмотрѣны въ проливѣ на днѣ морскомъ, между первымъ и вторымъ Курильскимъ островомъ, каменные горы, которыя до того никогда не виданы, хотя трясеніе и наводненіе случалось и прежде. Съ четверть часа послѣ того спустя, послѣдовали валы ужаснаго и несравненнаго трясенія, а притомъ влилось воды на берегъ въ вышину сажень на 30, которая, по прежнему ни мало не стоявъ, сбѣжала въ море, и вскорѣ стала въ берегахъ своихъ колеблясь черезъ долгое время. Передъ каждымъ трясеніемъ слышенъ былъ подъ землею страшный шумъ и стенованіе. Отъ сего наводненія тамошніе жители совсѣмъ разорились, а многіе бѣдственно скончали животъ свой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ луга холмами и поля морскими заливами сдѣлались».

Авачинская сопка (Камчатка).

Описанное землетрясеніе съ его опустошительными послѣдствіями, понятными намъ теперь только послѣ недавнихъ тождественныхъ проявленій вулканической силы въ Зондскомъ архипелагѣ, несомнѣнно есть весьма рѣдкое явленіе, которое на Камчаткѣ, быть можетъ, и не повторится болѣе; обычныя же, довольно однако сильныя землетрясенія на Камчаткѣ случаются весьма часто, особенно по восточному берегу полуострова, гдѣ исключительно сосредоточены всѣ дѣйствующіе вулканы. Къ сожалѣнію, явленія эти, однородныя съ сильнѣйшими вулканическими проявленіями Этны и Везувія и даже превосходящія ихъ по силѣ и энергіи дѣйствія, имѣютъ своими наблюдателями только небольшое число туземцевъ, совершенно не способныхъ хотя бы простому наблюденію за ними. Самый фактъ землетрясенія успѣетъ утратить всю свою свѣжесть, пока дойдетъ до свѣдѣнія компетентныхъ людей.

Такъ называемыхъ потухшихъ вулкановъ насчитывается на полуостровѣ до тридцати; изъ нихъ большая часть въ настоящее время не обнаруживаетъ уже никакой дѣятельности. Найвысшій изъ южныхъ вулкановъ—Стрѣлочная или Корякская сопка сосѣдитъ съ Авачинской

сопкой и съ Петропавловскимъ портомъ, отъ котораго она отстоитъ верстѣ 30. По опредѣленію Литке высота сопки 11.212 ф., по Эрману—11.822 ф. По высотѣ сопки, послѣ Корякской, распредѣляются такъ: Ушкинская, продолжающая еще дымиться—11.000 ф., Кроноцкая (потухшая)—10,600, Крестовская—9.600, Вилючинская—по Литке 6.457, по Бичи—7.374 футъ.

Общій видъ какъ дѣйствующихъ, такъ и потухшихъ Камчатскихъ вулкановъ болѣе или менѣе коническій; основанія ихъ отъ подошвы и до половины, а иногда и болѣе, состоятъ изъ горъ, рядами расположенныхъ другъ надъ другомъ, «верхъ же бываетъ шатромъ». Горы, расположенныя рядами, лѣсисты, самый же шатеръ—голый камень, часто покрытый снѣгомъ, при чемъ на вершинахъ, въ бывшихъ кратерахъ иногда стоятъ озера, какъ-то замѣчено было еще Штеллеромъ, ученымъ сотоварищемъ Крашенинникова по изслѣдованію природы полуострова и вѣрнымъ спутникомъ Беринга въ его послѣднемъ плаваніи (1742) для открытія западныхъ береговъ Америки. Плаваніе это, очень трагически окончившееся, осталось не безъ пользы для науки, благодаря Штеллеру, какъ о томъ свидѣлствуетъ, Крашенинниковъ, много заимствовавшій у Штеллера въ своемъ «Описаніе земли Камчатки».

Камчатскій полуостровъ богатъ горячими ключами; особенно ихъ много на восточной сторонѣ полуострова. Самые извѣстные изъ тѣхъ Малкинскіе сѣрные ключи, на лѣвомъ берегу р. Быстрой, притока р. Большой, въ прекрасной мѣстности, въ 3-хъ верстахъ отъ Малкинскаго селенія. Ключи эти вытекаютъ изъ подъ земли на совершенно ровномъ мѣстѣ; надъ ними уже издали видны густые пары и слышенъ запахъ сѣрнистаго водорода. Температура малкинскихъ ключей простирается отъ 64½ до 70° R., причемъ тутъ же рядомъ изъ той же почвы выходитъ ключъ холодной воды, имѣющей только 4½° R. Анализъ осадка, выпареннаго изъ воды Малкинскихъ ключей, далъ 0,720 кремнезѣма, 0.143 воды, 0.040 сѣрной кислоты, 0,037 глинезема, 0,030 желѣзн. окиси и 0,022 извести. Кромѣ сѣрнистаго водорода, изъ Малкинскихъ источниковъ выдѣляются хлоръ и углекислота. Малкинскіе ключи излѣчиваютъ разныя на-кожныя болѣзни и быстро возстановляютъ силы при тѣлесномъ изнуреніи. Одно время, въ началѣ столѣтія была устроена при этихъ ключахъ временная больница и имѣлось при нихъ помѣщеніе для больныхъ. Паратунскіе ключи также славятся. Они на р. Паратункѣ, впадающей въ Авачинскую губу съ южной ея стороны. Ключи эти быють недалеко отъ бывшего Камчадалскаго острожка, извѣстнаго въ исторіи Камчатки, какъ мѣсто серьезнаго сопротивленія камчадаловъ русской власти (1731). Паратунскіе ключи всего въ двадцати верстахъ отъ Петропавловскаго порта, притомъ значительная часть этого разстоянія по водѣ черезъ бухту. По этому команды судовъ, приходящихъ въ портъ, не рѣдко пользуются цѣлительными свойствами этихъ ключей. Между прочимъ пишущій эти строки лично испыталъ благотѣльное ихъ дѣйствіе, изцѣлившись тамъ отъ ревматизма, которымъ началъ страдать еще въ Китайскомъ морѣ. Температура ключей 33—37° R. Извѣстны еще, начиная съ южной части полуострова, слѣдующіе горячіе ключи: Явсенскіе ключи, въ недалекомъ разстояніи отъ деревни Явсенской; Гольгинскіе близъ Гольгинскаго селенія; Апачинскіе — неподалеку отъ Апачинскаго селенія; Начикинскіе по близости Начикинскаго селенія; Банные ключи по рѣкѣ Банной, притокѣ рѣки Большой, Жупановыя ключи по долинѣ р. Жупановой; Шемячкскіе ключи—по рѣкѣ Шемячкѣ; Козыревскіе по лѣвой сторонѣ рѣки Камчатки, недалеко отъ Козыревскаго селенія; наконецъ, Укинскіе ключи—самые сѣверные въ Камчаткѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ Укинскаго селенія. Всѣ эти цѣлебные источники, къ сожалѣнію, еще мало изслѣдованы.

Орографическое строеніе Камчатскаго полуострова обусловливаетъ его гидрографическое состояніе. Такъ какъ узелъ Камчатскихъ горъ находится въ 53—54 градусахъ широты, то изъ этого найвысшаго развитія горныхъ кряжей стекаютъ главнѣйшія рѣки полуострова. На сѣверовостокъ, на примѣръ, по чудесной долинѣ, образовавшейся отъ раздвоенія главнаго кряжа, протекаетъ наибольшая водная артерія полуострова, рѣка Камчатка, орошающая его на протяженіи 470 верстѣ. Изъ того же узла, по уже по другую сторону, на юго-западъ, въ Охотское

море стекаетъ рѣка Большая съ важнымъ притокомъ своимъ р. Быстрою, имѣющею 185 вер. длины, а на востокъ течетъ рѣка Авача, впадающая многими устьями въ Авачинскую губу, въ 15 верстахъ отъ Петропавловска. Рѣки эти и много другихъ, которыми особенно богата западная половина полуострова, между прочимъ и важная рѣка Тигиль, имѣющая 210 верстъ протяженія и впадающая въ Охотское море въ широтѣ 58°, а также р. Еловка, сѣверный притокъ р. Камчатки—судоходны для лодокъ на значительномъ своемъ протяженіи. Нѣкоторые изъ этихъ рѣкъ въ верхнихъ частяхъ своихъ довольно близко подходятъ одна къ другой, особенно же р. Еловка къ Седанкѣ, притоку р. Тигиль на сѣверѣ полуострова, р. Камчатка къ р. Быстрой на югѣ, а также р. Авача къ р. Большой, между главными пунктами населенія полуострова. Не будь рѣкъ, — переѣзды лѣтомъ по центральной части гористой Камчатки были бы крайне затруднительны, особенно для перевозки тяжестей, напр., отъ Усть-Камчатки до Мильковой, такъ какъ дорогъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, въ Камчаткѣ не существуетъ,—имѣются лишь выючныя тропы, да и по этимъ тропамъ нерѣдко приходится носить тяжести на рукахъ. При такомъ положеніи сухопутныхъ путей сообщенія, рѣки имѣютъ громадное значеніе, тѣмъ болѣе, что и въ круговую по береговой чертѣ полуострова во многихъ мѣстахъ нѣтъ прохода. И это не только по восточному, скалистому и высокому берегу, но и по западному, такъ какъ и на этомъ берегу, встрѣчаются десятки и сотни верстъ утесовъ почти непроходимыхъ, какъ, напримѣръ, отъ устья р. Озернойкъ югу верстъ на 36 до р. Камбалиной, или около р. Тигиля, гдѣ берегъ въ обѣ стороны отъ устья, на большомъ протяженіи, весьма утесистъ, хотя и пересѣкается прорѣзывающими его отлогими скатами поперечныхъ долинъ. Путешественникъ, слѣдующій по берегу, все же часто пользуется песчаной полосой у самой воды, называемой лайдою. У Тигиля приливъ достигаетъ высоты 10 футовъ; далѣе же въ Пенжинской губѣ онъ еще болѣе. Къ югу же, напротивъ, высота приливной волны весьма незначительна.

Самое лучшее сообщеніе между приморскими пунктами полуострова—по морю; но къ сожалѣнію, каботажъ, широко разившійся было на Камчаткѣ въ періодъ открытія острововъ и земель на Восточномъ Океанѣ, теперь вовсе не существуетъ; морскія же военныя и торговыя суда рѣдко заглядываютъ въ Камчатку, а если и заходятъ, то только въ Петропавловскъ. Исключеніе составляетъ лишь пароходъ «Камчатка» г-на Филлипеуса, контрагента правительства по снабженію сѣверныхъ округовъ Приморской области Восточной Сибири мукой, крупой, порохомъ, свинцомъ и солью. Пароходъ этотъ, при совершеніи заповѣренного Государствомъ пароходнаго рейса между Владивостокомъ и портами сѣверныхъ округовъ области, по приходѣ своемъ въ Петропавловскъ, направляется, согласно контракту, въ Усть-Камчатскъ, а затѣмъ на обратномъ пути во Владивостокъ также обязательно заходитъ въ Тигиль и Гижигу. Значитъ, кому нужно изъ Петропавловска съѣздить въ Усть-Камчатскъ, тотъ можетъ рассчитывать разъ въ годъ, по осени, совершить этотъ путь туда и обратно на пароходѣ. Для поѣздки же на западный берегъ, такое удобство предоставляется только въ одинъ конецъ; обратный же путь изъ Тигиля или Гижиги въ Петропавловскъ приходится совершать уже черезъ Охотскъ, Вянь, Удское, посты Сахалина и Владивостокъ, т. е. вернуться въ Петропавловскъ только черезъ годъ или же слѣдовать обратно сухимъ путемъ по тундрамъ и горнымъ тропамъ Камчатки, проходимымъ лишь въ извѣстную пору года. Хорошо если удастся еще воспользоваться рѣками и хоть отчасти захватить сухіе дни; а если не удастся, какъ это большею частію и случается,—тому волей-неволей приходится ждать полнаго наступленія зимы, когда ледъ окончательно скуетъ болота и ручьи, а снѣгъ засыплетъ камни, колоды, кусты, ямы, овраги и тому подобныя многочисленныя препятствія. Зимній путь по Камчаткѣ,—въ классической собачьей партѣ, въ значительной степени сокращаетъ время переѣзда и облегчаетъ невзгоды его, увеличивая однако опасность сломать себѣ шею или выколотъ глаза. Кромѣ того путнику то и дѣло приходится считаться съ мятелями и сугробами снѣга.

Зима въ Камчаткѣ устанавливается въ октябрѣ и продолжается (по восточной полосѣ полуострова) до мая (по западной долѣ), и нерѣдко сопровождается сильными стужами, особенно въ центральной части. Вообще климатъ Камчатки значительно суровѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, въ виду положенія страны, какъ полуострова, и широтамъ ея, соответствующимъ среднимъ губерніямъ Европейской Россіи. Но именно моря, омывающія берега Камчатки, и заключаютъ въ себѣ главную причину суровости климата. Близость Сѣвернаго Океана, этого необъятнаго хранилища льдовъ, сильно охлаждаетъ воздухъ и отражается на Камчаткѣ не только въ видѣ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, но еще и въ видѣ холоднаго, полярнаго теченія, идущаго изъ Берингова пролива вдоль Чукотской земли и по восточному берегу Камчатскаго полуострова. Съ западной стороны полуострова, обширный бассейнъ Охотскаго моря, замкнутый Курильскою грядою, ни въ какомъ случаѣ не содѣйствуетъ теплу: напротивъ, море это до такой степени загромождается льдами зимою, что въ климатическомъ отношеніи является настоящимъ ледянымъ континентомъ. Лѣтомъ же ледъ носится въ южной части этого моря до іюля и даже августа. Правда случается это не каждый годъ и относится исключительно къ юго-западному углу моря, гдѣ, какъ въ мѣшкѣ, ледъ скопляется заносами съ сѣвера и удерживается сѣверо-восточными вѣтрами; восточная же половина Охотскаго моря, т. е. у берега Камчатки, очищается отъ льда сравнительно даже рано, такъ какъ уже въ маѣ американскія суда появляются у этихъ береговъ и обыкновенно заходятъ къ устью р. Явины для ловли трески. Извѣстный естествоиспытатель Миддендорфъ, въ 1844 году, въ теченіи всего іюля былъ задержанъ льдами у Шанторскихъ острововъ; пишущій же эти строки испыталъ тоже самое въ 1869 г., бывъ затертъ льдомъ 19 іюля на высотѣ сѣверной оконечности Сахалина, и потомъ еще въ августѣ боролся со льдами въ юго-западномъ углу моря на высотѣ гавани Байкаль и зал. Счастіе. Экваторіальные воздушные токи, т. е. юго-западные теплые вѣтры, проходя черезъ вѣчно холодное, почти ледяное Охотское море, охлаждаются и, достигнувъ Камчатскаго полуострова, не приносятъ уже ему ничего отраднаго. Только свободное отъ льдовъ Берингово море да часть Тихого океана съ его теплымъ Японскимъ теченіемъ Куро-Сива, соответствующимъ гольфштрему Атлантическаго океана, умѣряютъ нѣсколько зимнюю стужу; но вліяніе ихъ почти исключительно сосредоточивается на восточномъ берегу полуострова, не касаясь западнаго, до котораго центральный кряжъ Камчатскихъ горъ не допускаетъ ни тепла, ни влаги, приносимыхъ съ юга и юго-востока. Поэтому въ климатѣ восточной и западной частей полуострова великая разница. Въ Петропавловскѣ, напримѣръ, температура зимою рѣдко падаетъ ниже минусъ 20° R.; на противоположномъ же западномъ берегу, въ Большерѣцкѣ, напримѣръ, нерѣдко замерзаетъ ртуть. Явленіе очень характерное и даже поразительное, если обратимъ вниманіе на ничтожность разстоянія, раздѣляющаго названные два пункта, всего 120 верстъ, причемъ пункты эти находятся еще почти на одной параллели. Чувствительно согрѣвая восточный берегъ зимою, океанъ замѣтно охлаждаетъ его, однако, лѣтомъ. Влажные морскіе вѣтры и очень частые густые туманы, приносимые ими съ океана, приводятъ къ тому, что средняя температура трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Авачинской

Переѣздъ черезъ Тагильскій хребетъ въ Камчаткѣ.

Потому въ климатѣ восточной и западной частей полуострова великая разница. Въ Петропавловскѣ, напримѣръ, температура зимою рѣдко падаетъ ниже минусъ 20° R.; на противоположномъ же западномъ берегу, въ Большерѣцкѣ, напримѣръ, нерѣдко замерзаетъ ртуть. Явленіе очень характерное и даже поразительное, если обратимъ вниманіе на ничтожность разстоянія, раздѣляющаго названные два пункта, всего 120 верстъ, причемъ пункты эти находятся еще почти на одной параллели. Чувствительно согрѣвая восточный берегъ зимою, океанъ замѣтно охлаждаетъ его, однако, лѣтомъ. Влажные морскіе вѣтры и очень частые густые туманы, приносимые ими съ океана, приводятъ къ тому, что средняя температура трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Авачинской

губѣ не превышаетъ $+12^{\circ}\text{R}$, тогда какъ въ Тигилѣ на западномъ берегу, на 5° сѣвернѣе Авачи, средняя температура этихъ мѣсяцевъ $+14^{\circ}\text{R}$. Великая, вѣчно открытая водная поверхность, примыкающая къ восточному берегу полуострова, доставляетъ ему такую массу влажности, что зимою иногда снѣгомъ заноситъ дома въ Петропавловскѣ; на западномъ же берегу полуострова снѣгу бываетъ такъ мало, что нерѣдко домашній скотъ можетъ зимою питаться подножнымъ кормомъ, выгребая его изъ подъ тонкаго снѣжнаго покрова.

Сѣверная часть полуострова, т. е. высокое плоскогоріе, въ которое переходятъ Камчатскія горы, открыто вѣтрамъ какъ Ледовитаго океана, такъ и сосѣднихъ морей, Охотскаго и Берингова. Облака и туманы то съ той, то съ другой стороны почти непрерывно стелются по этому плоскогорью и снѣжные мятели (пурги) невозбранно разгуливаютъ зимою; это обстоятельство, въ связи съ большою широтою плоскогорья и значительною высотой его, обуславливаютъ такую низкую среднюю годовую температуру на плоскогорьи, что земля во многихъ мѣстахъ не успѣваетъ оттаять болѣе чѣмъ на 2 фута и влага, не имѣя исхода, превращаетъ всю эту мѣстность въ настоящую тундру.

Не многимъ лучше этой сѣверной безотрадной части Камчатки и ея южная часть. Сначала крайне гористая, а потомъ, у побережья, плоская, болотистая и открытая для всѣхъ вѣтровъ, часть эта, не смотря на сравнительно болѣе южное положеніе, нынѣ почти не обитаема: курильцы и помѣси ихъ съ камчадалами вымерли, а заселить эту страну нечѣмъ. Окраины полуострова, его приморскіе берега, вообще мало благоприятны для земледѣльцевъ. Не уютно тутъ человѣку на бесплодныхъ каменныхъ обрывахъ ни въ туманное короткое лѣто, когда по недѣлямъ не видно солнца, ни въ глухую холодную зиму, когда буря воетъ и вѣтеръ бушуетъ, вспугивая чаекъ да ломая попадающіяся кое гдѣ жалкія деревья: березу, ивнякъ, кедровый славенецъ, имѣющія жалкій кривой, изогнутый видъ отъ сильныхъ вѣтровъ и обильнаго снѣга. Впрочемъ раньше весь восточный берегъ былъ обитаемъ; но нынѣ все народонаселеніе или вымерло, или переселилось въ

Камчадалы.

опустѣвшія селенія центральной Камчатки. Въ настоящее время туземцы выѣзжаютъ къ негостепримнымъ берегамъ Камчатки лишь на время охоты за морскими звѣрями и на рыбный промыселъ, а потомъ снова уходятъ внутрь полуострова, за высокія кряжи горъ, въ уютныя горныя долины, куда и туманъ не такъ часто проникаетъ и вѣтеръ не такъ сильно свирѣпствуетъ.

Внутренность полуострова не много лучше и благоприятнѣе для жизни человѣка, чѣмъ окраины. Долина рѣки Камчатки и ея многочисленныхъ притоковъ (117) несомнѣнно самая плодородная; какъ въ климатическомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ наилучшая часть страны. Со всѣхъ сторонъ защищенная высокими горами, достаточно просторная (до 15 тысячъ квадр. верстъ), обильно орошенная, долина эта обладаетъ прекрасною, даже роскошною растительностію. Въ короткое влажное лѣто нѣкоторыя травянистыя растенія, какъ, напримеръ, медвѣжій корень—сладкая трава достигаютъ здѣсь до 5 футовъ, а зонтичное растеніе—борщевикъ бываетъ еще выше, поражая путешественника развитіемъ своей многоразсѣченной гигантской листвы. Но рассказы, что траву косятъ здѣсь по три раза въ лѣто не заслуживаютъ никакого вниманія. По изобильнымъ, сочнымъ лугамъ, пестрящимъ цвѣтами шиповника, лиліи,

спирей, клевера, подсибжника и фиалокъ—разбросаны роши великолѣнныхъ тополей, березы «преснецъ», ольхи, ветлы, кущи черемхи, бузины, рябины, ивы и лозы, по скатамъ же горъ красуются строевые лѣса лиственницы, ели и каменной березы. Немудрено, что тотъ, кто составилъ себѣ понятіе о Камчатской флорѣ только по прибрежнымъ каменнымъ полосамъ земли, да по болотистымъ тундрамъ подножія прибрежныхъ горъ, до нельзя поражается изобиліемъ, разнообразіемъ, красотою и мощностію растительности долинъ полуострова, приравнивая эту растительность даже до тропической,—какъ это и случилось не разъ съ путешественниками, проводившими въ долинахъ нѣсколько красныхъ июльскихъ дней. Понятно также, почему и бѣдный туземецъ Камчатки избѣгаетъ голаго, холоднаго морскаго берега и по преимуществу ютится въ этихъ благодатныхъ долинахъ. По восточному, на примѣръ, морскому берегу, отъ Петропавловска и до устья р. Камчатки, на протяженіи 600 верстъ, нѣтъ ни одного селенія; въ долинахъ же одной р. Камчатки съ ея притоками насчитывается 17 селеній, что, при общей скудности населенія полуострова, на которомъ врядъ ли наберется всего съ полсотни населенныхъ мѣстъ, много уже говоритъ за себя.

Сосредоточивая въ себѣ населеніе, долины Камчатки естественно служатъ и главнымъ мѣстомъ, гдѣ проявляется культура. Около нѣкоторыхъ деревень (напр. около Ключевской) встрѣчаются посѣвы ячменя, картофеля, конопли, а также разные огородные овощи, но все это въ ничтожныхъ размѣрахъ.

Для хлѣбопашества климатъ Камчатки даже въ долинахъ не всегда благопріятенъ: ранніе иней въ иной годъ мѣшаютъ наливу зерна и не даютъ ему дозрѣвать. Овощи же, кромѣ огурцовъ, родятся отлично, бываютъ очень крупны, особенно же рѣпа, рѣдька и свекла, достигающія необыкновенной величины. Хорошо родится и картофель, но, какъ увидимъ ниже, образъ жизни камчадаловъ, ихъ рыбные и пушные промыслы отвлекаютъ жителей отъ сельско-хозяйственныхъ занятій. Рыба — насущный хлѣбъ камчадала и неразлучнаго спутника его—собаки; пушнина же, какъ единственный предметъ сбыта, даетъ средства на все остальное, необходимое въ незатѣйливомъ быту туземца. Всю зиму гонясь за звѣремъ, а лѣтомъ занятый рыбною ловлею, камчадалъ не имѣетъ времени заниматься полями и огородами, такъ что при настоящемъ бытѣ туземцевъ можно только удивляться какъ у него развилось сельское хозяйство хотя бы и въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится теперь. вмѣстѣ съ хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, въ камчатскихъ селеніяхъ занимаются также разведеніемъ домашняго скота, но опять-таки въ небольшомъ количествѣ. Лошади и рогатый скотъ—якутской породы, которая въ Камчаткѣ, не смотря на плохой уходъ, улучшилась, благодаря прекрасному изобильному корму. Развитію скотоводства въ Камчаткѣ препятствуетъ таже причина, какъ и земледѣлію, т. е. недостатокъ времени: некогда запасаться сѣномъ въ должномъ количествѣ. Размноженію скота мѣшаютъ, кромѣ того, и собаки, содержимыя при селеніяхъ въ огромномъ количествѣ для ѣздовыхъ цѣлей. Отпущенныя лѣтомъ на свободу для самостоятельнаго прокормленія себя, собаки рыщутъ по окрестностямъ, пугаютъ скотъ, а нерѣдко и пожираютъ жеребятъ, телятъ, овецъ, свиней и домашнюю птицу. Оттого послѣднія, мелкія животныя, только и держатъ еще немного въ Петропавловскомъ портѣ. Камчатская ѣздовая собака—врагъ скотоводства; тѣмъ не менѣе она является важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ животнымъ въ Камчаткѣ. При тамошнихъ глубокихъ снѣгахъ, ѣзда на собакахъ зачастую является единственнымъ способомъ сообщенія въ этой дикой, малонаселенной горной странѣ, гдѣ сотни верстъ приходится проѣзжать не встрѣчая жилья и гдѣ нѣтъ возможности запасись кормомъ. Лошадь вязнетъ въ сугробахъ снѣга и тонкій ледъ горныхъ рѣчекъ не выдерживаетъ ея тяжести; собаки же, запряженныя въ легкія сани или нарту, отлично держатся на рыхломъ снѣгу и проходятъ по тонкому льду, что, при отсутствіи мостовъ на полуостровѣ, существенно важно.

Камчатскія ѣздовыя собаки по виду весьма схожи съ нашими дворовыми собаками. Главное ихъ качество—выносливость: холодъ, голодъ, усталость онѣ переносятъ замѣчательно

стойко; иногда, при длинномъ пути, онѣ до крови растираютъ себѣ ноги, но энергія ихъ все же не покидаетъ. Въ ѣздовое, т. е. зимнее время держатъ ихъ на привязи и кормятъ кислую рыбу или юкалой, но онѣ нерѣдко остаются въ проголодь. Обычный размѣръ нарты 10 ф. длины и 2 ф. ширины; сани состоятъ изъ деревянныхъ полозьевъ, копыльцевъ, дугообразно согнутыхъ «барановъ», связанныхъ ремнями. Въ саняхъ нѣтъ ни куска желѣза, тѣмъ не менѣе они весьма прочны, вѣсятъ не болѣе 20 ф. и поднимаютъ тяжесть до 400—500 ф. Въ сани впрягаютъ обыкновенно отъ 7 до 15 собакъ, смотря по длинѣ пути и размѣрамъ груза; 11 собакъ легко перевозятъ грузъ въ 400 ф., пробѣгая въ день 40—50 в. Собаки впрягаются гуськомъ, прицѣпляясь ошейникомъ и алыкомъ (родъ шлеи) къ длинному ремню, такъ-называемому «среднею» изъ тюленьей кожи. Передняя собака служитъ путеводителемъ въ снѣжной пустынѣ и дрессируется такъ, чтобы при ея помощи можно было управлять нартою. Ни возжей, ни кнута нѣтъ; все дѣлается голосомъ, словами, выкрикиваемыми на извѣстный тонъ: «кохъ!

Камчатская ѣзда на собакахъ.

кохъ!» означаетъ—на право, «хуггъ! хуггъ!»—на лѣво! «на-на-на» съ гортаннымъ выговоромъ обозначаетъ «стой» или тише и т. д. Название собакамъ даютъ по цвѣту шерсти, рѣдко по другимъ примѣтамъ. Ихъ называютъ напримѣръ: «Бѣлій», «Бѣлолянка», «Черный», «Черногривый», «Желтый», «Пестрый», «Мухнака» и т. п. Молодыхъ щенятъ называютъ «Цуцки». Собаки хорошо знаютъ свои имена: стоитъ только каюру (кучеру) крикнуть имя лѣнящейся изъ нихъ,—и она моментально напрягаетъ свои силы. Всѣмъ ѣзовымъ собакамъ обрѣзываютъ хвосты въ возрастѣ одного года.

Для торможенія саней при спускѣ съ горъ, а также, чтобы остановить собакъ, когда онѣ очень разгорячатся и не слушаютъ голоса, употребляютъ оштоль — толстая палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Острый конецъ палки (каюрь) вонзается въ такихъ случаяхъ въ снѣгъ у передней части нарты. Ёзда на собакахъ требуетъ большой сноровки и далеко не безопасна: необходимо постоянно сохранять равновѣсіе, иначе узкая нарта легко опрокинется и путникъ вылетитъ въ снѣгъ; собаки же при этомъ неудержимо несутся впередъ, пока

не зацѣпятся за что нибудь или не добѣгутъ до жилья. Ёздокъ особенно долженъ быть на сторожѣ при спускѣ съ горъ, когда санки несутся по узкой лѣсной тропинкѣ и путникъ ежеминутно рискуетъ выколотъ себѣ глаза сучьями или разбиться объ пень. Даже на ровномъ мѣстѣ требуется сосредоточенное вниманіе, такъ какъ, почуявъ оленя или лисицу, завидѣвъ зайца или бѣлую куропатку, собаки неожиданно бросаются за ними въ сторону, и заѣвавшемуся каюру не легко остановить ихъ и вновь направить на надлежащій путь.

Камчатскія собаки обладаютъ удивительнымъ чутьемъ, даже предчувствуютъ приближеніе непогоды, бури. Когда мятель (пурга) застаётъ путниковъ въ открытомъ мѣстѣ,— ищутъ по возможности удобнаго мѣста и ждутъ затишья, иногда по нѣскольку дней. Собаки въ такихъ случаяхъ обыкновенно лежатъ смиренно, но отъ голода иногда объѣдаютъ ремни своей упряжи. Весною, когда послѣ таянія снѣговъ прекращается служба ёздовыхъ собакъ, ихъ во многихъ мѣстахъ еще и нынѣ отпускаютъ на волю и онѣ кормятся по своему произволу, выкапывая мышей изъ норъ, промышляя рыбу «сненку» въ рѣкахъ, гоняясь за молодой дичью и, какъ было сказано выше, не отказываясь отъ удовольствія полакомиться даже и домашними животными. Кромѣ извоза, собаки употребляются также и для охоты за оленями, медвѣдями, лисицами и соболями. На сѣверѣ же, въ тундрахъ Камчатки, собаки несутъ еще и сторожевую службу при стадахъ оленей, которыхъ онѣ оберегаютъ отъ волковъ, подобно нашимъ овчаркамъ.

Съ появленіемъ сѣвернаго оленя, какъ домашняго животнаго, ёздовая обязанность камчатскихъ собакъ переходитъ на оленей, которые не только возятъ, но и одѣваютъ и питаютъ своихъ хозяевъ. Оленей содержатъ въ Камчаткѣ коряки и ламуты, кочующіе въ сѣверной части полуострова, по плоской безлѣсной возвышенности, изобилующей оленьимъ кормомъ. Масса влаги, скопляющейся въ этой сѣверной нагорной мѣстности, будучи удерживаема въ верхнихъ слояхъ земли ледяною подпочвою, способствуетъ произрастанію мха, который въ короткое полярное лѣто сѣверной Камчатки, подъ усиленнымъ вліяніемъ тепла и свѣта, развивается до замѣчательныхъ размѣровъ и отъ моря до моря покрываетъ собою огромныя пространства полуострова. Нога человѣка по колѣно вязнетъ въ губкообразной влажной массѣ этаго мха; лошадь, собака выбиваются изъ силъ въ густой заросли, гдѣ и питаются имъ нечѣмъ; для оленя же въ этомъ моховомъ морѣ представляется раздолье и онъ благоденствуетъ въ немъ, то прямо срывая сочныя вѣтки мха, то выгребая его изъ подъ снѣга своими копытами. Лѣтомъ олени питаются листьями альпійскихъ растений и уходятъ за черты мховъ, зимою же возвращаются въ тундру западнаго берега, гдѣ постоянно есть такъ-называемыя «выдувныя мѣста».

Обездоленная въ отношеніи хлѣбныхъ злаковъ Камчатка изобилуетъ множествомъ дикорастущихъ кореньевъ и травъ, пригодныхъ въ пищу человѣку и служащихъ какъ-бы суррогатомъ хлѣба. Въ этомъ отношеніи «сарана», изъ породы лилій (особенность Камчатки и приохотскаго края), играетъ первенствующую роль. Въ пищу идетъ корень; луковица, выкапывается изъ земли по осени, чаще же выбирается изъ мышинныхъ норъ. Сарана (*Fritillaria sagana*) замѣняетъ крупу; пирейникъ вмѣстѣ съ морошкою, голубикою и другими ягодами составляетъ пріятнѣйшее кушанье камчадаловъ, любимое ихъ лакомство. Сарана бываетъ нѣсколькихъ родовъ: круглая (*Fritillaria sagana*), овсянка (*Lilium avelinarium*), мохнатая сарана, однолистка и пр. Изъ другихъ растений назовемъ сладкую траву (*Heracleum dulce*), которая, подобно саранѣ, служила раньше угощеніемъ на всѣхъ празднествахъ, замѣняя конфекты. До ввоза въ Камчатку сахара, жители выдѣлывали его изъ этой травы: съ одного пуда ея получалось до четверти фунта сахара. Изъ этой же травы прежде гнали раку, родъ водки, сильно опьяняющей и располагающей къ галлюцинаціямъ подобно опиуму. Изъ двухъ пудовъ травы выгонялось до ведра раки. Кипрей трава (*Epilobium*) употреблялась прежде да иногда и теперь употребляется какъ чай. Трава эта служитъ также хорошимъ сусломъ для

кваса и укеуса. Приготовленный инородцами сушеный кипрей приятен на вкусъ. Между прочимъ его употребляютъ въ разныя приправы и сырой ѣдятъ, снявъ предварительно со стеблей верхнюю оболочку.

Черемша (*alium ursinum*) или полевой чеснокъ замѣняетъ въ хозяйствѣ настоящій чеснокъ и лукъ. Растеніе это славится какъ надежное противоцинготное средство. Матросы военныхъ и коммерческихъ судовъ, посѣщающихъ Камчатку, обыкновенно въбо льшомъ количествѣ запасаются черемшей и ѣдятъ ее, какъ капусту въ щажъ, отварную и нѣсколько сквашенную. Кромѣ черемши, въ Камчаткѣ много и другихъ лѣкарственныхъ травъ. Туземцы отлично умѣютъ распознавать ихъ и часто пользуются ими.

Изъ волокнистыхъ растений «болотная трава» употребляется на постилку въ обуви и на обвертку ногъ во время зимнихъ путешествій. Есть также много длинной волокнистой крапивы, замѣняющей пеньку. Крапивная пряжа идетъ на сѣти и изъ нея можно было бы ткать холсты.

Ягодъ въ Камчаткѣ тоже въ изобиліи; кромѣ упомянутыхъ уже морошки и голубики или голубели, тамъ растетъ особенно пріятнаго вкуса жимолость, брусника, черника, шишка, черемуха, малина, кислица, рябина, княжника и многія другія ягоды, коими буквально пестрятъ луга и скаты горъ. Подобно съѣдобнымъ травамъ и кореньямъ, жители, исключительно впрочемъ женщины и дѣти, усердно собираютъ эти ягоды лѣтомъ и въ большомъ количествѣ запасаются ими на зиму. Тоже можно сказать и относительно орѣховъ, грибовъ и т. п. лѣсныхъ произрастаній.

Лѣса въ Камчаткѣ вообще много, имъ покрыты сплошь почти все горы, за исключеніемъ вершинъ, гдѣ, за предѣлами лѣсной растительности, начинается уже альпійская флора, а также и за исключеніемъ тундръ и каменистыхъ мѣстъ на сѣверѣ полуострова. Впрочемъ нѣкоторыя сѣверныя долины тоже лѣсисты. Лѣсъ, встрѣчающійся на морскихъ окраинахъ,—какъ было уже упомянуто,—малоросль и состоитъ по преимуществу изъ ельника и кедроваго сланца, стелящихся по землѣ. На этомъ сланцѣ иглы и шишки, какъ у настоящаго кедра, только орѣхи нѣсколько менѣе кедровыхъ. Подобно черемшѣ, сланцевыя молодыя шишки и побѣги служатъ отличнымъ противоцинготнымъ средствомъ. Кедровый сланецъ покрываетъ огромную поверхность Камчатки, поэтому въ урожайные года орѣховъ его бываетъ изобиліе и если-бы были свободныя руки, время да охота собирать орѣхи, то изъ нихъ можно бы было въ избыткѣ выдѣлывать масло не только для мѣстнаго потребленія (какъ это отчасти и дѣлалось прежде), но и для значительнаго вывоза въ другія страны. Да и все растеніе сланца—одно изъ наиболее полезныхъ въ Камчаткѣ. Встрѣчаясь на самыхъ пустынныхъ мѣстахъ сѣвера, по тундрамъ и на обнаженныхъ, ничего уже болѣе не производящихъ, скалахъ, сланецъ служитъ отличнымъ и зачастую единственнымъ топливомъ для кочующихъ инородцевъ Камчатки, и безъ него многія сѣверныя мѣста полуострова, какъ и вообще сѣверо-восточной Сибири, были бы необитаемы.

Далѣе отъ моря, какъ было уже замѣчено, въ Камчаткѣ въ изобиліи появляются каменная береза (*Betula Ergmani*), ольха, рябина, тополь, ель, ветла, осина и самое цѣнное въ судостроеніи дерево—лиственница. Последнее растетъ впрочемъ исключительно въ долинахъ р. Камчатки и ея притоковъ.

При всемъ изобиліи лѣса, жители нерѣдко бѣдствуютъ отъ недостатка топлива на морскихъ окраинахъ, особенно при отправленіи къ морю массами для промысловъ за морскимъ звѣремъ; тогда бываетъ большая потребность въ топливѣ, а на морскомъ берегу, на десятки верстъ ничего порядочно горящаго нельзя найти, и приходится довольствоваться тѣмъ, что выбросило море, т. е. до нельзя сырымъ лѣсомъ, который только дымитъ. Лѣса Камчатки изобилуютъ пушнымъ звѣремъ: соболями и лисицами; есть росомахи, выдры, горностан; много зайцевъ, овражекъ и проч., а также медвѣдей, волковъ, горныхъ барановъ, дикихъ оленей.

Камчатскіе соболи, по величенію и пышности, считаются лучшими въ Сибири, они не такъ черны. Наиболѣе цѣнны соболи—тигильскіе и укинскіе, самые же плохіе около Лопатки и Курильскаго озера.

Ловля соболей, какъ и вообще пушнаго звѣря, производится исключительно зимою. Камчадалы гоняются за ними на лыжахъ съ нарочно дрессированными для того собаками. То мѣсто, гдѣ найдутъ спрятавшагося соболя, окружаютъ обыкновенно сѣтью или обметомъ и затѣмъ дымомъ выкуриваютъ его изъ норы или изъ подъ колоды, затѣмъ, или ловятъ его собаками и застрѣливаютъ изъ ружья, или убиваютъ палками. Число соболей, ежегодно добываемыхъ нынѣ въ Камчаткѣ, простирается до 3,000; цѣна же имъ—15 руб. за штуку—разногo рода товарами. Соболиный промыселъ, изстари развитой по Камчаткѣ, съ годами болѣе и болѣе падаетъ вслѣдствіе убыли звѣрьковъ. Прежде, говорятъ, ихъ было невѣроятное множество; теперь же если кто изловитъ ихъ пять—шесть въ зиму, тотъ считается уже отличнымъ, усерднымъ и счастливымъ промышленникомъ.

Лисицы водятся чернобурья и сиводушки, но больше красныхъ. Подобно соболямъ, камчатскія лисицы лучшія въ Сибири. Камчадалы промышленяютъ лисицъ капканами и ружьемъ, а иногда бьютъ ихъ и палками, именно въ голодное время, когда лисица подходитъ къ жилищамъ. Говорятъ, что въ прежнее время, когда лисицъ было очень много, практиковался только послѣдній способъ ловли. Лучшій промыселъ бываетъ, когда снѣгъ выпадетъ на мерзлую землю и лисица не въ состояніи болѣе разыскивать и разрывать норы мышей, которыми она питается. Мѣстная цѣна мѣха красной лисицы 2 руб. 50 коп.; вывозъ же незначительный, всего 500—1000 штукъ.

Россомакъ въ Камчаткѣ сравнительно совсѣмъ мало; ихъ вывозятъ лишь нѣсколько десятковъ въ годъ; мѣстная цѣна имъ 6 руб. Охота на россомакъ производится нынѣ только при помощи ружья. Мѣхъ россомакъ въ почетѣ у камчадаловъ: имъ они оторачиваютъ праздничные наряды свои, а космами россомакъ корякскія женщины украшаютъ свои малахаи (шапки) и кукули (капшоны) своихъ куклятокъ (дѣтей).

Зайцы въ Камчаткѣ какъ бы въ пренебреженіи, но все-таки ихъ ловятъ, а изъ шкуръ ихъ шьютъ одѣяла. Горностаевъ бьютъ весьма немного; купцы покупаютъ, платя 10 иголокъ за шкурку. Сурковъ почти вовсе не ловятъ, такъ что шкуръ этихъ звѣрьковъ можно и совсѣмъ не считать въ числѣ камчатской мѣховой рухляди.

Изъ другихъ звѣрей больше всего въ Камчаткѣ медвѣдей и волковъ, изъ которыхъ первыя лѣтомъ, а послѣдніе зимою, бродятъ по тундрамъ, словно домашній скотъ. Камчатскіе медвѣди хотя велики, но не свирѣпы. На людей сами никогда не нападаютъ, а только обороняются. Питаются медвѣди ягодами, рыбой и мышами. Когда на устьяхъ рѣкъ появляется рыба,—медвѣди съ горъ стадами устремляются къ морю и лапами промышленяютъ рыбу въ такомъ количествѣ, что довольствуются однѣми головками рыбы, а тушу ея бросаютъ, какъ негодное. Когда же рыба въ рѣкахъ переводится, а на тундрахъ нѣтъ корму,—не брезгаютъ и костями, что валяются на берегу; не рѣдко же пускаются на воровство рыбы изъ балагановъ промышленниковъ или же душатъ рогатый скотъ. Камчатскіе жители нынѣ промышленяютъ медвѣдей исключительно стрѣльбой изъ ружья; прежде же били ихъ косьями въ берлогахъ. Послѣдній способъ преоригинальный! Камчадалы натаскивали къ отверстию берлоги полѣньевъ, палокъ; медвѣдь, стараясь очистить выходъ, втаскивалъ все это въ берлогу до тѣхъ поръ, пока самому ужъ негдѣ было повернуться. Тогда камчадалы пробирались къ звѣрю уже сверху берлоги и закалывали его. Число медвѣдей, прежде ежегодно убиваемыхъ въ Камчаткѣ, было громадно. Извѣстно, напримѣръ, что казакъ въ одну зиму убилъ 52 медвѣдя. Теперь же этотъ промыселъ значительно упалъ: вывозится въ годъ всего нѣсколько сотъ медвѣжьихъ шкуръ; мѣстная цѣна имъ отъ 3 до 10 руб. Медвѣжьимъ мѣхомъ жители пользуются для подстилокъ, вмѣсто постели, а также шьютъ себѣ кукули (мѣшки, въ которыхъ спать на

снѣгу), кожу употребляютъ еще на подошвы, ремни и пр. Медвѣжьій жиръ и мясо идутъ въ пищу и очень цѣнятся, жиръ кромѣ того употребляется для освѣщенія избъ и юртъ. Волчій мѣхъ тоже цѣнится на полуостровѣ. Онъ даетъ камчадалу теплое прочное платье; тѣмъ не менѣе волковъ промышляютъ сравнительно мало, такъ что звѣрь этотъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы, воруя лисицъ изъ капкановъ, нападая на домашній скотъ и табуны оленей, не смотря даже на бдительный надзоръ за ними коряковъ. Дикій олень, равно какъ и дикій каменный баранъ водятся въ Камчаткѣ въ значительномъ количествѣ. Шкуры ихъ даютъ самое теплое платье; мясо и жиръ—вкусную, питательную пищу, изъ роговъ дѣлаютъ ковши, ложки и другія мелочи домашняго обихода; вообще все части дикаго оленя идутъ на потребу человека и потому охота на этихъ звѣрей сильно развита на полуостровѣ. Къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ они истреблены уже до минимума, какъ, напримѣръ, по всему сѣверо-западному и сѣверо-восточному побережью. Дикій баранъ по виду и походкѣ сходенъ съ козю; шерстью же походитъ на оленя. Бѣгаютъ бараны также быстро, какъ серны, и подобно имъ скачутъ съ камня на камень огромными прыжками.

Перечисляя различныхъ животныхъ, водящихся въ Камчаткѣ, нельзя не упомянуть о камчатскихъ мышахъ, вѣрнѣе «полевкахъ», которыя, по характерному выраженію Крашенинникова, служатъ камчадалу вмѣсто рабовъ, т. е. добываютъ ему хлѣбъ. Собственно на полуостровѣ водятся три рода «полевокъ», но мы имѣемъ въ виду наиболѣе полезный родъ ихъ—*Arvicola oscopomus* var *Kamtschatica*. Эта полевка схожа съ нашею европейскою сѣрою полевкою (*Arvicola taticeps*); шерсть сѣробоурая и хвостъ короткій.—Живетъ въ норахъ по тундрамъ и въ рѣдколѣсье во множествѣ. Кладовыя этихъ полевокъ просторны, чисты, выстланы травой; въ нихъ хранится сарана, кемчша (*clintonia*) и другіе корни и клубника, трудолюбиво собранныя мышами лѣтомъ для зимняго корма. Лѣтомъ мыши питаются ягодами, орѣхами и всемъ, что попадется; зимніе же запасы не трогаютъ, напротивъ усердно пополняютъ и даже просушиваютъ ихъ въ ясные, теплые дни. Этимъ трудолюбіемъ и запасливостью камчадалы широко пользуются. Обыкновенно женщины разыскиваютъ кладовыя «полевокъ» и выбираютъ изъ нихъ запасы сараны или кемчши (*clintonia*), оставляя однако извѣстную часть мышамъ, чтобы имъ было чѣмъ пропитаться до новаго корма. Камчатскія полевки, также какъ и норвежскія лемминги, удостоились какъ со стороны мѣстныхъ жителей, такъ и со стороны ученыхъ путешественниковъ романическихъ разсказовъ объ ихъ изумительныхъ путешествіяхъ на полуостровѣ и внѣ его. Говорятъ, что полевки совершаютъ иногда свои перекочевки до того громадными стадами, что путнику, встрѣтившему полчища ихъ на пути своемъ, приходится иногда по часу и по два дожидаться прохода. На пути своемъ полевки не обходятъ ни рѣкъ, ни озеръ, а пускаются вплавь и, достигнувъ противоположнаго берега, ложатся отдыхать, сушиться, а потомъ продолжаютъ путь свой. Камчадалы считаютъ годъ особеннаго размноженія полевокъ, «своихъ кормильцевъ», счастливымъ годомъ. У нихъ есть примѣта, что скудное количество полевокъ въ Камчаткѣ предвѣщаетъ влажное лѣто и дурной звѣриный промыселъ. Последнее обуславливается тѣмъ, что лисицы и другіе звѣри питаются мышами, а потому, при скудности полевокъ въ Камчаткѣ, они удаляются на сѣверъ, за предѣлы полуострова.

Подобно суши, воды Камчатки также богаты животною жизнью. Въ рѣкахъ водится много выдръ, особенно въ рѣкахъ по западному берегу. Ловятъ ихъ большею частью капканами. Кожу выдръ употребляютъ на опушки камчадальскаго платья; ихъ нынѣ вывозятъ штукъ до 700, а мѣстная цѣна имъ отъ 3 до 5 руб. Тюленей въ камчатскихъ моряхъ несмѣтное множество и водится ихъ нѣсколько породъ. Крупнѣйшая изъ нихъ—лахтакъ (*Phoca barbata*) величиною болѣе обыкновеннаго быка. За ними охотятся преимущественно между 56 и 64° широты какъ по Охотскому берегу, такъ и со стороны Берингова моря. Обыкновенно тюлени находятся около устьевъ большихъ рѣкъ и рыбныхъ бухтъ, гдѣ въ малую воду сплошь открываются оголяющіеся пески и камни. Далѣе 30 миль отъ берега тюлени

не заходятъ въ море; въ рѣки же они поднимаются иногда верстъ на 80, на примѣръ, въ рѣку Тигиль, особенно же во время хода рыбы, когда тюлени преслѣдуютъ ее цѣлыми стадами. Тюлени носятъ по одному щенку и кормятъ ихъ молокомъ. Тунгусы даютъ молоко тюленей своимъ дѣтямъ, какъ лекарство. Тюлени очень трусливы: съ приближеніемъ человѣка обращаются въ бѣгство. Поэтому на берегу стараются обойти ихъ, когда они сидятъ. Отрѣзавъ же отступленіе къ морю, бьютъ палками. Въ рѣкахъ же и озерахъ, вообще въ водѣ стрѣляютъ ихъ изъ винтовокъ, цѣля въ голову; въ противномъ же случаѣ раненый тюлень уходитъ въ воду, гдѣ его трудно розыскать. Камчадалы бьютъ тюленей еще «носкомъ», родъ дѣла въ воду, гдѣ его трудно розыскать. Камчадалы бьютъ тюленей еще «носомъ», родъ конья на веревкѣ, для чего подкрадываются изъ подъ вѣтра. Прежніе жители Лопатки, подобно курильцамъ, убивали тюленей изъ байдаръ, сонныхъ, на морѣ, въ тихую погоду; жители же Большерѣцка и окрестныхъ рѣчекъ ловили ихъ сѣтями. Когда тюлени поднимались вверхъ по рѣкѣ, тогда въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣки протягивали крѣпкія сѣти; при каждой сѣти становились по нѣскольکو человѣкъ въ лодкахъ съ кольями и дубинами; прочіе же, плавая по рѣкѣ, пугали тюленей крикомъ и гнали ихъ къ сѣтямъ. Когда тѣ заплывали въ сѣти, одни били ихъ, другіе вытаскивали на берегъ.

Такимъ образомъ промышляли ихъ иногда до сотни штукъ за одинъ разъ. За малолѣтствомъ и неимѣніемъ снастей, способъ этотъ не практикуется болѣе. Мясо тюленей камчадалы съ удовольствіемъ ѣдятъ вареное и вяленое; жиръ тоже идетъ въ пищу, главнымъ же образомъ—на освѣщеніе. Кожи лахтаковъ употребляются на подошвы и ремни, а также на байдары или лодки, поднимающія до 30 человѣкъ. Байдары замѣчательно легки и быстры на ходу.

Моржи также встрѣчаются въ Камчаткѣ и доходятъ на югъ до широты Петропавловска; около острова Карягинскаго ихъ ежегодно убиваютъ. Изъ раздвоенныхъ шкуръ ихъ, то есть раздѣленныхъ на половину толщины, дѣлаются байдарки и подошвы; клыки продаютъ купцамъ по 6 руб. за пудъ. Сивучи, или морскіе львы (*Otaria Stelleri*), также водятся во многихъ мѣстахъ полуострова, преимущественно же около Кроноцкаго и Шинунскаго мысовъ, гдѣ лазаютъ по утесамъ и стадами лежатъ на камняхъ, а также—около юго-западнаго берега Камчатки, около р. Озерной и около Курильскихъ острововъ, почти до самаго Матсмая, на сѣверо-западъ они доходятъ, какъ говорятъ, до Ямска, въ Охотскомъ морѣ. Прилегающіе къ Камчаткѣ Командорскіе острова, Беринговы и Мѣдные посѣщаются ими въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ для покоя, рожденія и воспитанія щенковъ, послѣ чего многіе опять возвращаются къ берегамъ полуострова.

Сивучи по внѣшнему виду мало отличаются отъ тюленей; вѣсъ ихъ бываетъ до тридцати—сорока пудовъ, шерсть по всему тѣлу свѣтло-бурая, головы съ короткими и тонкими ушными раковинами, зубы большіе, ноги лапами. Ревъ громче тюленьяго и часто въ пустынныхъ мало изслѣдованныхъ мѣстахъ, во время тумана, служилъ предостереженіемъ мореплавателямъ о приближеніи ихъ къ опасности: отмели, островку или камнямъ, у которыхъ эти животныя по преимуществу и водятся. По виду сивучъ кажется отважнымъ животнымъ и когда для него всѣ пути къ бѣгству закрыты, онъ дѣйствительно и бываетъ таковымъ; но вообще огромное животное это боится человѣка и, завидѣвъ его, поспѣшно уходитъ въ море, гдѣ борьба съ ними значительно труднѣе. Камчадалы прежде никогда не нападали на сивучей открыто, а подходили къ нимъ тишкомъ, съ подвѣтренной стороны когда они спятъ, затѣмъ сильнѣйшіе изъ партіи охотниковъ и наиболѣе проворные бросали въ сивучей «носки», стараясь вонзить ихъ между передними лапами; прочіе же изъ партіи держали ремни отъ носковъ, обернутые вокругъ кола. Когда же раненый звѣрь обращался въ бѣгство,—его преслѣдовали выстрѣлами изъ луковъ, а затѣмъ утомленнаго и обезсиленнаго закалывали косями и добивали палками. Нынѣ камчадалы бьютъ сивучей изъ ружья; жиръ ихъ и мясо идутъ въ пищу; особенно вкусны лапы. Изъ сивучихъ кожъ дѣлаютъ ремни, подошвы, обшиваютъ ими байдары.

Подобно сивучамъ и морскіе коты, тоже изъ породы тюленей (*Otaria ursina*) и общею формою тѣла схожи съ послѣдними, но рыло длиннѣе сивучьяго; зубы большіе, глаза выпуклые, красивыя ушныя раковины, короткіе лапы голыя, шерсть темно-сѣрая съ мягкимъ шелковистымъ подшерсткомъ; у щенковъ шерсть сизо-черная. Самцы имѣютъ до сажени росту, а самки всего около аршина. Коты—кочевое животное. Въ извѣстное время года они огромными стадами въ десятки и сотни тысячъ головъ перемѣщаются съ юга на сѣверъ и обратно. На берега Камчатки они рѣдко выходятъ, только ранней весной, когда отъ Курильскихъ острововъ слѣдуютъ къ прилегающимъ къ Камчаткѣ Командорскимъ островамъ, Берингову и Мѣдному, гдѣ съ незапамятныхъ временъ устраиваютъ себѣ лѣтнія лежбища.

Морскіе бобры (*Enhydra marina*) прежде водились на полуостровѣ большими стадами, съ начала же нынѣшняго столѣтія такъ перевелись, что проходили десятки лѣтъ въ теченіи которыхъ ихъ вовсе не было видно. Теперь бобры стали опять появляться въ Камчаткѣ; ихъ

Группа Коряковъ.

промышляютъ южнѣ Петропавловска, около Желтаго мыса, переселившіеся въ Камчатку алеуты: въ теченіи полуторыхъ лѣтъ ихъ изловили тамъ 110 штукъ, на сумму 11.000 руб. Бобры величиною съ котовъ—матокъ, видомъ же похожи на выдръ, но голова круглѣе, переднія же ноги лапами, заднія ластами, зубы небольшіе, хвостъ короткій, плоскій, шерсть у взрослыхъ бобровъ темно коричневая, у старыхъ сѣдѣть. Бобры—самый кроткій изъ всѣхъ звѣрей морскихъ и не оказываютъ промышленникамъ никакихъ сопротивленій, стараясь лишь убѣжать, если возможно. Самки очень привязаны къ дѣтямъ и не покидаютъ ихъ даже въ минуты крайней опасности. Поэтому промышленники стараются, прежде всего, захватить бобренка или «медвѣдку»—какъ называютъ маленькихъ бобровъ;—матку же считаютъ въ такомъ случаѣ обязательно уже своею. Промышляютъ бобровъ троякимъ способомъ: 1) сѣтями, которыя ставятъ въ заросли морской капусты (*Laminaria esculenta*), гдѣ бобры ютятся въ ночное время или бурную погоду; 2) гоняются за ними въ байдарахъ, когда на морѣ тихая

погода, и бросаютъ въ нихъ стрѣлы, что практикуется, впрочемъ, по преимуществу курильцами и алеутами, такъ какъ у камчадаловъ байдары почти вывелись и они утратили бывшее мореходное искусство; 3) били ихъ раньше весною на прибываемомъ къ берегу льду, когда сильнымъ восточнымъ вѣтромъ гонить ледъ къ берегу. Въ послѣднемъ случаѣ, когда ледъ бывалъ такъ крѣпокъ, что по немъ можно было гоняться за бобрами на лыжахъ, звѣрей этихъ убивали во множествѣ. Бобры же очень пугливы, и однажды потревоженные они не ворочаются уже на прежнее мѣсто. Поэтому употребленіе огнестрѣльнаго оружія сильно разгоняетъ ихъ.

Перечисливъ главныхъ морскихъ и рѣчныхъ звѣрей Камчатки изъ породы тюленей и выдръ, перейдемъ къ морскимъ звѣрямъ, исключительно въ водѣ живущимъ. Первое мѣсто слѣдовало отвести морскимъ коровамъ (*Rhytina Stelleri*), тюленеобразнымъ чудовищамъ въ 4 сажени длины и 200 пудовъ вѣсомъ, которыя при открытіи Камчатки и во время путешествія Штеллера еще большими стадами паслись въ морскихъ заросляхъ у береговъ острова Беринга. Но отъ былого изобилія этихъ животныхъ ничего не осталось. Еще въ прошломъ столѣтіи всѣ онѣ перевелись, и теперь счастливой находкой считается скелетъ морской коровы, когда его удастся найти въ наносныхъ слояхъ береговой полосы острова Беринга для музея, подобно допотопному мамонту.

Киты водились во всѣхъ при-камчатскихъ моряхъ въ изобиліи и еще недавно, въ пятидесятихъ годахъ, до 250 трехмачтовыхъ китобоевъ плавали по одному Охотскому морю; въ Авачинской же губѣ и Петропавловскѣ можно было видѣть на якорѣ сразу до 40—50 китобойныхъ судовъ. Теперь же ничего подобнаго нѣтъ: напуганные усиленной охотой, киты откочевали въ мѣста менѣе доступныя человѣку. Положимъ, они и теперь еще появляются въ камчатскихъ моряхъ, но въ незначительномъ уже количествѣ. Туземцы Камчатки, собственно камчадалы, по недостатку предприимчивости и надлежащихъ приспособленій, никогда не отваживались на ловлю

Корякская женщина.

китовъ въ открытомъ морѣ, а пользовались лишь выброшенными на берегъ мертвыми китами. Сѣверные же жители Камчатки коряки и сосѣди ихъ чукчи, одаренные большою физическою силой и искусные мореплаватели, били китовъ на байдарахъ носками и гарпунами, а также и изъ ружей. Въ прежніе годы убивали китовъ преимущественно тогда, когда киты приближались къ берегамъ и терлись о нихъ, чтобы стереть приставшія къ кожѣ раковины. Китовое мясо туземцы не употребляютъ въ пищу, но жиръ ѣдятъ, и онъ идетъ на освѣщеніе и топливо. Китовымъ усомъ шиваютъ байдары и въ былыя времена плели изъ нихъ сѣти для ловли рыбъ и лисицъ. Изъ китовыхъ челюстей выпиливаютъ плоскіе куски для такъ называемыхъ костяныхъ подрѣзовъ, приколачиваемыхъ къ полозьямъ нартъ. Кромѣ того изъ нихъ дѣлаютъ черенки для ножей и разныя другія домашнія принадлежности. Также кишки китовъ идутъ въ употребленіе: служатъ вмѣсто пузырей, въ которыхъ сохраняется жиръ. Китовъ обыкновенно сопровождаетъ касатка (изъ породы дельфиновъ), которую хотя

не промышляютъ, но жиромъ которой пользуются когда это животное выбрасываетъ на берегъ.

Бѣлуга въ изобиліи водится близъ устьевъ рѣкъ, много также акулъ, которыхъ камчадалы ѣдятъ. Кишки акулъ, особенно же пузырь дорого цѣнятся по удобству сохраненія въ немъ топленого жира. Изъ морскихъ животныхъ водятся еще скать, зуботка, треска, вохня, хохольцы, терпукъ, сельди. Вохня—это особый видъ трески, рыба не особенно вкусна, но жители охотно ѣдятъ ее, такъ-какъ это первая свѣжая рыба весною. Ловятъ ее во множествѣ и сушатъ на солнцѣ не чистя,—для зимняго корма собакамъ.

Хохольцы заходятъ изъ океана въ рѣку Камчатку въ такомъ множествѣ, что иногда вода заливааетъ берегъ четверти на двѣ. Камчадалы ловятъ ее сачками, т. е. просто «черпаютъ» рыбу эту и сушатъ на зиму для собакъ.

Самая важная рыба въ экономіи Камчатки—лососи. Они лѣтомъ идутъ огромною массою изъ моря въ рѣки и составляютъ главную существенную часть продовольствія камчатскихъ жителей. Здѣсь водится много породъ лососей; лучший родъ камчатскихъ лососей извѣстенъ подъ именемъ «чавычи» (*salmo orientalis*), величиною аршина въ полтора, въсомъ до 2½ пудовъ. Въ рѣку Камчатку «чавыча» поднимается иногда около 20 апрѣля, а въ Большую—около 10 мая; въ Петропавловскѣ же ловъ ея начинается въ июнѣ. Чавыча идетъ вверхъ по рѣкамъ такъ стремительно, что гонитъ передъ собою валь. Камчадалы усердно стерегутъ этотъ валь съ нарочно для того устроенныхъ помостовъ. Завидѣвъ валь, камчадалы, находящіеся въ лодкѣ, закидываютъ особаго рода сѣти, специально для этой рыбы плетенныя изъ толстой пряжи. Чавыча—весьма вкусная рыба; «юкола» изъ нея (т. е. сушеная рыба) высоко цѣнится, но трудно сохраняется, такъ какъ она очень жирна. Казаки предпочитаютъ

Коряки у юрты.

до 2½ пудовъ. Въ рѣку Камчатку «чавыча» поднимается иногда около 20 апрѣля, а въ Большую—около 10 мая; въ Петропавловскѣ же ловъ ея начинается въ июнѣ. Чавыча идетъ вверхъ по рѣкамъ такъ стремительно, что гонитъ передъ собою валь. Камчадалы усердно стерегутъ этотъ валь съ нарочно для того устроенныхъ помостовъ. Завидѣвъ валь, камчадалы, находящіеся въ лодкѣ, закидываютъ особаго рода сѣти, специально для этой рыбы плетенныя изъ толстой пряжи. Чавыча—весьма вкусная рыба; «юкола» изъ нея (т. е. сушеная рыба) высоко цѣнится, но трудно сохраняется, такъ какъ она очень жирна. Казаки предпочитаютъ

одина такой диковинный загорь рыбь. Американецъ принялся дѣлать опытъ вынимать ее крючкомъ.—Вынулъ 800 штукъ и былъ не въ силахъ больше работать: дюжая рука его устала. Безпрерывный ходъ рыбы по узкимъ прозрачнымъ ручейкамъ — обычное зрѣлище лѣтняго посѣтителя Камчатки. Я тоже имѣлъ случай любоваться имъ въ мелкихъ рѣчкахъ.

Вообще можно сказать, что на всемъ полуостровѣ, такое изобиліе рыбы, что ею можно бы прокормить всю вселенную. Да и какой рыбы! Замѣчательно вкусной, питательной, ни когда не прѣдающей. Торговавшіе въ Камчаткѣ американцы, стоя на суднѣ въ Петропавловской гавани, отъ нечего дѣлать, забрасывали около судна сѣть; пойманную рыбу солили въ бочкахъ и продавали на Сандвичевыхъ островахъ по доллару за штуку. Это вызвало одного изъ камчатскихъ купцовъ на открытіе правильной вывозной торговли соленою рыбою; но капитала не хватило на обзаведеніе и дѣло не состоялось. Большое затрудненіе представляетъ также и недостатокъ рабочихъ рукъ. Каждый спѣшитъ заpastись рыбою, какъ хлѣбомъ на зиму; для промысла же на вывозъ не хватаетъ ни времени, ни рукъ. Въ Иркутскѣ въ магазинахъ на расхватъ покупаютъ балыки, приготовленные въ Охотскѣ по 1 рублю за штуку; камчатская же «красная рыба», хайко, кизучи, чавыча и др., несравненно вкуснѣе; охотской и изобильнѣе ея. Еслибъ заняться только приготовленіемъ сельдей, которыми, на примѣръ, кишитъ Авачинская губа, Нерпичье озеро, то для всей Сибири не понадобилось бы голландскихъ сельдей. Камчатскія сельди особенно хороши копченія.

Перечисляя рыбъ, я не назвалъ еще множество ихъ. Между ними есть такія значительныя, какъ гольца, на примѣръ, почти доростающая величины «красной рыбы». Гольца по рѣкѣ Камчаткѣ заходятъ въ озера и, вопреки праву большинства своихъ собратьевъ, держатся въ озерахъ и рѣкахъ по нѣскольку лѣтъ, даже лѣтъ по шести. Рыба микижа и кувджа достигаетъ величины 2—3 футъ и мн. др. Изъ мелкихъ рыбъ достойны вниманія: хагачь, иньяшка, уитси (*Salmo socialis*). Последняя часто выбрасывается Восточнымъ океаномъ въ такомъ количествѣ, что берегъ на сто верстъ бываетъ покрытъ слоемъ ея въ колѣно вышиною.

Царство пернатыхъ тоже изобильно въ Камчаткѣ, но жители пользуются этимъ богатствомъ только въ мѣстахъ, гдѣ ловля обильнѣе. Недостатокъ же времени дѣлаетъ ловлю во многихъ случаяхъ невозможною. Оставить ловлю рыбъ для птицъ, также невыгодно, какъ оторваться отъ поля въ страдную пору. Морскія птицы гнѣздятся болѣе по высокимъ скалистымъ берегамъ со стороны океана, гдѣ имъ удобнѣе и безопаснѣе выводить своихъ дѣтенышей. Особенно много въ Камчаткѣ чаекъ и непрестанный крикъ ихъ порядочно раздражаетъ непривычнаго человѣка. Такъ называемая «двухсаженная» чайка или альбатросъ, величиною съ большого гуся, бываетъ двухъ родовъ—черная и бѣлая; растянутыя крылья ихъ больше сажени. Когда рыба идетъ съ моря въ рѣки, эта птица появляется у береговъ, объѣдаясь рыбою. Въ прежнія времена ловили альбатросовъ крючкомъ съ привѣшенною къ нему приманкой изъ рыбы. Завидѣвъ плавающую пищу, чайки стадомъ налетаютъ на нее и долго дерутся между собою, пока сильнѣйшая не проглотитъ приманки. Тогда промышленникъ, притянувъ птицу веревкою къ берегу и, засунувъ руку въ горло, вынимаетъ наживу съ крючкомъ и снова пускаетъ ихъ въ дѣло за оставшимися обжорами. Для вящаго ускоренія ловли, иногда привязывали къ веревкѣ живую чайку, чтобы другія, увидѣвъ ее плавательною около берега, скорѣе собрались бы на наживу. А чтобъ привязанная чайка сама не сожрала наживу, — клювъ ея связываютъ веревкою. Буревѣстники тоже водятся въ Камчаткѣ, въ томъ числѣ сторики и глупыши. Сторики—величиною съ голубя, и ловятъ ихъ, по рассказамъ, курильцы слѣдующимъ образомъ: «промышленники надѣваютъ свои кухлянки (шубы) и садятся подъ вечеръ у скалъ; птица прилѣтаетъ съ моря и въ темнотѣ, ища себѣ норы для убѣжища, въ большомъ числѣ набирается въ шубы ловцовъ». Глупыши, величиною съ рѣчныхъ чаекъ, часто залетаютъ на корабли. Курильцы ловятъ ихъ въ очень большомъ числѣ и сушатъ на воздухѣ.

одинакой такой диковинной заторы рыбь. Американецъ принялся дѣлать опытъ вынимать ее крючкомъ.—Вынулъ 800 штукъ и былъ не въ силахъ больше работать: дюжая рука его устала. Безпрерывный ходъ рыбы по узкимъ прозрачнымъ ручейкамъ — обычное зрѣлище лѣтняго посѣтителя Камчатки. Я тоже имѣлъ случай любоваться имъ въ мелкихъ рѣчкахъ.

Вообще можно сказать, что на всемъ полуостровѣ, такое изобиліе рыбы, что ею можно бы прокормить всю вселенную. Да и какой рыбы! Замѣчательно вкусной, питательной, никогда не прѣдающейся. Торговавшіе въ Камчаткѣ американцы, стоя на суднѣ въ Петропавловской гавани, отъ нечего дѣлать, забрасывали около судна сѣть; пойманную рыбу созидали въ бочкахъ и продавали на Сандвичевыхъ островахъ по доллару за штуку. Это вызвало одного изъ камчатскихъ купцовъ на открытіе правильной вывозной торговли соленою рыбою; но капитала не хватило на обзаведеніе и дѣло не состоялось. Большое затрудненіе представляетъ также и недостатокъ рабочихъ рукъ. Каждый спѣшитъ заготовить рыбу, какъ хлѣбомъ на зиму; для промысла же на вывозъ не хватаетъ ни времени, ни рукъ. Въ Иркутскѣ въ магазинахъ на расхватъ покупаютъ балыки, приготовленные въ Охотскѣ по 1 рублю за штуку; камчатская же «красная-рыба», хайко, кизучи, чавыча и др., несравненно вкуснѣе охотской и изобильнѣе ея. Еслибъ заняты только приготовленіемъ сельдей, которыми, на примѣръ, кишитъ Авачинская губа, Нерпичье озеро, то для всей Сибири не понадобилось бы голландскихъ сельдей. Камчатскія сельди особенно хороши копченныя.

Перечисляя рыбъ, я не назвалъ еще множество ихъ. Между ними есть такія значительныя, какъ голецъ, на примѣръ, почти доростающая величины «красной рыбы». Голецъ по рѣкѣ Камчаткѣ заходитъ въ озера и, вопреки нраву большинства своихъ собратьевъ, держится въ озерахъ и рѣкахъ по нѣскольکو лѣтъ, даже лѣтъ по шести. Рыба микижа и кунджа достигаетъ величины 2—3 футъ и мн. др. Изъ мелкихъ рыбъ достойны вниманія: хагачъ, иньяшка, уитси (*Salmo socialis*). Последняя часто выбрасывается Восточнымъ океаномъ въ такомъ количествѣ, что берегъ на сто верстъ бываетъ покрытъ слоемъ ея въ колѣно вышиною.

Царство пернатыхъ тоже изобильно въ Камчаткѣ, но жители пользуются этимъ богатствомъ только въ мѣстахъ, гдѣ ловля обильнѣе. Недостатокъ же времени дѣлаетъ ловлю во многихъ случаяхъ невозможною. Оставить ловлю рыбъ для птицъ, также невыгодно, какъ оторваться отъ поля въ страдную пору. Морскія птицы гнѣздятся болѣе по высокимъ скалистымъ берегамъ со стороны океана, гдѣ имъ удобнѣе и безопаснѣе выводить своихъ дѣтенышей. Особенно много въ Камчаткѣ чаекъ и непрерывный крикъ ихъ порядочно раздражаетъ непривычнаго человѣка. Такъ называемая «двухсаженная» чайка или альбатросъ, величиною съ большого гуся, бываетъ двухъ родовъ—черная и бѣлая; растянутыя крылья ихъ больше сажени. Когда рыба идетъ съ моря въ рѣки, эта птица появляется у береговъ, объѣдаясь рыбою. Въ прежнія времена ловили альбатросовъ крючкомъ съ привѣшенною къ нему приманкой изъ рыбы. Завидѣвъ плавающую пищу, чайки стадомъ налетаютъ на нее и долго дерутся между собою, пока сильнѣйшая не проглотитъ приманки. Тогда промышленникъ, притянувъ птицу веревкою къ берегу и, засунувъ руку въ горло, вынимаетъ наживу съ крючкомъ и снова пускаетъ ихъ въ дѣло за оставшимися обжорами. Для вѣщаго ускоренія ловли, иногда привязывали къ веревкѣ живую чайку, чтобы другія, увидѣвъ ее плавающею около берега, скорѣе собрались бы на наживу. А чтобъ привязанная чайка сама не сожрала наживу, — клювъ ея связываютъ веревкою. Буревѣстники тоже водятся въ Камчаткѣ, въ томъ числѣ сторики и глупыши. Сторики—величиною съ голубя, и ловятъ ихъ, по рассказамъ, курильцы слѣдующимъ образомъ: «промышленники надѣваютъ свои кухлянки (шубы) и садятся подвѣчь у скаль; птица прилѣтаетъ съ моря и въ темнотѣ, ища себѣ норы для убѣжища, въ большомъ числѣ набирается въ шубы ловцовъ». Глупыши, величиною съ рѣчныхъ чаекъ, часто залетаютъ на корабли. Курильцы ловятъ ихъ въ очень большомъ числѣ и сушатъ на воздухѣ.

Уриловъ или баклановъ также очень много. Великою они съ небольшого гуся, питаются рыбой. Какъ и альбатросы, по ночамъ бакланы стоятъ на краю утеса рядами и съ просонья, какъ говорятъ, часто падаютъ внизъ, гдѣ и достаются псамъ, подкарауливающимъ ихъ въ такихъ мѣстахъ. Прежде ловили уриловъ сѣтями, которыя набрасывали на нихъ, или разстилали на водѣ близъ берега, гдѣ они и запутывались ногами. По вечерамъ ихъ промышляли также силками, привязанными на длинные шесты. Подкравшись къ сидящимъ на утесѣ птицамъ съ силокомъ, промышленникъ поочередно снималъ, какъ увѣряютъ, одну птицу за другою; вслѣдствіе необычайной глупости этихъ птицъ, въ короткое время всѣхъ ихъ вылавливали, такъ какъ не только сосѣднія птицы, при видѣ опасности, не улетали, но даже и тѣ, на которыхъ сразу не удавалось хорошенько наложить силокъ, только головой мотали, а съ мѣста не двигались. Теперь этотъ способъ ловли не извѣстенъ жителямъ Камчатки.

Изъ птицъ, живущихъ около прѣсныхъ водъ, главное мѣсто принадлежитъ лебедю, который водится на Камчаткѣ и лѣтомъ и зимой въ значительномъ количествѣ, такъ что и у бѣднаго жителя иногда онъ появляется на обѣдѣ. Гусей въ Камчаткѣ около 4-хъ родовъ, прилетаютъ они въ маѣ и остаются до ноября. Преобладаютъ сѣрые большіе гуси; бѣлые же гуси, какъ жители болѣе холодныхъ странъ (устья Колыма и другихъ большихъ рѣкъ Сибири), водятся въ Камчаткѣ сравнительно въ небольшомъ числѣ. По рассказамъ, прежде, во время линянія гусей, ихъ ловили такимъ оригинальнымъ образомъ: вмѣстѣ, гдѣ они обыкновенно садятся, дѣлали шалашъ съ двумя проходными дверями; промышленникъ, одѣвшись весь въ бѣлое, подкрадывался къ стаду и, обративъ на себя его вниманіе, ползъ къ шалашу, за нимъ слѣдовали гуси и заползали въ шалашъ; промышленникъ же, пройдя сквозь шалашъ, запиралъ выходныя двери и, обѣжавъ вокругъ, убивалъ всѣхъ гусей. Промышляли еще гусей во время линянія гоняясь за ними въ лодкахъ, и иногда собаками, больше же ловили ямами, которыя прикрывали травой, и гуси, гуляя по берегу, проваливались въ нихъ. Нынѣ же способы эти не практикуются болѣе; на гусей теперь охотятся и промышляютъ ихъ ружьемъ.

Утокъ въ Камчаткѣ тоже имѣется много породъ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ селезни, крахачи и гоголи зимуютъ въ Камчаткѣ, прочія же прилетаютъ по вѣснѣ и остаются до осени. Утокъ, водящихся по рѣкамъ, иногда ловятъ такъ называемымъ перевѣсомъ или сѣтями, которыя растягиваютъ на шестахъ между деревьями, поперегъ просѣки, нарочно прорубленной въ лѣсу на перешейкѣ между двумя озерами, а также поперегъ узкихъ рѣкъ на высотѣ перелета утокъ. Къ сѣтямъ придѣлываютъ тетивы, которыми можно стягивать и растягивать сѣти и дѣйствовать ими во время полета утокъ; такимъ способомъ камчадаламъ удается иногда поймать массу дичи.

ародонаселение Камчатки, по малочисленности своей, далеко не соответствует сложнымъ потребностямъ мѣстной жизни. На всемъ полуостровѣ, обнимающемъ собою 5,000 кв. географическихъ миль или 250 т. кв. верстъ, обитаетъ не болѣе 6,300 жителей. Население состоитъ изъ коряковъ и алеутовъ, обитающихъ на сѣверѣ и сѣверозападѣ полуострова, изъ камчадаловъ, занимающихъ среднюю и южную часть Камчатки, горсти алеутовъ и курильцевъ, выходцевъ съ острововъ и изъ русскихъ колонистовъ, разбросанныхъ не большими группами по всему полуострову.

Коряки—народъ монгольскаго происхожденія, составляютъ коренное население сѣвера Камчатки, но входятъ въ нее только частью своего, вообще не большого, племени, раскинувагося по всему предверію полуострова до р. Анадыра и Становаго хребта, вокругъ Пенжинскаго и Гижигинскаго заливовъ Охотскаго моря. Сосѣди коряковъ на сѣверо-востокѣ—родственное имъ могущественное племя чукчей; на сѣверо-западѣ юкагири и тунгусы, а на югѣ уже въ предѣлахъ Камчатскаго полуострова камчадалы. Въ Камчаткѣ собственно коряковъ около трехъ тысячъ. По роду жизни они раздѣляются на сидячихъ и кочевыхъ. Сидячіе коряки существуютъ рыбнымъ промысломъ и охотой на морскихъ звѣрей, печему держатся

Вада на оленяхъ.

берега моря и устьевъ рѣкъ, при которыхъ и живутъ небольшими родами, въ селеніяхъ изъ нѣсколькихъ домовъ, точнѣе бревенчатыхъ юртъ, грубо сколоченныхъ изъ выброшеннаго моремъ лѣса.

Бродячіе коряки живутъ въ палаткахъ изъ легкихъ жердей, покрытыхъ оленьими шкурами. Существуя исключительно стадами оленей, они кучуютъ по громаднымъ тундрамъ. На

югъ они спускаются до 56° даже 54° широты до Тигиля, куда ежегодно прикочевываютъ для торговыхъ цѣлей; на сѣверъ же они рѣдко заходятъ далѣе верховьевъ рѣки Пенжины. Кочующіе коряки все уже объяснены, тѣмъ не менѣе эти дѣти безграничной снѣговой пустыни и непроходимыхъ тундръ не признаютъ почти никакой власти и только для удобствъ кочевья соединяются въ небольшія группы изъ 5—6 семействъ, держащихся взаимнымъ согласіемъ. Предводитель такой кучки, тунъ, избирается обыкновенно изъ наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ оленей. Главное ихъ дѣло—выборъ подходящихъ пастбищъ да рѣшеніе вопроса о перекочевкѣ. На одномъ мѣстѣ коряки рѣдко остаются болѣе недѣли, такъ какъ стада оленей въ 4—5 тысячъ головъ въ нѣсколько дней вытаптываютъ и сѣдаютъ весь мохъ на версту и болѣе кругомъ стоянки. Оленю-же безъ мха смерть, а за гибелью оленя пропадаетъ съ голоду и хозяинъ его корякъ, такъ какъ не имѣетъ хлѣба и не запасается ни кореньями, ни рыбой. Бродячіе коряки были когда то богатѣйшими собственниками Восточной Сибири; вла-

Отдыхъ во время перекочевки

дѣльцы 3-хъ, 5 и даже 20 тысячъ головъ оленей бывали перѣдко; случалось, что табуны оленей достигали и 100,000 головъ, какъ о томъ сообщаетъ Крашениниковъ про тунъ Этеля. Нынѣ бродячіе коряки, кочующіе въ предѣлахъ полуострова, сильно обѣдѣли, и рѣдко найдется корякъ, имѣющій стадо оленей, состоящее изъ 1000 головъ. Вѣчная забота о стадахъ, безпрестанныя перѣздки съ одного пастбища на другое, постоянное наблюдение за стадами для охраненія ихъ отъ волковъ и другихъ дикихъ звѣрей—все это поглощаетъ время кочеваго коряка и составляетъ исключительное его занятіе. Такая напряженная, безпокойная, подвижная жизнь коряка, сложившаяся подъ вліяніемъ жизненныхъ условій и ставшая для него необходимостью, закалила его ко всякимъ физическимъ невгодамъ и выработала въ немъ смѣлость, самонадѣянность, свободолюбіе и въ тоже время умѣренность, воздержность, прямоту и другія хорошія черты характера, коими онъ весьма рѣзко отличается отъ сравнительно слабосильнаго, изнѣженнаго сосѣда своего камчадала и родного брата своего—сильно испор-

ченнаго сидячаго коряка. Бродячій корякъ день и ночь бодрствуетъ особенно же въ долгія ночи, которыя онъ проводитъ въ устроенномъ на скоро шалашѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кочевья. Вооруженный пикою и ножами онъ защищаетъ своихъ оленей отъ волковъ. Чѣмъ хуже и бурнѣе погода, тѣмъ бдительнѣе долженъ быть сторожъ, такъ какъ въ такое время чаще всего и нападаютъ хищники. Почти не защищенный отъ вѣтра, корякъ терпѣливо переноситъ всѣ неистовства бури и холодъ, отъ котораго ртуть мерзнетъ; ни темень двадцати часовой слишкомъ ночи, ни одиночество, ни завываніе вѣтра, ни ревъ и шелканіе зубовъ голодныхъ звѣрей—ничто не умаляетъ его бдительности. И совершенно понятно—все благосостояніе коряка, вся его жизнь зависятъ отъ цѣлости и благополучія его стада. Зависимость эта сказывается даже въ самомъ названіи «корякъ», происходящемъ отъ коряцкаго слова «хора», что значитъ олень. Имя это впрочемъ дано имъ казаками, сами же себя они называютъ тумугуту. Олень для коряка—по истинѣ все и врядъ ли есть еще на свѣтѣ жи-

вотное, которое играло бы въ жизни человека такую же всепоглащающую роль, какъ олень въ жизни коряка. Олень не только перевозитъ коряка съ мѣста на мѣсто, но и кормитъ его, одѣваетъ, даетъ ему жилище, а также и драгоценный товаръ для обмѣна у сосѣдей на другіе необходимые предметы. Мясо оленя служитъ, можно сказать, единственною пищею для коряка. Языкъ, кровь, мозгъ, кишки, даже желудокъ съ неперевавшимися еще мхомъ въ немъ все идетъ въ пользу и составляетъ существенную часть излюбленныхъ коряцкихъ кушаній.

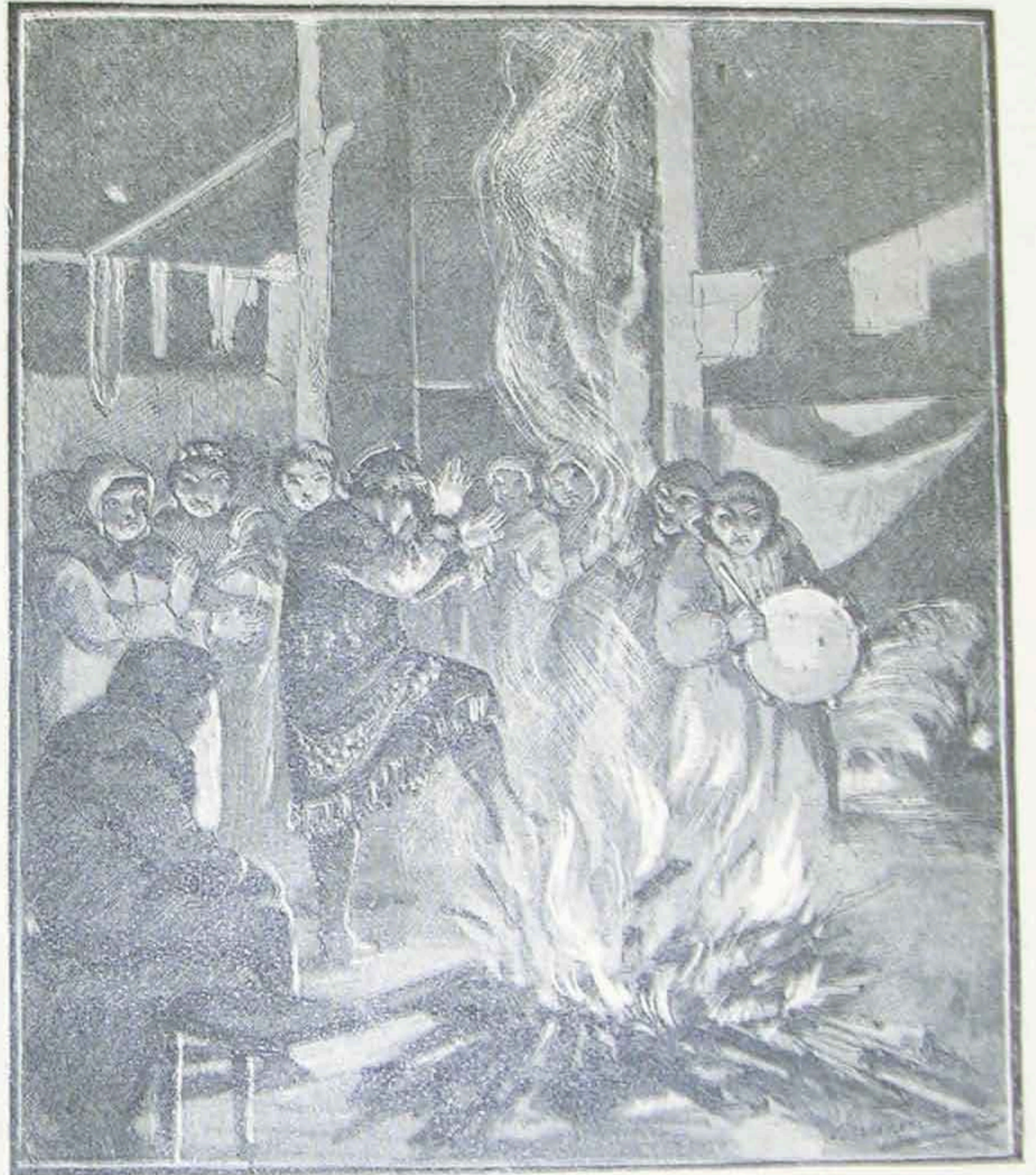
Платье коряка, его кухлянка, торбоса—все изъ оленьихъ шкуръ; шкурами же покрываютъ свои палатки, изъ нихъ же устраиваютъ тамъ перегородки или полога, за которыми укрываются по ночамъ; изъ жилъ дѣлаютъ нитки, изъ роговъ домашнюю утварь и т. д. Олень служитъ коряку не только для физическихъ его потребностей, но также и для духовныхъ: нерѣдко въ трудныя минуты

Коряцкая юрта.

жизни, взывая къ милосердію божества, они приносятъ ему оленя въ жертву. Замѣчательно отвращеніе коряка отъ продажи живого оленя. По рассказамъ путешественниковъ даже самые соблазнительные для коряка предметы, какъ табакъ, бисеръ, водка не могли прежде заставить его отдать живое животное. Теперь, однако, за вино все можно купить. Коряки совсѣмъ не пользуются оленьимъ молокомъ. Ъзда на оленяхъ не быстрѣе, чѣмъ на собакахъ; запрягаютъ ихъ по парно, при помощи ошейниковъ, сани также легки, какъ для собачьей упряжи, но значительно крѣпче и могутъ поднимать большую тяжесть. Коряки искусные наѣзники. Въ снѣжной пустынѣ отлично распознаютъ направленіе пути по волнообразнымъ полосамъ снѣга или застругамъ, образуемымъ сѣверо-восточными вѣтрами, преобладающими въ этой странѣ. Иногда снѣжной снѣгъ совсѣмъ закрываетъ заструги и на степи совсѣмъ гладко, какъ на скатерти; но стоитъ коряку смахнуть верхній слой снѣга,—и онъ всегда безошибочно опредѣлитъ положеніе сѣвера.

Человѣку, незнакому съ тундрой, трудно составить себѣ понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производитъ эта однообразная, снѣжная, широко раскинувшаяся равнина. Совершенное безмолвіе царитъ въ ней; кругомъ гладь, отсутствіе какого бы то ни было предмета, на которомъ бы могъ отдохнуть глазъ. Ужасное дѣло, когда пурга застанетъ путешественника въ этой тундрѣ и на нѣсколько сутокъ погрузитъ его въ снѣжный хаосъ: двигаться нѣтъ ни какой возможности, и живому существу приходится зарываться въ снѣгъ, чтобы подъ его прикрытіемъ спастись отъ леденящей стужи, захватывающей дыханіе. Добраться послѣ такого путешествія до жилья коряка, до его бѣдной юрты или палатки—верхъ благополучія, не смотря даже на то, что домашній комфортъ коряка—крайне не затѣйливъ и при обыкновенныхъ обстоятельствахъ представляетъ собою только лишенія и возбуждаетъ отвращеніе: дымъ и копоть очага, грязь и смрадъ отъ пищи, собакъ и скученности людей, да подчасъ еще и нестерпимый холодъ. Въ палаткѣ, сдѣланной изъ двойныхъ шкуръ, тепло трудно держится даже и при разведеніи огня. Всегда же поддерживать его не возможно: топлива мало, его необходимо беречь. Въ случаѣ же бури, надобно гасить огонь, такъ какъ приходится закрывать дымовое отверстіе отъ снѣга. А разъ огонь погашенъ въ очагѣ, температура внутри палатки становится такою же, какъ и на дворѣ. Чтобы и при такихъ обстоятельствахъ все же имѣть тепло коряки устраиваютъ себѣ внутри палатки еще родъ маленькихъ отдѣленій, пологовъ изъ оленьихъ шкуръ, согрѣвая и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщая ихъ мхомъ, пропитаннымъ тюленьимъ или оленьимъ жиромъ. Пологъ занимаетъ обыкновенно футовъ 6—8 въ длину, 4—5 футовъ въ ширину и 4 ф. въ вышину; такихъ пологовъ дѣлаютъ четыре, пять, десять и болѣе, смотря по числу людей, обитающихъ въ палаткѣ. Можно себѣ вообразить атмосферу въ этихъ пологгахъ!.. Но удивительно, что она не оказывается очень губительной, такъ какъ коряки, особенно женщины, проводящія тамъ большую часть дня и ночи, доживаютъ до глубокой старости. Одѣваются коряки въ кухлянки, родъ длинной рубашки изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, мѣхомъ внутри и наружу; штаны тоже изъ мѣха, сапоги или торбосы изъ тюленьей кожи; шапка мѣховая съ звѣринными ушами. Тѣлосложенія коряки крѣпкаго и стройнаго, особенно мужчины; голова нѣсколько сплюснутая, скулы выдаются, но умѣренно; глаза маленькіе, живые; цвѣтъ лица свѣтло коричневый; борода весьма рѣдкая, волоса черные—у мужчинъ коротко остриженные, у женщинъ—заплетенные въ косы, общее выраженіе лица смѣлое и открытое.

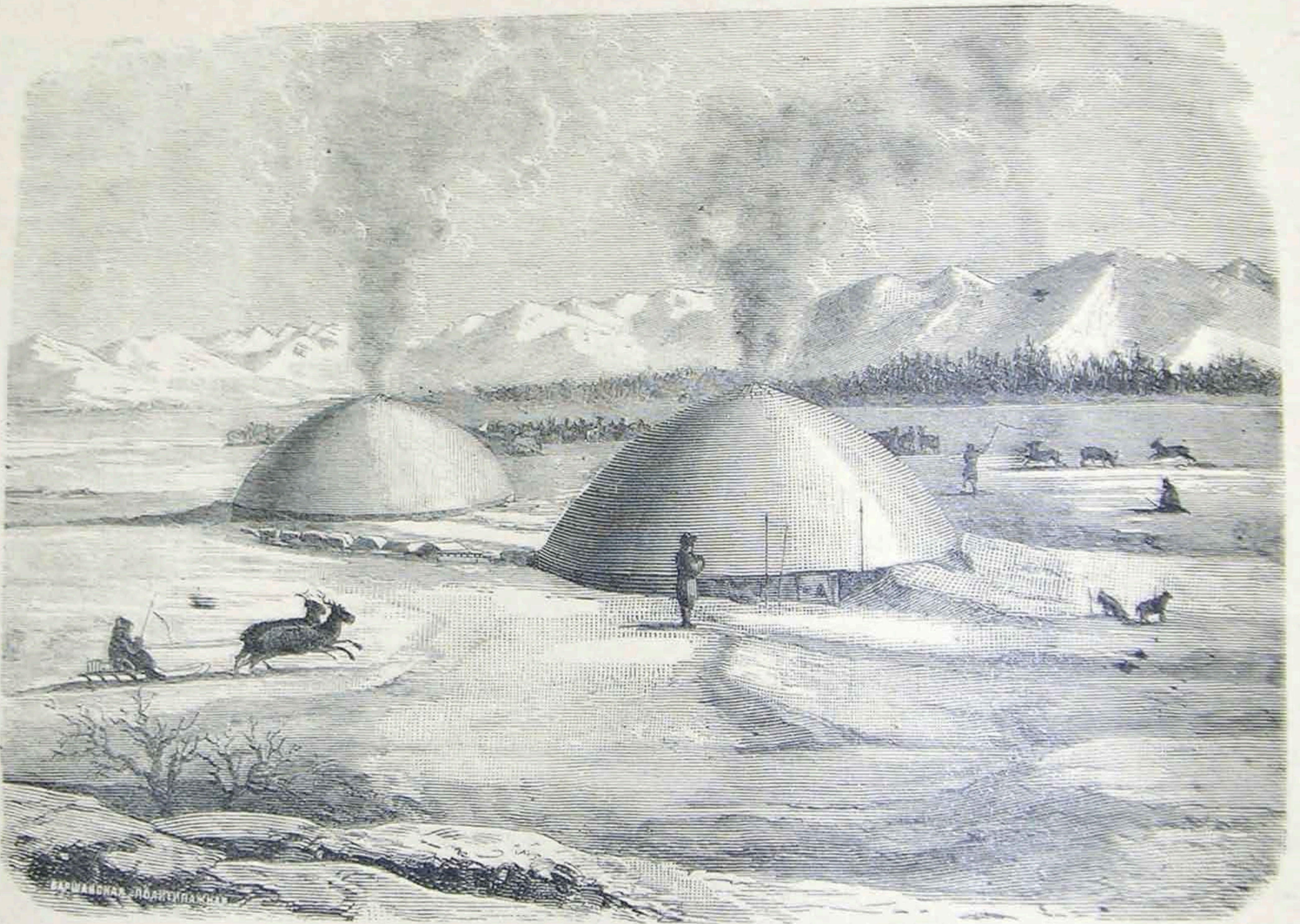
Шаманство у коряковъ.

Семейныя отношенія коряковъ весьма гуманны; путешественники, по долгу оставшіеся посреди коряковъ, рассказываютъ, что имъ не случалось видѣть, чтобы корякъ когда либо ударилъ женщину или ребенка. Дѣтей коряки очень любятъ, но держатъ довольно строго и рано приучаютъ къ труду: заставляютъ добывать топливо, таскать воду, пасти стадо. Эти занятія закаляютъ характеръ коряка, а также его здоровье, безъ котораго коряцкая жизнь

Семейныя отношенія коряковъ весьма гуманны; путешественники, по долгу оставшіеся посреди коряковъ, рассказываютъ, что имъ не случалось видѣть, чтобы корякъ когда либо ударилъ женщину или ребенка. Дѣтей коряки очень любятъ, но держатъ довольно строго и рано приучаютъ къ труду: заставляютъ добывать топливо, таскать воду, пасти стадо. Эти занятія закаляютъ характеръ коряка, а также его здоровье, безъ котораго коряцкая жизнь

немыслима. Условія кочеваго быта въ суровомъ климатѣ таковы, что кто слабъ неминуемо долженъ погибнуть; отсюда вѣроятно и рассказы прежнихъ путешественниковъ про бѣднаго коряка, что, при всемъ своемъ добродушіи и кротости, у него будто бы существуетъ обычай закалыванія неизлечимо больныхъ и одряхлѣвшихъ стариковъ, неспособныхъ уже къ самостоятельнымъ передвиженіямъ. Но если раньше существовалъ такой обычай, то его нѣтъ нынѣ. Изъ прежнихъ обычаевъ сохранился до сихъ поръ обычай сожиганія мертвыхъ. Безпрерывно кочуя, коряки не могутъ устраивать общественныхъ кладбищъ; при томъ же и трудно копать глубокую могилу въ мерзлой землѣ подъ толстымъ слоемъ снѣга; зарывать въ верхнемъ слое—все равно, что отдавать тѣло на съѣденіе волкамъ. Остается, значитъ, одинъ выходъ—вовсе не предавать тѣла землѣ, а сожигать, что, какъ извѣстно, практикуется теперь и у нѣкоторыхъ изъ цивилизованныхъ народовъ хотя и по другимъ мотивамъ.

Языкъ коряковъ болѣе всего подходитъ къ языку чукотскому. Содержитъ много шипя-

Юрты кочующихъ коряковъ.

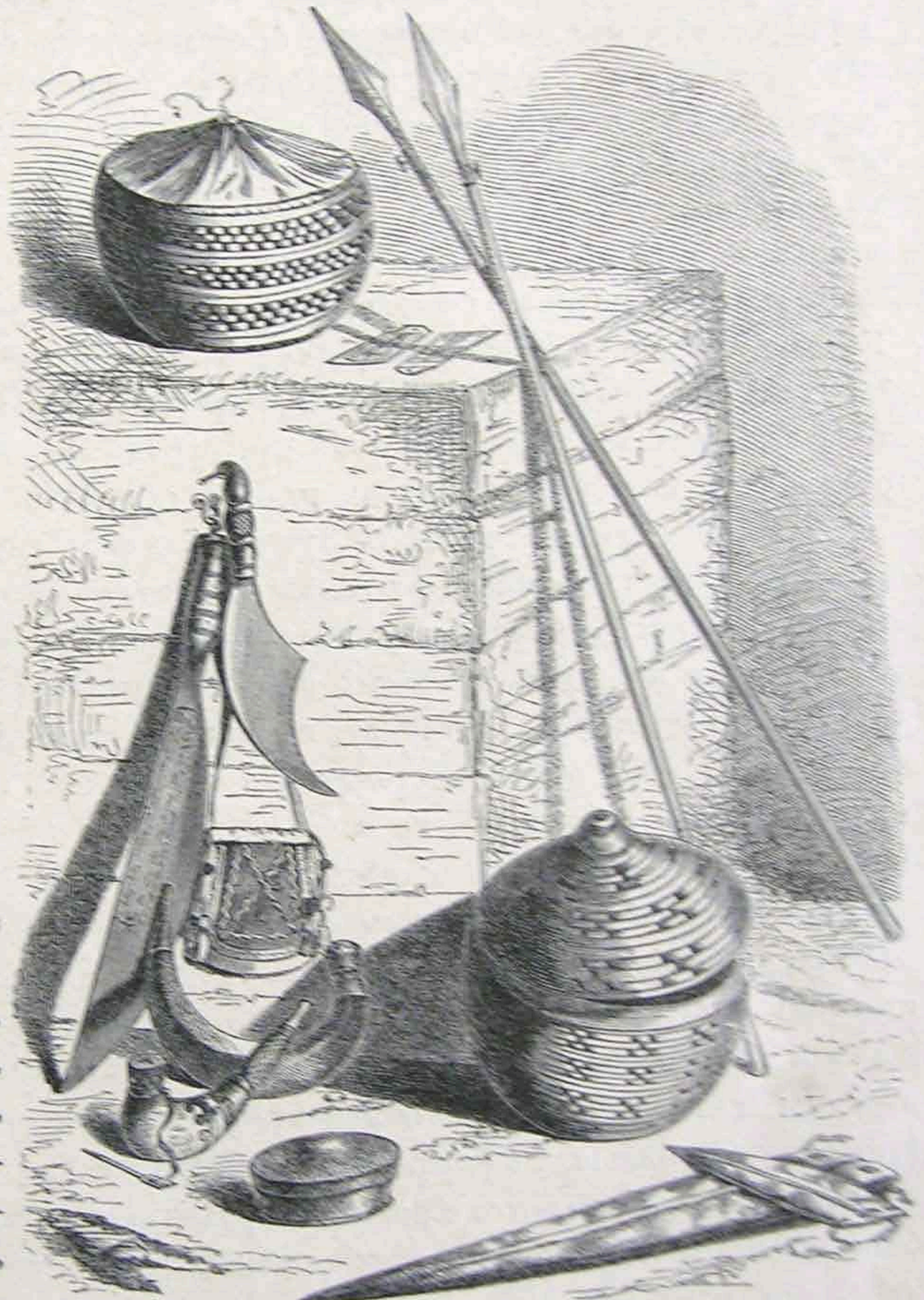
щихъ и гортанныхъ звуковъ. Онъ распадается на 5 нарѣчій, изъ коихъ четыремъ говорятъ сидячіе коряки, а пятымъ — бродячіе. Сидячіе коряки, смѣжные съ камчадалами, приняли много камчадалскихъ словъ и отчасти говорятъ по русски; бродящимъ же корякамъ русскій языкъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ. Христіанство приняли всѣ сидячіе коряки, и ихъ въ Камчаткѣ называютъ ошибочно камчадалами; у прочихъ же коряковъ вѣра шаманская. Подобно чукчамъ и другимъ инородцамъ Восточной Сибири, коряки поклоняются злымъ духамъ, которымъ приписываютъ всѣ таинственныя, сильныя проявленія природы: землетрясенія, бури, болѣзни, падежъ скота, голодъ и проч. Не умѣя объяснить себѣ этихъ явленій, не понимая цѣли причинъ и ихъ послѣдствій, корякъ-язычникъ живетъ въ вѣчномъ страхѣ духовъ, чувствуетъ ихъ присутствіе около себя и, естественно желая избавиться отъ злобы ихъ, умилостивляетъ ихъ рядомъ жертвъ и нелѣпныхъ обрядовъ, совершаемыхъ жрецами, шаманами, которые являются истолкователями воли духовъ, посредниками между ними и людьми. Здѣсь

страхъ есть начало религiи; обманъ же и невѣжество главная ея поддержка. Къ сожалѣнiю, все это такъ сильно между коряками, что даже обращенные въ христіанство поддаются иногда суевѣрному страху прежнихъ боговъ.

Многоженство допускается обычаемъ коряковъ, но рѣдко практикуется. Если же случается, что кто нибудь заведетъ себѣ двѣ или три жены, то поселяетъ ихъ порознь и снабжаетъ каждую отдѣльнымъ хозяйствомъ. Сватовство производится слѣдующимъ образомъ: высмотрѣвъ себѣ подходящую дѣвушку, корякъ временно переселяется въ станъ, гдѣ она живетъ, и, въ теченiи нѣкотораго времени—года два и болѣе—старается заслужить расположенiе ея семьи усердной работой, удалствомъ и проч., и только послѣ этого уже приступаетъ къ сватовству и къ хватанiю невѣсты.

Послѣднiй обычай весьма оригиналенъ: въ назначенный день родители невѣсты приглашаютъ гостей въ юрту, и женщины, вооруженныя пучками прутьевъ и палками, становятся у пологовъ. Послѣ этого, подъ звуки бубенъ и имъ подобныхъ инструментовъ, вводятъ жениха и невѣсту. Послѣдняя по знаку, данному старшимъ въ юртѣ, бросается въ ближайшiй пологъ и черезъ послѣдующiе пологи старается уйти отъ жениха, который, въ свою очередь, бросается за ней и старается поймать ее, причемъ приставленныя къ пологамъ женщины всячески задерживаютъ его бѣгъ и хлещутъ его прутьями. Поймать невѣсту при такой обстановкѣ дѣло очень трудное и удается только въ томъ случаѣ, когда молодая сжалится надъ женихомъ и выждетъ его въ одномъ изъ пологовъ. Смыслъ обряда—очевидно стремленiе предоставить дѣвушкѣ свободу выбора. На подобномъ свадебномъ праздникѣ, какъ и на другихъ семейныхъ и общественныхъ пиршествахъ, можно часто встрѣтить очень подкутившихъ коряковъ; но причина опьяненiя—не водка, а по большей части настой гриба мухомора, который даже и въ маломъ количествѣ имѣетъ опьяняющее дѣйствiе; при большомъ же употребленiи онъ совсѣмъ разстраиваетъ нервную систему.

Торговля мухоморами хотя и воспрещена нашими властями, но въ тайнѣ она все же существуетъ и случается, что коряки за одинъ мухоморъ отдаютъ мѣха цѣнностью въ нѣсколько десятковъ рублей. Впрочемъ, употребленiе мухомора нынѣ существуетъ только среди бродячихъ коряковъ и отчасти между жителями Пенжинской губы, слышущими за самый развращенный народъ своего племени. Сидячіе коряки, подобно своимъ кочевымъ собратьямъ, первоначально тоже вели бродячую жизнь, но, потерявъ своихъ оленей вслѣдствiе разныхъ злосчастныхъ причинъ, главнымъ же образомъ—вслѣдствiе войнъ съ чукчами, обратились къ рыбной ловлѣ и охотѣ за морскими звѣрями, что и привязало ихъ къ мѣсту, сдѣлало осѣдлыми. Русскіе торговцы часто посѣщаютъ селенiя сидячихъ коряковъ и пере-

Дохлашняя утвара коряковъ.

дали бѣднякамъ многіе свои пороки; американскіе же китобои еще болѣе деморализировали ихъ, пристрастивъ къ рому. Тѣмъ не менѣе сидячіе коряки — хорошіе звѣропромышленники и лучше чѣмъ кто либо въ Камчаткѣ умѣютъ строить байдары изъ легкаго деревяннаго набора, обтянутаго моржевой или лахдачей кожей. Сравнительно съ камчадалами, они отважные мореплыватели, а также искусные кузнецы: копыя, топоры, ножи, выдѣлываемые коряками (каменцами и паренцами), — славятся и высоко цѣнятся на всемъ полуостровѣ. Другое коряцкое племя (олюторцы) — мастера вырѣзывать изъ моржевой кости разныя мелкія вещи: ложки, трубки и т. п. Коряки хорошо выдѣлываютъ звѣринныя шкуры и шьютъ изъ нихъ кухлявки, торбосы и проч. платье, что и составляетъ главный предметъ торговли и сбыта.

Камчадаловъ, подобно корякамъ, нѣкоторые тоже причисляютъ къ монгольскому племени, но вѣроятнѣе, что они полярнаго происхожденія, соплеменники американскихъ эскимосовъ. Въ перемежку съ русскими, камчадалы занимаютъ весь полуостровъ къ югу отъ территоріи коряковъ. Отъ частыхъ сношеній и браковъ съ русскими камчадалы настолько уже слились съ послѣдними, что иногда трудно и отличить ихъ другъ отъ друга. Всѣ камчадалы давно уже исповѣдуютъ православную вѣру; русскій языкъ, правда, очень испорченный, сдѣлался у нихъ до того общимъ, что они уже рѣдко употребляютъ свой собственный. По нарѣчіямъ камчадалы однако продолжаютъ раздѣляться на слѣдующія вѣтви: 1) камчадалы долины рѣки Камчатки, прямые потомки аборигеновъ этого племени; они обитаютъ въ селеніяхъ Гавальскомъ, Машурскомъ, Толбачинскомъ и другихъ. Эти камчадалы почти окончательно уже утратили свой языкъ; 2) большерѣцкіе или курильскіе камчадалы живутъ въ деревняхъ на южной оконечности полуострова, напримѣръ, въ селеніяхъ Явинѣ, Гольчинѣ, Уткинскомъ и Кычинскомъ. У этихъ камчадаловъ туземный языкъ еще въ употребленіи, но въ него, какъ и въ обычаи, вкралось много русскихъ элементовъ и отчасти курильскихъ; 3) пенжинскіе камчадалы обитаютъ по западному берегу полуострова въ деревняхъ Ича, Мороничномъ, Бѣлоголовскомъ и пр. Здѣсь туземный языкъ сохранился еще въ сравнительной чистотѣ, но въ селеніяхъ, удаленныхъ къ сѣверу, замѣтны и коряцкіе элементы.

Камчадалскій языкъ состоитъ изъ постоянныхъ корней съ измѣняющимися приставками; онъ отличается горловымъ, какъ бы журчащимъ произношеніемъ и камчадалы говорятъ на немъ протяжно, сопровождая рѣчь тѣлодвиженіями.

Камчадалы малорослы, плечисты, смуглы, черноволосы и почти всѣ безбороды; лица ихъ плоскія, широкія; скулы выдающіяся, губы толстыя, ротъ большой, глаза маленькіе, живые, съ огонькомъ; въ общемъ, типъ этотъ не лишенъ красоты. Камчадалскихъ молодыхъ женщинъ и въ особенности дѣвушекъ можно назвать даже красавицами. Онѣ довольно полны и румяны, глаза имѣютъ блестящія; волосы черные, какъ воронье крыло; рѣсницы и брови густыя; зубы бѣлые, здоровые; руки и ноги малыя; движенія свободныя, живыя. Камчадалы слабосильны и отличаются кроткимъ нравомъ; характера они добраго; очень понятливы, любознательны и способны къ ученію; замѣчательно честны и гостепріимны. Къ сожалѣнію, племя это, какъ самостоятельная раса, видимо вырождается. Въ XVIII столѣтіи камчадаловъ считалось еще до 10,000; по 10-ой же ревизіи ихъ было только 4,365 душъ обою пола, а теперь едва ли наберется и 3,000. Въ 1767 году занесена была, на судахъ изъ Охотска, оспа, которая долго свирѣпствовала на всемъ полуостровѣ, истребивъ болѣе половины населенія. Въ 1800 г. населеніе опять сильно пострадало отъ горячки и въ настоящее время, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, бѣдствуетъ отъ сифилиса, сильно распространеннаго вообще по сѣвернымъ округамъ Приморской области.

Морскіе офицеры, бывшіе начальники Камчатки, много боролись съ этою напастью и нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Петербурга были нарочно командированы врачи, которые устроили небольшія спеціальныя больницы въ Петропавловскѣ, въ Ключевскомъ селеніи и въ Тигилѣ; но, къ сожалѣнію, эта благотѣльная мѣра не принесла должнаго резуль-

тата, хотя населеніе и сочувственно отнеслось къ больницамъ, охотно пользовалось ими. Кратковременность срока командировки (всего пять лѣтъ), дальность разстояній, отсутствіе путей сообщенія, суровость климата и бѣдность населенія, затрудняющагося въ выполненіи многихъ предписаній врачей, — все это мѣшало успѣху въ борьбѣ съ застарѣлою страшною болѣзною, принявшею уже типъ наследственнаго сифилиса, а часто и форму проказы, и потому подверженной частымъ рецидивамъ, или, вовсе не поддающейся лѣченію.

Благодаря осѣдлой жизни, которую издавна вели камчадалы, а также кроткому ихъ нраву и разрозненности поселенія, камчадалы скорѣе подчинились русскому владычеству, чѣмъ ихъ кочевые сосѣди коряки, а потому и болѣе подверглись образовательному вліянію русскихъ; о прежнемъ же бытѣ камчадаловъ мы имѣемъ довольно смутныя понятія. Крашенинниковъ, напримѣръ, описываетъ намъ камчадаловъ народомъ дикимъ и идолопоклонниками. Богомъ почитали они нѣкоего Кутху, отъ котораго и производили родъ свой. По сотвореніи земли Кутха временно сошелъ съ неба въ Камчатку, гдѣ и оставилъ по себѣ потомство. Горы и долины, которыми такъ богатъ полуостровъ, суть послѣдствіе путешествій Кутхи по Камчаткѣ, такъ какъ земля гнулась подъ ногами бога, какъ тонкій ледъ. Сынъ Кутхи, прицъ въ возрастѣ, сталъ охотиться и ловить рыбу: какъ надо дѣлать это — было завѣщено ему отцомъ и т. д. Кромѣ Кутхи, который, кстати, какъ оказалось не обозначалъ божественнаго лица, а только воплощалъ всѣ героическія, романическія и легендарныя похождения камчадалскихъ предковъ, и кромѣ Кутклины и его потомства, было много и другихъ боговъ, къ которымъ камчадалы относились вообще безъ почтенія, бранили ихъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, умиловляя жертвами. Во время промысловъ, напримѣръ при собираніи травъ и ягодъ, бросали часть ихъ богамъ, удѣляя, впрочемъ, по преимуществу негодное, какъ это не рѣдко дѣлаютъ и теперь коряки и другіе язычники. Всѣ опасныя мѣста полуострова: огнедышущія горы, горные ключи, крутые обрывы, пропасти, густые лѣса были населены разными духами, которыхъ жители боялись. Умершихъ они не погребали и не жгли, какъ дѣлаютъ это коряки, а отдавали на разтерзаніе и съѣденіе собакамъ. Юрту, гдѣ умиралъ ктонибудь, обыкновенно оставляли и всѣ вещи умершаго бросали изъ суетвѣрія, чтобы не накликать себѣ бѣды.

До прихода русскихъ, у камчадаловъ не было въ употребленіи металловъ, хотя они и имѣли о нихъ понятіе отъ сосѣдей японцевъ. Топоры камчадалы дѣлали изъ оленьей и моржевой кости и изъ яшмы. Такими то первобытными орудіями они выдѣлывали себѣ: чаши, лодки, строили юрты и проч.

Отъ Крашениникова мы узнаемъ также о нѣкоторыхъ весьма оригинальныхъ обычаяхъ прежнихъ камчадаловъ, напримѣръ: о хватаніи невѣсть, — обычай, въ общихъ чертахъ сохранившійся еще у коряковъ; о сведеніи дружбы и другихъ. Когда камчадалъ желалъ съ кѣмънибудь подружиться, то наваривалъ лучшаго кушанья примѣрно на десятерыхъ и, натопивъ юрту до нельзя, угощалъ гостя до нельзя, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ подтапливать юрту, пока гость не взмолится и не откупится отъ дальнѣйшаго усердія хозяина, передавъ ему все, что только понравится изъ наличнаго платья, оружія, собакъ и проч. Обобравъ гостя до чиста, хозяинъ отпускалъ его домой одѣтымъ въ старое и дурное, но за то, въ свою очередь, отправлялся къ нему и самъ, чтобы принять подобное же угощеніе и откупиться. Это какъ бы примирительный способъ мѣноваго торга, соединеннаго съ гостепримствомъ въ безобразной формѣ.

Пиры у камчадаловъ бывали и теперь бываютъ по случаю свадьбы, счастливаго промысла и разныхъ другихъ причинъ, и проходятъ въ обжорствѣ, пляскахъ и пѣніи. Въ числѣ коренныхъ камчадалскихъ плясокъ — бахія, состоящая въ томъ, что двѣ женщины, стоя одна противъ другой и имѣя въ рукахъ по пучку сушеной травы, называемой тончичъ, начинаютъ поводить плечами и взмахивать руками, припѣвая въ тактъ тихимъ голосомъ. Потомъ тѣлодвиженія усиливаются и пѣсня раздается громче; это продолжается до тѣхъ поръ, пока

они не выбыются из силъ и не потеряютъ голоса. А то человекъ десять мужчинъ и женщинъ становились въ кружокъ и часами тихо ходили кругомъ, подымая одну ногу за другою въ тактъ и поочередно выкрикивая одинъ одну половину, а другой другую половину словъ, относящихся къ разнымъ промысламъ. Иногда женщины становились въ два ряда, клали обѣ руки на животъ и, подымаясь на носкахъ, поводили плечами, не шевеля однако руками и не сходя съ мѣста. Все это имѣетъ характеръ какъ бы подражанія морскимъ птицамъ, сидящимъ рядами на прибрежномъ утесѣ. Подражаніе движеніямъ животныхъ, какъ вообще у дикихъ народовъ, довольно распространено у камчадаловъ. Такъ иногда мужчины становились на колѣна и прыгали какъ лягушки, взмахивая руками и кривляясь. Начинаясь эта пляска одна, кѣмъ нибудь, а другіе постепенно присоединялись къ нему. Бывало и такъ, что всѣ сначала прячутся по угламъ и только одинъ, выскочивъ на середину, начинаетъ какъ бѣшеный бить въ ладоши, въ грудь, по бедрамъ и, поднявъ руки къ верху, дѣлаетъ неистовыя тѣлодвиженія. Къ нему поочередно, присоединяются другіе, остальные же вертятся кругомъ. Происхожденіе этой пляски лежитъ, вѣроятно, въ шаманствѣ. Съ появленіемъ признаковъ цивилизаціи, эти пляски уступаютъ свое мѣсто искаженному вальсу, полькѣ и кадрилю, въ соединеніи съ извѣстною всѣмъ нынѣшнимъ посѣтителемъ Камчатки — веселою «восьмеркою», отплясываемою въ Петропавловскѣ и подъ аккомпаниментъ фортепіано, и подъ звуки гармоники или скрипки, и просто подъ тактъ пѣсни. Камчадалы — народъ довольно музыкальный; у женщинъ очень пріятные голоса. Народныя пѣсни отличаются меланхолическимъ и фантастическимъ складомъ. Поэзія вдохновляется любовью, дружбой, страданіями и т. под. душевными чувствами. Героическихъ пѣсень, прославляющихъ дѣла предковъ, подвиги на войнѣ — у камчадаловъ нѣтъ и быть

Въ избѣ (юртѣ) камчадала.

не можетъ. Пѣсня выражаетъ народный характеръ. Камчадалы же — народъ совсѣмъ мирный. До завоеванія нами Камчатки, камчадалы не имѣли серьезной борьбы ни съ кѣмъ и если дрались между собою, то изъ — за мелкихъ причинъ.

Камчадалы съ давнихъ временъ вели осѣдлую жизнь. Наши сибирскіе казаки и торговые люди, впервые зашедшіе въ Камчатку въ концѣ XVI вѣка, нашли камчадаловъ живущими уже въ селеніяхъ, которыя и были названы казаками «острожками», такъ какъ по большей части они были обнесены рвами и земляными валами. Острожки эти или селенія состояли изъ нѣсколькихъ землянокъ самого первобытнаго устройства: выкапывали яму аршина на два глубиною, въ длину же и ширину по нѣскольку сажень, смотря по семьѣ; въ яму вставлялись столбы, на которыхъ укрѣпляли стропила, а на стропила, съ поверхности земли уже, приставляли наклонно бревна, затѣмъ все это покрывалось древесными вѣтвями, травою и засыпали землею, такъ что юрта походила на холмикъ. Для входа и выхода изъ юрты, на крышѣ ея вырывали отверстіе, которое служило въ то же время и для свѣта, и для выхода дыма во время топки. Такія юрты совсѣмъ уже вывелись и замѣнены избами, построенными по русскому образцу, но обыкновенно весьма небольшихъ размѣровъ, съ крышами, покрытыми сухой длинной травой или древесной корой, съ узкими высоко прорубленными дверями и маленькими

«восьмеркою», отплясываемою въ Петропавловскѣ и подъ аккомпаниментъ фортепіано, и подъ звуки гармоники или скрипки, и просто подъ тактъ пѣсни. Камчадалы — народъ довольно музыкальный; у женщинъ очень пріятные голоса. Народныя пѣсни отличаются меланхолическимъ и фантастическимъ складомъ. Поэзія вдохновляется любовью, дружбой, страданіями и т. под. душевными чувствами. Героическихъ пѣсень, прославляющихъ дѣла предковъ, подвиги на войнѣ — у камчадаловъ нѣтъ и быть

окнами; оконныя рамы со стеклами или же съ медвѣжьими кишками и рыбьей кожей. Между домами возвышаются обыкновенно бревенчатые шалаши или балаганы, въ которыхъ держатся запасы сухой рыбы. Для сбереженія запасовъ отъ собакъ и дикихъ звѣрей, шалаши устраиваются на высокихъ столбахъ, подобно надводнымъ постройкамъ. Подлѣ каждого камчадалскаго дома возвышаются еще рамы изъ жердей для просушки рыбы. Тутъ же лежатъ вверхъ дномъ челнока («боты»), сани («нарты»), на привязи цѣлыя стаи собакъ, грѣющихся на солнышкѣ. Крики щенятъ, визгъ и лай собакъ по вечерамъ, передъ кормомъ, и специфическій рыбный запахъ—все это неприятно дѣйствуетъ на свѣжаго человѣка. Тѣмъ не менѣе камчадалскіе дома держатся внутри въ сравнительномъ порядкѣ. Теперь ужъ нѣтъ и слѣда стариннаго описанія быта камчадаловъ, когда они жили въ юртахъ, ѣли изъ одной посуды съ собаками, не мылись и не причесывались и проч.

Жилища камчадаловъ двойнаго рода: зимнія и лѣтнія. Въ своихъ деревняхъ, по долинамъ,

Балаганы или кладовыя камчадаловъ.

камчадалы живутъ только зимою; на лѣто же они выселяются въ шалаши на устья рѣкъ для ловли рыбы, составляющей насущное пропитаніе камчадаловъ и ихъ собакъ. Пойманная рыба немедленно потрошится женщинами и высушивается на воздухѣ. Сушеная рыба (юкола) и составляетъ главное продовольствіе въ долгую зиму. Солятъ рыбу мало за недостаткомъ денегъ для покупки соли; ѣдятъ рыбу также и квашенную. Для приготовления послѣдней складываютъ свѣжую рыбу въ ямы, которыя прикрываютъ землею. Кислая рыба составляетъ главный собачій кормъ. Вскрытіе ямъ вызываетъ ужасное зловоніе. Не смотря на невѣроятное изобиліе рыбы, рыбныхъ запасовъ на зиму все же не хватаетъ, такъ какъ масса ея портится: въ ней заводятся черви и она пропадаетъ. На одно прокормленіе собакъ каждой семьѣ требуется тысячи пудовъ. Когда рыбный сезонъ окончится, камчадалы прячутъ юколу въ балаганы и возвращаются на зимнія квартиры для приготовленій къ охотѣ за пушистыми звѣрами, въ замѣнъ которыхъ инородецъ получаетъ отъ торговцевъ все необходимое, хотя и по дорогой

цѣнѣ, но за то безъ особыхъ хлопотъ. Въ промежутокъ времени между лѣтней рыбной ловлей и звѣриной охотою камчадалы заготавливаютъ сѣно, охотятся за дикими оленями и медвѣдями; позднюю же осенью ловятъ гольцевъ и кижучей, морозятъ ихъ, заготавливая на всю зиму, — такъ какъ мороженая рыба и составляетъ главную пищу семьи, остающейся на мѣстѣ,

Видъ селенія Гональскаго.

юкола же идетъ въ пищу во время промысловъ. Съ наступленіемъ зимы, по недѣлямъ ждутъ пороши; когда же, наконецъ, выпадетъ снѣгъ, все уходитъ въ лѣса на собольный промыселъ. Къ сожалѣнію, собольный промыселъ, подобно рыбному, не всегда бываетъ удаченъ. Годъ малаго улова его печально отражается на населеніи. Такъ въ послѣдніе года соболей мало попадалось, и вся Камчатка обѣднѣла, жители же нѣкоторыхъ мѣстъ даже обнищали. Въ годы же хорошаго улова, когда соболей было много и одна поѣздка въ лѣсъ доставляла камчадалу по нѣскольку штукъ ихъ, — чай пили на всемъ полуостровѣ, при томъ не

иначе, какъ съ сахаромъ; заборы этого добра у купцовъ въ кредитъ дѣлались пудами; камчадалскія красавицы одѣвались въ шелкъ и лакомились «заморскими» пряниками. Теперь же отъ былой расточительности остались лишь воспоминанія да неоплатные долги и приходится вмѣсто чаю пить капрей траву (*Epilobium*).

Заготовка рыбы камчадалами.

Здѣсь кетати сказать нѣсколько словъ о чукчахъ. Составляя собственно названіе Чукотской земли, чукчи происходятъ отъ одного племени съ коряками и камчадалами. Все они принадлежатъ къ особой расѣ народовъ Берингова моря, сѣверянь-гиперборейцевъ, какъ и сѣверо-американскіе инородцы. Цвѣтъ кожи у чукчей смугло-желтый; быть можетъ онъ былъ бы бѣлымъ, если бы они употребляли мыло, или вообще мылись бы. Волосы у нихъ густые, черные у всехъ безъ исключенія и въ большин-

ствѣ жесткіе, грубые; но у нѣкоторыхъ приходилось видѣть мягкіе, волнистые, а у одного чукчи даже совершенно курчавые; на усахъ и бородѣ растительность слабая. Мужчины носятъ волосы остриженными въ кружокъ; выбривая маковку, они оставляютъ на головѣ какъ бы волосяной вѣнчикъ; но есть чукчи, которые носятъ волосы до плечъ, заплетая ихъ въ косы. У нѣкоторыхъ пожилыхъ чукчей на выбритой маковкѣ имѣется по нѣскольку оставленныхъ клоч-

ковъ волосъ; количество этихъ косичекъ на темени у того или иного чукчи равняется числу его дѣтей. Женщины чукотки, а также дѣвушки носятъ двѣ косы, которыя всегда заплетаются тщательно, подвязывая къ нимъ бусы, бисеръ, пуговицы, и т. п. украшенія.

Одежду чукчей и лѣтомъ и зимою составляютъ исключительно оленьи кожи. Мужчины носятъ длинную до колѣнъ рубаху, шерстью внизъ, съ узкими рукавами и открытымъ воротомъ, отороченнымъ, по большей части, мѣхомъ собаки, волка, а иногда росомахи. Лѣтомъ они носятъ рубахи однорядки, а зимою поверхъ рубахи—другую, шерстью вверхъ; такимъ образомъ, изъ двухъ рубахъ составляется «кухлянка», или «парка». Исподнее платье, составляющее одно цѣлое съ обувью или «торбасами», шьется также изъ оленьихъ кожъ, главнымъ образомъ изъ «камусовъ» (шкурки съ ногъ оленя), а зимою болѣе теплое изъ пыжика, къ которому надѣвается уже болѣе короткая обувь. Прибрежные жители иногда носятъ торбаса, сшитые изъ шкуръ нерпы, какъ болѣе предохраняющіе ноги отъ сырости. Въ ненастную погоду поверхъ рубахи, которая не выноситъ дождя, чукчи носятъ камлеи, сдѣланныя изъ оленьихъ кишекъ, но такіе дождевики мало практичны и прочны, и ихъ съ успѣхомъ замѣняютъ камлеи изъ дымленины, т.-е. изъ прокопченной оленьей кожи, весьма прочной и пропускающей воды. Если къ изложенному прибавить, что у чукчи почти всегда за спиною на ремнѣ, перекинутомъ черезъ плечо, виситъ «малахай» (шапка) и что онъ подпоясанъ ремнемъ, на которомъ подвязаны ножъ и кожаные кисеты съ табакомъ, кремнемъ и огнивомъ и огромной трубкой, то получится полное понятіе о нарядѣ чукчи. У всѣхъ чукчей, у сидячихъ и оленьихъ, одежда совершенно одинакова и не уступаетъ въ однообразіи китайской.

Съ того времени, какъ сѣверныхъ инородцевъ стали навѣщать американцы и русскіе для торговыхъ цѣлей, чукчи имѣютъ возможность пріобрѣтать отъ нихъ разныхъ сортовъ матерій на платья; но они, хотя и покупаютъ ситцы, кумачъ, и др. матерій, преимущественно яркихъ цвѣтовъ, но употребленіе имъ даютъ весьма своеобразное. Чукчи шьютъ изъ нихъ широкія камлеи съ башлыкомъ и носятъ поверхъ своего мѣховаго платья, одѣвая въ торжественныхъ случаяхъ. Только богатые позволяютъ себѣ щеголять дома въ такомъ красивомъ и дорогомъ нарядѣ, да и то не всегда.

Кромѣ предметовъ украшеній, взятыхъ чукчами отъ другихъ болѣе культурныхъ народовъ, у нихъ и до сихъ поръ еще въ обычаѣ украшать свои лица татуировкой; женщины чукотки, какъ замужнія, такъ и дѣвушки татуируются. Такое украшеніе не особенно сильно безобразитъ лица чукотокъ, и подобное впечатлѣніе объясняется тѣмъ, что татуировка ихъ сравнительно скромна: у большинства разрисованы только носъ и подбородокъ; вдоль носа обыкновенно проведены двѣ чернаго цвѣта тонкихъ линіи и нѣсколько такихъ же линій, параллельно одна другой, на подбородкѣ, начиная отъ нижней губы внизъ. Встрѣчаются женщины и со множествомъ узоровъ на всемъ лицѣ,—на лбу, щекахъ, подбородкѣ, на носу, а также и на рукахъ.

Чукчи, живя въ юртахъ, не имѣютъ отдѣльныхъ помѣщеній, въ родѣ амбаровъ, для склада своего имущества и запасовъ провизіи. Все имущество свободно размѣщается въ юртѣ, а запасы провизіи, главнымъ образомъ рыбу, они складываютъ на зиму въ ямы, лѣтомъ, т.-е. во время самой заготовки рыбы, послѣдняя въ распластанномъ видѣ вялится на открытомъ воздухѣ, подвѣшенная на рядъ жердей, укрѣпленныхъ на врытые въ землю столбы. Такія сооруженія имѣются возлѣ каждой юрты; но, кромѣ нихъ, въ каждомъ жилищѣ можно встрѣтить подвѣшенными, тоже для просушки, и рыбу, и икру изъ нея, и мясо нерпы, и др.; все это, особенно въ теплое время, дѣлаетъ воздухъ въ помѣщеніяхъ чрезвычайно тяжелымъ, неприятымъ, не смотря на множество отверстій.

Сѣти нашимъ инородцамъ служатъ для добычи лѣтомъ рыбы—форели, которая на устьѣ Анадыра показывается только на нѣсколько дней въ концѣ іюня и въ началѣ іюля, и затѣмъ

красной рыбы, по сѣверному «хайко» и «горбуши», заходящей въ рѣку руномъ, иногда весьма значительнымъ. Свои сѣти чукчи вяжутъ или изъ хорошо скрученныхъ нитокъ, или изъ жилъ оленя; онѣ очень прочны и служатъ долго. При ловлѣ рыбы инородцы не дѣлаютъ заѣздовъ и закидокъ (неводами), а длиннымъ шестомъ одинъ конецъ сѣти, съ тяжестью на немъ, затаиваютъ далеко отъ берега въ воду; на одной сторонѣ сѣти привязано нѣсколько камней, а на другой — рыбы пузыри, отчего сѣть какъ бы стоитъ на водѣ. Рыбакъ-инородецъ сидитъ на берегу, держась за прикрѣпленный къ сѣти ремень, и какъ только надъ тихою поверхностью воды начнется сильное колебаніе и подергиваніе ремня, онъ тащитъ сѣть на берегъ и освобождаетъ завязшую въ ячеяхъ рыбу. Иногда рыбъ попадаетъ сразу нѣсколько, и всѣхъ ихъ тотчасъ же убиваютъ ударомъ палки по головѣ; затѣмъ, когда рыбы наберется много, ее распластываютъ и подвѣшиваютъ вялить. Отбросовъ при пластаніи рыбы у чукчей не полагается: голову и внутренности они складываютъ въ ямы и хранятъ до зимы, когда получившаяся гнилая масса служитъ кормомъ для собакъ, а иногда, въ особенности въ годъ безрыбный, идетъ въ пищу и людямъ. Иныхъ рыболовныхъ снастей у чукчей не имѣется. Впрочемъ, изрѣдка, преимущественно молодежь, колютъ рыбу копьемъ, т.-е. насаженной на деревко острой.

Чукчи не имѣютъ годнаго лѣса, чтобы сдѣлать изъ него лодку; поэтому байдары свои они сооружаютъ изъ очень прочныхъ и толстыхъ шкуръ моржей. Одной такой шкуры на сооруженіе лодки недостаточно; поэтому, взявъ ихъ нѣсколько, чукчи по извѣстной формѣ кроютъ ихъ, т.-е. разрѣзаютъ на куски и затѣмъ крѣпко сшиваютъ оленьими жилами и ремнями, для чего иногда употребляютъ костяныя шилья, за неимѣніемъ металлическихъ. Сшитую такимъ образомъ шкурою обтягиваютъ остовъ лодки, сдѣланный изъ дерева и реберъ моржа, прикрѣпляя къ нему ремнями, кладутъ 3—4 дощечки, замѣняющія скалки, и байдара готова. Руль къ ней замѣняетъ простая лопата и такія же короткія лопатки служатъ веслами; гребцы садятся близъ бортовъ байдары и каждый гребецъ работаетъ одной такой лопатой. На ходу байдары легки и способны поднять, благодаря плоскому дну, порядочную тяжесть. Чукчи до рожаютъ своими байдарами, берегутъ ихъ; инородцы, причаливая на нихъ къ берегу, дѣлаютъ это весьма осторожно, чтобы не порвать байдару о камни; причаливъ же, вытаскиваютъ далеко на берегъ, опрокидываютъ и ударами палки стряхиваютъ съ кожи воду.

Инородцы пользуются байдарами только 2—3 мѣсяца въ году, т.-е. лѣтомъ. На ней онѣ ѣздятъ за дровами вдоль берега (выкидной лѣсъ), на промыслы за моржами и нерпами; она же ему служитъ и средствомъ передвиженія къ сосѣднимъ чукчамъ, и т. п. Чукчи пользуются байдарами, главнымъ образомъ, осенью, промышляя нерпъ и лаятаковъ, которые въ это время чаще, чѣмъ когда-либо показываются на плавающихъ льдинахъ. Наконецъ, что касается кочующихъ инородцевъ, то они не имѣютъ байдаръ: онѣ имъ не нужны, такъ какъ олений инородецъ не нуждается въ морскихъ промыслахъ. Только немногіе изъ нихъ, недостаточно богатые и приходящіе со своими стадами ежегодно на лѣто къ берегу моря, обзаводятся байдарами, которыя на зиму или оставляютъ у чукчей сидячихъ, или въ разобранномъ видѣ возятъ съ собою по тундрѣ.

Такая зависимость отъ случайностей улова рыбы и звѣря, въ связи съ случайнымъ же привозомъ хлѣба на судахъ, которыя и запаздываютъ въ пути и терпятъ аваріи, — сильно тяготитъ надъ бѣднымъ дикаремъ полуострова. Единственный выходъ изъ него — обращеніе къ земледѣлію, которое дало бы серьезное обезпеченіе. Администрація не разъ уже обращала вниманіе на это и изъ прежнихъ правителей Камчатки нѣкоторые имѣли временный успѣхъ; но прочнаго введенія хлѣбопашества въ Камчатку все же не достигли. Какъ извѣстно, первые опыты хлѣбопашества положены ленскими переселенцами, которые въ 1732 году, въ числѣ 30-ти семействъ, были поселены въ Большерецкѣ, а оттуда перебрались на р. Камчатку, на которой и основали два селенія: Мильково, что въ 12 верстахъ ниже Верхне-Камчатска, и село

Ключевское, въ 84-хъ верстахъ вверхъ отъ Нижне-Камчатска, у подножія величественнаго ключевскаго вулкана. Переселенцы привели съ собой до 200 головъ рогатаго скота и произвели посѣвы ячменя, ржи и пшеницы. Къ сожалѣнію сначала не было урожая изъ-за негодности сѣмянъ; потомъ же, хотя хлѣбъ и родился довольно хорошо, но переселенцы стали апатично относиться къ земледѣльству и, слѣдуя обычаямъ страны, обратились къ болѣе заманчивому пушному промыслу. Съ 1773 года начальники Камчатки, Бемъ, а потомъ Кошелевъ, вновь обратили вниманіе на земледѣліе. Они достигли урожая ржи самъ 10—12. Но это было результатомъ случая и необычайнаго ухода, доходившаго до того, что по полямъ протягивали веревки и ими стряхивали росу, чтобъ предупредить образованіе губительнаго для хлѣба инея, бывающаго въ Камчаткѣ иногда даже и въ началѣ августа. Съ 1825 года хлѣбопашество начало замѣтно падать въ Камчаткѣ; хотя въ 1830 г. усиліями тогдашняго начальника Камчатки, Голенищева, образовалось было земледѣльческое общество съ пособіемъ отъ государства и московскаго общества сельскаго хозяйства, при чемъ для новаго общества было отведено до 29 тысячъ десят. земли, но къ сожалѣнію общество это не имѣло успѣха и въ 1837 г. ликвидировало свои дѣла, израсходовавъ 7700 руб.

Причина неудачъ кроется въ климатѣ полуострова, его частыхъ туманахъ, раннихъ инеяхъ, главное же въ непривычкѣ населенія къ упорному сельско-хозяйственному труду. Переходъ отъ промысловъ къ земледѣлію требуетъ отъ насъ измѣны вѣды на собакахъ, что при нынѣшнемъ состояніи камчатскихъ путей сообщенія даже не возможно.

Русскія селенія сосредоточиваются преимущественно на большихъ рѣкахъ. Переселенцы съ Лены, привезенные въ Камчатку въ прошломъ столѣтіи, образовали селенія Авачо, Верхне-Камчатскъ, Мильково, Ключи, Кресты, Большерецкъ и нѣкоторыя другія. Бытъ русскихъ переселенцевъ въ настоящее время мало чѣмъ отличается отъ быта туземцевъ. Вообще они оставили прежнія свои занятія и забыли то, что знали на родинѣ, какъ то: прясть, дѣлать сохи и бороны, выдѣлывать горшки, ковать желѣзо и т. п. вмѣсто обученія туземцевъ хлѣбопашеству, огородничеству и скотоводству, они сами учатся у нихъ пріемамъ звѣринныхъ промысловъ, разнымъ домашнимъ обиходнымъ занятіямъ и, по примѣру туземцевъ, заготовляютъ себѣ на зиму вмѣсто хлѣба рыбу, вмѣсто пеньки—крапиву. Земледѣліе и огородничество заброшены въ такой степени, что обыкновенно жители не умѣютъ даже собирать сѣмянъ огородныхъ овощей и каждый годъ выжидаютъ подвоза ихъ изъ Америки или Владивостока. Если сѣмена запаздываютъ или окажутся негодными, въ Камчаткѣ невозможно пріобрѣсти и кочия капусты, не говоря уже о болѣе тонкихъ овощахъ. За табакъ, составляющій серьезную потребность по условіямъ климата, платятъ до 1 р. 25 коп. за фунтъ, сами же не умѣютъ ни выращивать, ни готовить его къ употребленію. Передавъ камчадаламъ вѣру и языкъ и поднявъ уровень развитія туземцевъ, русскіе люди въ Камчаткѣ сами въ тоже время какъ-бы опустились на нѣсколько ступеней, окамчадовались и въ настоящее время не служатъ уже даже и хранителями чистоты роднаго языка, который на всемъ полуостровѣ, какъ между камчадалами, такъ и русскими, обратился въ своеобразный мѣстный говоръ, весьма непріятно поражающій слухъ. Говорятъ на примѣръ: «я билъ въ порту, полямалъ кашилье, хребеть сыбко большой, цего хочесь? штагни закрыль, сопецка задымилась» и т. п.

Въ край существуютъ 4 элементарныхъ школы, въ которыхъ учатъ псаломщики, или сами священники; исключеніе составляетъ Петропавловское училище, въ которомъ есть особый учитель. Учащихся на всемъ полуостровѣ насчитывается до 80 человекъ. Камчадалы замѣчательно понятливы, любознательны и способны къ ученію. Такой примѣръ староста Начкинского селенія, Юльянъ Мерлинъ, только при помощи азбуки самъ научившійся читать и писать. Ремеслъ въ Камчаткѣ почти не существуетъ; о заводахъ же, фабрикахъ, мастерскихъ даже и помину нѣтъ. Мѣха по прежнему составляютъ единственный цѣнный предметъ вывоза. Поэтому камчадалы живутъ бѣдно, въ постоянномъ долгу у торговцевъ, которые вымѣниваютъ у нихъ

же мѣха на табакъ, чай, матеріи разныя, ставя иногда баснословно высокія цѣны не только на предметы прихоти, но нерѣдко и на предметы первой необходимости. Въ 1843 году, наприм., пудъ ржаной муки стоилъ въ Петропавловскѣ 15 руб., ячневой 20 р., пшеничной 40 р; пудъ сахару 200 р.; аршинъ ситцу отъ 2-хъ до 3 руб. Цѣны значительно понизились съ тѣхъ поръ, какъ завелась дѣятельная торговля съ американцами, изъ которыхъ многіе поселились было въ Петропавловскѣ, но теперь опять почти оставили его изъ за конкуренціи «Котиковой американской компаніи» русскаго купца Филиппеуса, которые, такъ сказать, подѣлили между собою торговое дѣло: Командорскіе острова оставались за американцами, Камчатка—за Филиппеусомъ, получающимъ отъ казны субсидію въ 30,000 р. и снабжающимъ полуостровъ мукою, крупною, солью, свинцомъ и порохомъ по цѣнамъ, установленнымъ правительствомъ; прочими же товарами по вольной цѣнѣ. Въ общемъ однако, цѣны крайне неумѣренны. Такъ, напримѣръ:

Пудъ	ржаной муки	3 р. 20 коп.	
»	соли	1 » 20 »	
»	круп. греч. или ячнев.	3 » — »	
»	пшеничной муки	5 » — »	
»	ячменя	отъ 3 » — »	до 3 р. 50 коп.
»	картофеля	1 » — »	» 1 » 50 »
фунтъ	амер. сухарей	— » 25 »	» — » 60 »
»	чаю чернаго	1 » 60 »	» 2 » 25 »
»	чаю кирпичн.	2 » — »	» 2 » 50 »
»	сахару	— » 60 »	» — » 70 »
арш.	ситцу	— » 35 »	» — » 75 »
»	синей дабы	— » 50 »	» 1 » — »
фунтъ	мыла	— » 25 »	» — » 60 »
пудъ	пороха	32 » — »	
»	свинцу	5 » 40 »	

Мѣстные цѣны на говядину отъ 5 до 7 руб. за пудъ. Масло продается по 1 р. за фунтъ. Челнокъ (батъ), выдолбленный изъ ствола тополя 15 руб; сани (нарта) 8 руб. Провозъ поклажи на разстояніи отъ 300 до 500 верстъ отъ 4 до 5 руб. съ пуда.

Иностранческое населеніе Камчатки поставляетъ ясакъ соболями (до 160 штукъ въ годъ); кромѣ того, всѣ жители полуострова отбываютъ почтовую гоньбу какъ натуральную повинность при переѣздахъ по казеннымъ надобностямъ исправника, доктора, фельдшеровъ, священниковъ. Есть еще маленькій денежный сборъ на противу-пожарныя средства. Переселенцы—крестьяне платятъ подушную подать по 1 рублю. Всѣ же вообще обязаны строить церкви или часовни и содержать при нихъ сторожей.

Повинности не большія, но, при ничтожности общаго заработка камчадаловъ, онѣ все же весьма чувствительны и тяжело ложатся на бытъ бѣднаго дикаря. Докторъ Дыбовскій, хорошо изучившій современный бытъ жителей Камчатки, опредѣляетъ доходность полуострова въ слѣдующихъ цифрахъ:

3000	соболей по 15 руб. за штуку	45.000 руб.
700	выдръ среднимъ числомъ по 4 р.	2.800 »
1000	лисиць по 2 р.	2.000 »
1300	горностаевъ по 10 к.	130 »
1300	медвѣдѣй по 3 р.	3.900 »
50	волковъ по 3 р.	150 »
22	россомахъ по 6 р.	132 »
1900	лахтаковъ и нерпѣ по 1 р.	1.900 »

19 моржей по 3 р.	57 руб.
500 зайцевъ по 10 к.	50 »
100 шт. рогатаго скота, продаваемого на убой, среднимъ числомъ по 30 р. за штуку . . .	3.000 »
Итого	59.119 руб.

Но по свидѣтельству доктора Дыбовскаго изъ указаннаго количества звѣрей нужно исключить добычу медвѣдей, лахтаковъ и нерпъ, шкуры которыхъ употребляются самими жителями на ремни, подошвы, постели, лыжи и т. п. предметы хозяйственнаго быта, такъ что отъ 59 119 остается 53.319 р. сер. Изъ этой суммы слѣдуетъ исключить дань, приносимую жителями кабаку, который поглощаетъ не менѣе 10.000 р.; затѣмъ подати, исчисляемая г. Дыбовскимъ въ 3685 р. Такимъ образомъ останется всего 39.634 р., что при 6262 человѣкахъ Камчатскихъ жителей всего составитъ по 6 р. 32 к. на человѣка.

По тожественному же исчисленію на Командорскихъ островахъ, прилежащихъ Камчаткѣ, т. е. на ос. Беринговомъ и ос. Мѣдномъ, гдѣ котиковый промыселъ арендуетъ американская компанія, жители алеуты, числомъ 500 челов., зарабатываютъ 45.700 руб., что составляетъ по 91 р. 40 к. на человѣка. На этихъ островахъ жизненные предметы, хозяйственныя принадлежности, платье и проч. продаются вдвое и даже втрое дешевле, чѣмъ въ Камчаткѣ, и водка, можно сказать, не существуетъ на этихъ островахъ, также суровыхъ и бесплодныхъ, какъ и Камчатка.

Очевидно положеніе камчадаловъ несравненно хуже положенія островитянъ. Дѣйствительно, по отзывамъ очевидцевъ, между прочимъ многихъ изъ офицеровъ нашихъ военныхъ судовъ, любая семья на этихъ островахъ особенно, же на Мѣдномъ, отстоящемъ всего въ 180 миляхъ отъ ближайшаго берега Камчатки, имѣетъ столько платья и домашней обстановки, сколько не наберется этого добра и у всѣхъ жителей Камчатки, взятыхъ вмѣстѣ. Тамъ почти полное удовлетвореніе главнѣйшихъ жизненныхъ потребностей, нѣкоторая доля матеріальнаго довольства и соединеннаго съ нимъ развитія. Въ Камчаткѣ же, напротивъ, нищета непроглядная, а попутно съ нею болѣзни и деморализація, такъ что и выхода изъ нынѣшняго положенія не видно. Въ кабалѣ долговъ, превышающихъ заработокъ цѣлой жизни, подъ соблазномъ водки, подъ вліяніемъ эксплуатаціи наѣзжими и мѣстными торговцами, камчадалы постепенно вымираютъ. Чтобы спасти это племя необходимы энергическія мѣры въ смыслѣ воспрещенія ввоза спирта и установленія нормальныхъ цѣнъ на вывозимую пушнину и на ввозимые предметы потребленія. Такъ это дѣло поставлено на Командорскихъ островахъ, гдѣ водка вовсе не допускается, а цѣны регулируются начальникомъ острововъ, который, согласно контракту съ компаніею, устанавливаетъ таксу.

Въ административномъ отношеніи все осѣдлое населеніе, начиная съ сѣвера отъ Лѣсновскаго и Корягинскаго селеній, входитъ въ составъ Петропавловскаго округа; всѣ кочевые инородцы (коряки и ламуты) также приписаны къ этому округу.

Административный центръ Камчатки и единственный ея городъ Петропавловскъ, по числу населенія и по виѣшнему виду, скорѣе напоминаетъ небольшое село, чѣмъ городъ. Жителей въ Петропавловскѣ около трехъ сотъ человѣкъ, ютящихся въ нѣсколькихъ десяткахъ деревянныхъ лачужекъ, крытыхъ соломой и большею частію покрывшихся уже на сторону. Приятное исключеніе составляютъ сравнительно большіе, съ деревянными крышами, дома исправника, городского управленія, агента „американской компаніи Гутчисонъ“, Филиппеуса и К°, содержащей въ арендѣ котиковый промыселъ на Командорскихъ островахъ. Красивѣйшее зданіе въ городѣ церковь, построенная изъ досокъ иждивеніемъ названной компаніи. Передъ новою изящною церковью стоитъ маленькая старая церковь, начатая постройкою еще въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ бытность тамъ первой кругосвѣтной экспедиціи Крузенштерна;

отъ церкви же, которая была заложена при Берингѣ, въ 1740 г., остался только камень, обозначающій мѣсто, гдѣ былъ алтарь. Недалеко отъ новой церкви памятникъ умершимъ во время второй экспедиціи Беринга, т. е. командору Берингу, погибшему въ 1741 г. на открытомъ имъ, необитаемомъ тогда, а теперь населенномъ и очень доходномъ островѣ, носящемъ имя этого мореплавателя-мученика. Доска, на которой была надпись съ перечнемъ всѣхъ лицъ, заржавѣла, такъ что и прочесть нельзя. Недалеко отъ Петропавловскаго памятника Берингу, но съ другой стороны церкви, похороненъ другой извѣстный мореплаватель, сподвижникъ Кука, капитанъ Клеркъ, умершій въ 1779 году близъ береговъ Камчатки. Памятника нѣтъ или онъ не сохранился. На западномъ берегу гавани, на перешейкѣ, виднѣется вновь поставленный крестъ на мѣстѣ бывшаго памятника знаменитому Лаперузу, посѣтившему Камчатку въ 1787 году и затѣмъ погибшему въ морѣ. На берегу же противъ малой бухты стоялъ памятникъ героя доблестной защиты Петропавловскаго порта отъ нападенія соединенной англо-француз-

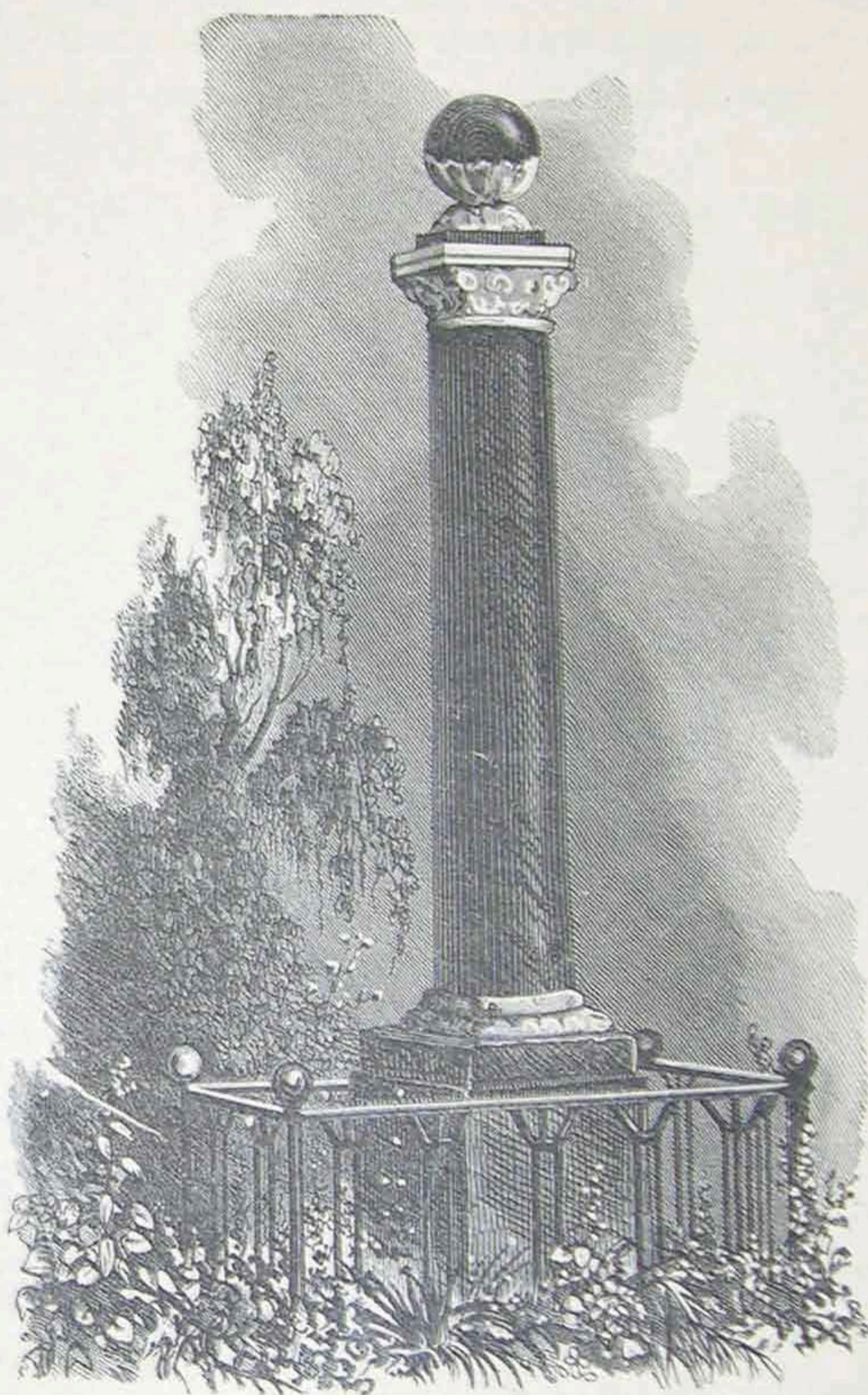
Петропавловскій портъ въ Камчаткѣ.

ской эскадры 1854 года, князю Максудову; нѣсколько же сѣвернѣе города, у сѣверовосточнаго склона горы Никольской и въблизи озера возвышаются двѣ рядомъ стоящія, обширныя братскія могилы прочихъ лицъ, павшихъ въ бояхъ памятныхъ дней 18-го и 24 августа. Могила побольше, съ двумя крестами, обозначаетъ мѣсто, гдѣ похоронены французы и англичане; другая же, съ однимъ крестомъ, мѣсто погребенія русскихъ воиновъ—матросовъ, казаковъ и камчадаловъ, дружно отбивавшихся отъ непріятеля. Въ 1877 году крестъ на могилѣ французовъ былъ возобновленъ однимъ изъ принцевъ Орлеанскихъ герцогомъ Понтьерскимъ; надъ англичанами же и на могилѣ русскихъ воиновъ то же сдѣлано недавно офицерами и командой клипера «Гайдамакъ». Наконецъ, въ память блистательной побѣды, одержанной нами 24 августа 1854 года въ Петропавловскѣ, въ сентябрѣ 1882 года, открытъ памятникъ, сооруженный по подпискѣ, на песчаной-косѣ (по мѣстному Петропавловской «Коскѣ»), отдѣляющей внутреннюю гавань отъ внѣшней ея части Авачинской губы.

Петрозавловскъ.

Первое извѣстіе о разрывѣ нашемъ съ Англіею и Франціею получено было въ Петропавловскѣ въ маѣ 1854 года, отъ американскаго посланника на Сандвичевыхъ островахъ. Губернаторъ Камчатки, контръ-адмиралъ Завойко, не ожидая оффиціального извѣщенія, которое сухопутнымъ путемъ пришло въ Петропавловскъ лишь въ іюлѣ, тотчасъ же приступилъ къ постройкѣ земляныхъ батарей, для защиты порта отъ непріятельскихъ судовъ, плававшихъ въ Восточномъ океанѣ. Вооруживъ затѣмъ все населеніе Петропавловска, способное носить оружіе, и воспользовавшись командою пришедшихъ вскорѣ въ Петропавловскъ кругосвѣтныхъ судовъ нашихъ „Аврора“ и „Двина“, адмиралъ образовалъ такимъ образомъ отрядъ въ 920 человекъ, съ которымъ и выдержалъ геройскую борьбу въ теченіи недѣли противъ значительно сильнѣйшаго непріятели, пришедшаго на двухъ фрегатахъ, корветѣ, бригѣ и пароходѣ съ 162 орудіями. 17-го августа непріятельская эскадра появилась въ Авачинской губѣ; 20-го, подойдя ко входу въ Петропавловскую гавань, открыла огонь изъ 60 орудій по нашимъ 19-ти, поставленнымъ по обѣ стороны входа въ наружную часть гавани и на кошкѣ, замыкающей внутреннюю гавань. Послѣ 10-ти часовъ упорнаго артиллерійскаго боя, правая входная батарея наша, что на красномъ ярѣ, была сбита, и непріятель послалъ десантъ на берегъ. Встрѣченный нашими стрѣлковыми партіями и мѣткимъ огнемъ съ фрегата «Аврора», стоявшаго за кошкою, десантъ вынужденъ былъ отступить обратно на свои суда. Затѣмъ 24 августа непріятель вторично открылъ бомбардировку нашихъ батарей и, сбивъ нѣкоторыя изъ нихъ (на пересыпи, раздѣляющей сигнальный мысъ отъ Никольской горы и у озера), послалъ десантъ двумя колоннами въ 600 и 300 человекъ. Поддержанные сосредоточеннымъ огнемъ всей эскадры, десанты эти успѣли взобраться на вершину Никольской горы, командующей всѣмъ городомъ и гаванью; но, послѣ ожесточенной рукопашной схватки съ отрядами нашихъ охотниковъ, экспладровавшихъ ту же гору со стороны города и бухты, непріятель былъ сброшенъ почти съ отвѣсныхъ утесовъ этой горы въ Авачинскую губу, понесши при этомъ такой большой уронъ (до 400 человекъ), что вынужденъ былъ прекратить дальнѣйшее нападеніе и оставить Петропавловскъ въ покоѣ до слѣдующаго года. Въ 1855 году непріятельская эскадра Восточнаго океана, въ значительно большемъ уже составѣ, вновь приходила въ Петропавловскъ, но не нашла уже никого изъ нашихъ военныхъ людей. Предвидя этотъ вторичный визитъ, Петропавловскій портъ, какъ военноморское учрежденіе, былъ еще раннею весною перенесенъ въ устье р. Амура, въ только что основанный тогда городъ Николаевскъ, о доступности котораго со стороны Японскаго моря непріятель и не подозрѣвалъ. Бросившись на поиски за судами нашими на сѣверъ, въ Охотское море, непріятель прозѣвалъ ихъ на югѣ и, потерявъ время въ безплодныхъ поискахъ, вынужденъ былъ окончательно отказаться отъ возмездія за Петропавловское свое пораженіе (въ 1854 году).

Памятникъ Берингу и его сподвижникамъ.

Петропавловская гавань—одна изъ удобнѣйшихъ въ свѣтѣ для зимовки и исправленія судовъ своими средствами. Она совершенно закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, за исключеніемъ сѣ-

веро-востока; глубина самая подходящая для якорной стоянки (5—8 сажень), грунт илистый. Какъ уже было упомянуто длинная песчаная коса или кошка, какъ природный молъ, дѣлитъ гавань на двѣ части: наружную и внутреннюю; входъ во внутреннюю гавань находится между оконечностію кошки и гористымъ полуостровомъ, образуемымъ Никольскою и Сигнальскими горами, игравшими такую важную роль въ оборонѣ 1854 года. Ширина входа 40 сажень, вмѣстительность для нѣсколькихъ судовъ средняго размѣра, а если очистить гавань, то и для нѣсколькихъ десятковъ судовъ.

Петропавловская гавань-незначительная часть извѣстной Авачинской губы. Форма губы округленная; поперечникъ ея около 17 верстъ; береговая же черта занимаетъ почти сто верстъ. Обширный заливъ этотъ хорошо закрытъ отъ океана, съ которымъ соединяется только каналомъ въ $2\frac{1}{2}$ вер. шириною. Глубина залива до 14 сажень. Отвѣсные утесы, которыми обставлена бухта, во многихъ мѣстахъ прерываются пологими берегами и низменными

рѣчками, впадающими въ губу. Изъ совершенно закрытыхъ якорныхъ стоянокъ, кромѣ Петропавловской гавани, имѣются еще Тарьинская и Раковая губа. Это даетъ возможность вмѣстить въ Авачинской губѣ даже тысячи судовъ.

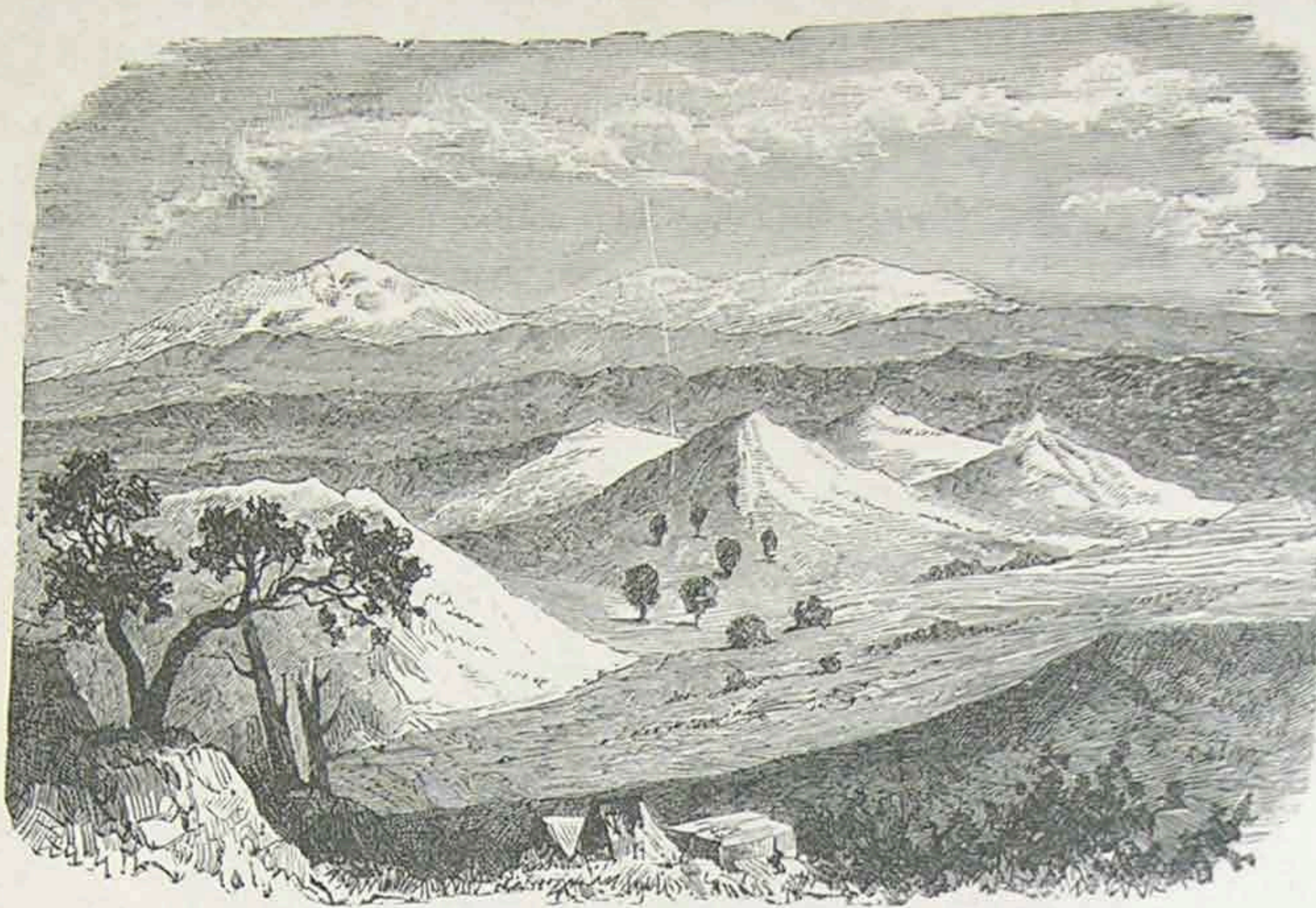
Крейсеры «Африка» и «Вѣстникъ» при открытіи памятника въ честь побѣды надъ англичанами и французами.

Авачинская губа обставлена четырьмя величественными, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вулканами: Вилюченскимъ, Стрѣлочнымъ или Корякскимъ, Авачинскимъ или Горѣлымъ и Козельскимъ. Петропавловская гавань и городъ,—какъ было уже сказано,—расположены у подножія Авачинскаго вулкана, высотой въ 11.000 футовъ, съ вѣчно дымящеюся вершиною. Видъ на сопку съ кошки величественный; въ связи же съ остальною обстановкою бухты получается даже чарующее впечатлѣніе. Кто разъ побывалъ въ Петропав-

ловскѣ, у того на всю жизнь остается воспоминаніе объ его красотахъ и особенно глубоко это впечатлѣніе у моряковъ, которые, послѣ длиннаго утомительно-однообразнаго плаванія океаномъ въ непроглядныхъ туманахъ, стоящихъ надъ моремъ, подходятъ, наконецъ, къ Петропавловскому маяку и, пройдя Авачинскую губу, входятъ въ Петропавловскую гавань, которая въ іюнь бываетъ вся въ зелени и цвѣтахъ. Туманъ, по недѣлямъ стоящій плотною стѣною у наружныхъ береговъ полуострова, въ Авачинскую губу часто вовсе не заходитъ.

Окрестности Петропавловска живописны; жители радушны, гостепріимны. Съ приходомъ корабля, все населеніе города обыкновенно выходитъ на встрѣчу рѣдкимъ гостямъ и, послѣ привѣтствій и первыхъ знакомствъ, быстро происходящихъ, устраиваются пикники, общественныя прогулки въ ближайшія деревни: Сѣроглазку, Авачу, Тарью, Халахтырку, на Ключи, въ Раковую губу, на маякъ и проч.; чѣмъ дальше прогулка, тѣмъ сильнѣе впечатленіе величія природы. Къ сожалѣнію, самыя интересныя въ этомъ отношеніи прогулки, какъ напр., подъемъ на сопку, а тѣмъ болѣе на вершину водораздѣльнаго хребта къ притокамъ рѣки Камчатки, на что необходима довольно значительная затрата времени, рѣдко когда бываютъ доступны морякамъ, хотя мѣста эти, по красотѣ и величію горной природы, дѣлаютъ Петропавловскъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ портовъ, превосходящимъ даже наиболѣе живописныя въ мірѣ порты: Ріо-Жанейро и Сидней. Для окрестностей Петропавловска, вулкановъ и долинъ полуострова стоитъ даже нарочно пріѣзжать въ Камчатку, какъ это и сдѣлалъ въ

пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ, сопровождаемый 60 человекъ служилыхъ и между прочимъ юкагирами, совершилъ свой первый походъ въ Камчатку, наполовину обошедъ оба берега полуострова и, проникнувъ во внутрь его, построилъ Верхне-Камчатскій острогъ. Атласовъ объясчилъ тогда часть жителей и донесъ обо всемъ сдѣланномъ имъ въ Якутскъ и

Окрестности Петропавловска.

въ Москву, лично доставить Царю первую камчатскую ясачную казну, состоявшую изъ 80 сороковъ соболей, 17 морскихъ бобровъ, 4 выдръ, 10-ти лисицъ сиводушчатыхъ и 191 красныхъ лисицъ. За подвигъ, совершенный пятидесятникомъ Атласовымъ, онъ былъ назначенъ казачьимъ головою по городу Якутску; ему повелѣно было, набравъ въ Тобольскѣ, Енисейскѣ и Якутскѣ 100 человекъ охотниковъ въ казачью службу, вновь идти съ ними на Камчатку. Для этой цѣли его снабдили частью въ Москвѣ, частью въ Тобольскѣ небольшими пушками,

пищалами, свинцомъ, порохомъ; дали полковое знамя и даже приставили къ нему барабанщика съ горнистомъ, по тогдашнему «сиповщика». Задержанный однако на рѣкѣ Тунгускѣ за буйство, Атласовъ только въ 1707 году вторично добрелъ до Камчатки и вскорѣ былъ убитъ тамъ недовольными коряками. Дѣло однако, начатое Атласовымъ по осмотру и подчиненію Камчатки русскому государству, неуклонно продолжалось и другими лицами. Вскорѣ послѣ Верхне-Камчатскаго острога основанъ былъ Нижне-Камчатскъ, перенесенный потомъ на Ключи; затѣмъ устроенъ былъ острогъ въ Большерѣцкѣ и рядъ зимовьевъ на рр. Укѣ, Еловкѣ и другихъ, при чемъ казаки не ограничивались территоріею только полуострова, а заходили и на Курильскіе острова, которые были объясачены ими уже въ 1711 году.

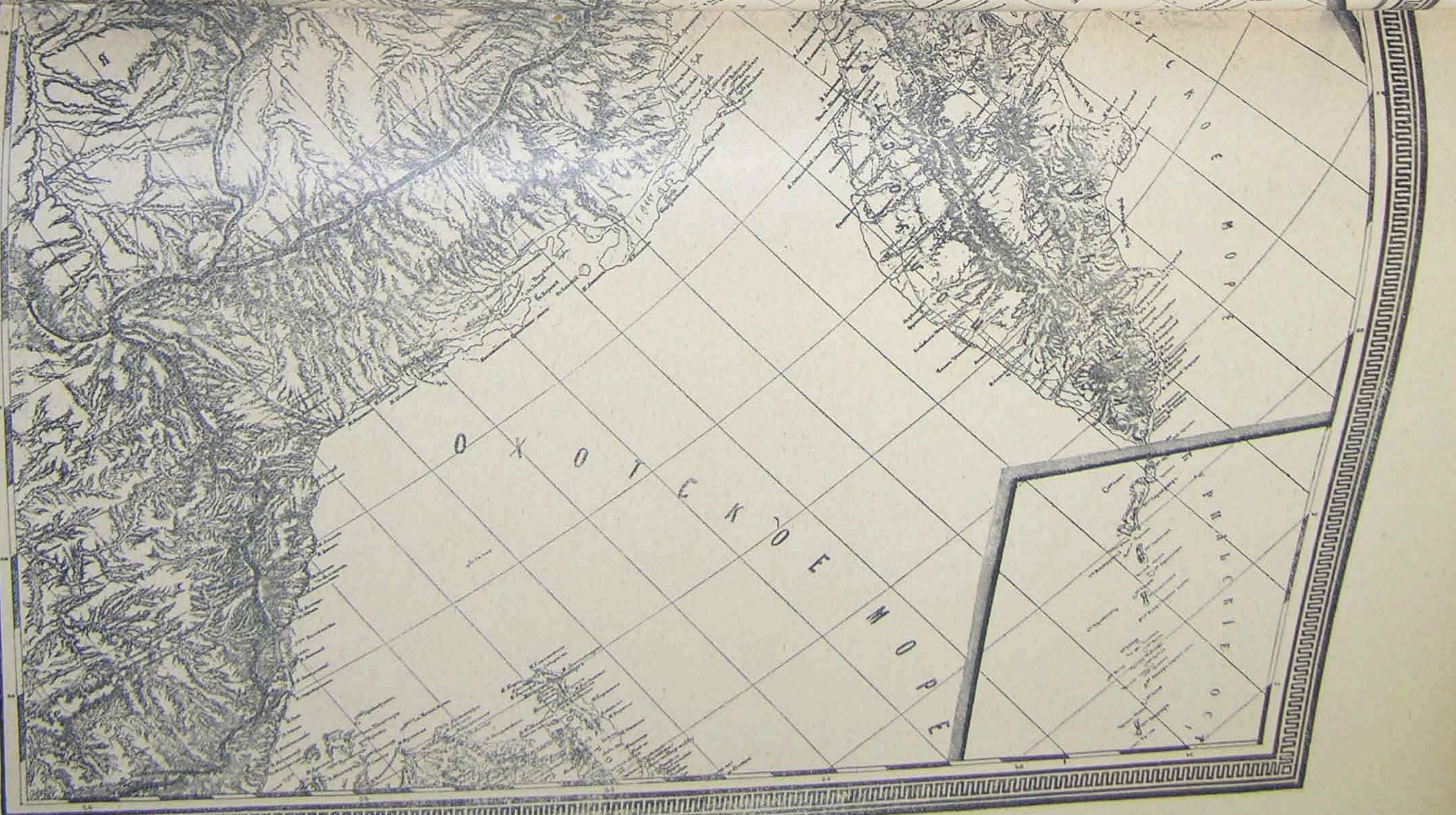

Лагерь при деревнѣ Козыревской.

Такимъ образомъ Камчатка въ первое же десятилѣтіе послѣ фактическаго ея открытія была обойдена и объясачена горстію пришлыхъ людей, въ большинствѣ случаевъ поплатившихся жизнью за свою удачу въ горячихъ схваткахъ съ камчадалами, особенно же въ схваткахъ съ

воинственными коряками, черезъ кочевья которыхъ неизмѣнно лежалъ путь русскихъ колоній, направлявшихся первое время всегда черезъ Анадырскій острогъ. Съ 1703 по 1716 годъ, на одной анадырской дорогѣ погибло до 200 человекъ отъ руки коряковъ; да и въ Камчаткѣ служилые люди нерѣдко вырѣзались десятками. Много казаковъ погибло въ это время также и отъ собственной ихъ неурядицы, изъ-за корыстолюбія, взаимныхъ распрей и своеволия, доходившаго до того, что острогъ шелъ войною на острогъ, и начальники, присылавшіяся

КАРТА
КАМЧАТСКАГО
ПОЛУОСТРОВА

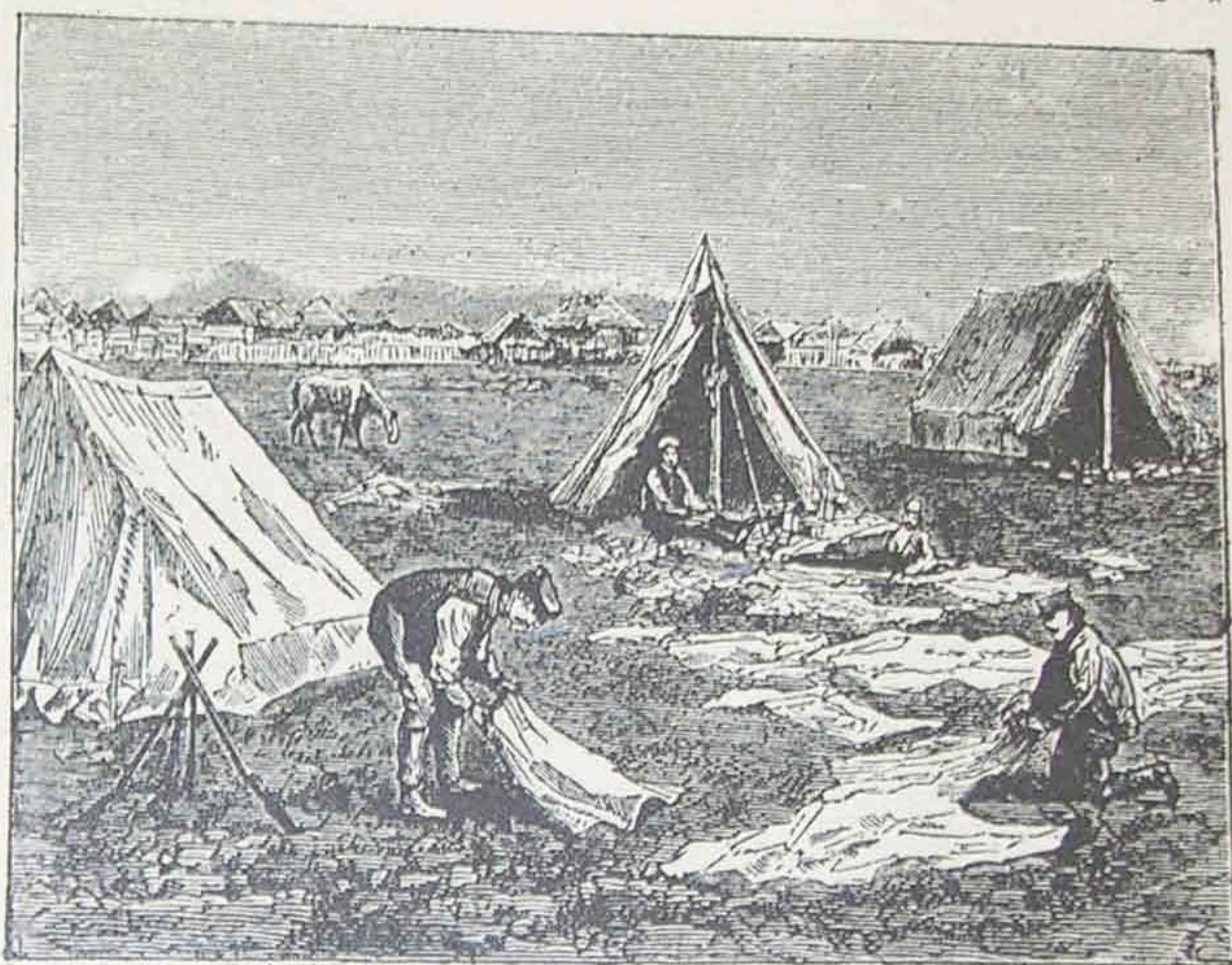

ОХОТСКОЕ
МОРЕ

КАМЧАТКА
БЕРИНГОВО
МОРЕ

ПРЕДКРИЕ
ОЦА

изъ Якутска, то и дѣло были разграбляемы и убиваемы своими же людьми, при чемъ, за дальностію разстоянія и трудностию пути сообщенія, разбойники по годамъ оставались безнаказанными. Такъ продолжалось до 1717 года, когда русскіе наконецъ опять, впервые послѣ Оедота Алексѣева, добрались до Камчатки моремъ, но уже съ другой стороны, съ запада. Нѣкто казакъ Козьма Соколовъ, вышедши изъ Охотска 20-го Іюня 1716 года, прибылъ снащій 1717 годъ благополучно вернулся моремъ же въ Охотскъ. Съ открытіемъ морского сообщенія, значительно приблизившаго Камчатку къ Охотску и Якутску, казацкое своеволие на цѣлые ряды экспедицій съ цѣлію географическаго и вообще научнаго ея изслѣдованія. Въ 1720 году, по именному указу Императора Петра I-го, ѣздили описывать Камчатку и Курильскіе острова навигаторы Иванъ Евреиновъ и Оедотъ Лузинъ, доходившіе до 5-го Курильскаго острова, а по другимъ свидѣтельствамъ—даже до острова Матсмая. Затѣмъ, съ 1725 по 1730 годъ, была первая Камчатская экспедиція капитана Юстуса Беринга, цѣль снаряженія которой собственноручно была начертана Петромъ Великимъ въ указѣ, поставленномъ нами въ эпитаграфъ этой статьи. Въ точности исполняя вышеозначенный царскій указъ, писанный великимъ преобразователемъ за двѣ недѣли до своей смерти, Берингъ выстроилъ въ Нижне-Камчатскѣ ботъ «Св. Гавріила» и 20 іюня 1728 года пустился на немъ къ сѣверо-востоку вдоль Камчатскихъ береговъ, которые и старался положить на карту. 10-го августа Берингъ открылъ островъ Св. Лаврентія; 15 же числа, находясь въ широтѣ 67°18', усмотрѣлъ, что берегъ, слѣдовавшій прежде на сѣверо-востокъ, повернулъ на сѣверо-западъ, и призналъ въ такомъ поворотѣ раздѣленіе Азіи отъ Америки. За позднимъ уже временемъ въ такихъ большихъ широтахъ, Берингъ рѣшилъ прекратить дальнѣйшіе поиски на сѣверѣ и поспѣшилъ на зимовку въ Нижне-Камчатскъ. Съ открытіемъ же навигаціи 1729 года обошелъ Камчатскій полуостровъ вокругъ Лопатки и, зайдя въ Большерѣцы, вернулся обратно въ Охотскъ, откуда уже сухимъ путемъ достигъ Петербурга въ 1730 году. Это очень назидательная иллюстрація той затраты времени, какая требовалась въ былое время на поѣздки къ берегамъ Восточнаго Океана. Теперь, какъ извѣстно, на переѣздъ изъ Петербурга въ Владивостокъ нужно полтора—два мѣсяца, а до Петропавловска много три мѣсяца.

Стоянка путешественниковъ при Гоналѣ.

За первую, только что описанною значительною экспедиціею для открытія на востокъ, вскорѣ, въ 1732 г., послѣдовала другая, гораздо большая, такъ называемая «вторая Камчатская экспедиція», ввѣренная тому же Берингу, которому на этотъ разъ было ввѣнено въ обязанность окончательно выяснить вопросъ о раздѣльности Америки отъ Азіи, признанный не вполне рѣшеннымъ первою экспедиціею, и, кромѣ того, описать смѣжные съ Камчаткою Курильскіе и Японскіе острова, берега Охотскаго и Берингова морей, а также весь сѣверный берегъ Сибири, прилежащій къ Ледовитому океану, отъ Архангельска до сѣверо-восточнаго мыса. Для выполненія этой грандіозной задачи, Берингу, тогда уже капитанъ командору, даны были двое прежнихъ его помощниковъ по морскому дѣлу: капитаны Чир-

ковъ и Шпанбергъ и еще 9-ть другихъ морскихъ офицеровъ. Для научныхъ же изслѣдованій Камчатки, вообще Сибири и новооткрытыхъ земель назначены были отъ академіи науки профессоръ Гмелинъ, Миллеръ, Делиль-де-Лакроеръ, Фишеръ, адъютантъ Стеллеръ, 4 землемера, 5 студентовъ и нѣсколько учениковъ. Въ числѣ студентовъ былъ и Крашенинниковъ, часто упоминавшійся въ этомъ очеркѣ.

Не имѣя возможности касаться здѣсь дѣятельности тѣхъ членовъ экспедиціи, которые стяжали себѣ неувядаемую славу изслѣдованіями устьевъ великихъ сибирскихъ рѣкъ: Оби, Енисея и Лены, а также негостепріимныхъ, часто стоившихъ жизни изслѣдователямъ, береговъ Ледовитаго океана (напримѣръ: лейтенанты Ласениусъ и Прончищевъ, двое братьевъ Лаптевыхъ и многіе другіе), остановимся лишь на тѣхъ членахъ экспедиціи, дѣятельность которыхъ относится непосредственно къ Камчаткѣ и прилежащимъ ей землямъ. Уже въ 1738 году въ портахъ полуострова появились суда, выстроенныя для цѣлей экспедиціи въ Охотскѣ. На этихъ судахъ капитаны Шпанбергъ и Вальтонъ приступили къ описи Курильскихъ острововъ, обойденныхъ

ими въ томъ же году до 48° широты. Перезимовавъ на устьѣ Большой рѣки, названные офицеры въ навигацію 1739 года пошли къ Японскимъ островамъ, которымъ и сдѣлали развѣдку до 33 градуса широты, неоднократно высаживаясь при этомъ на берегъ и вступая въ сношенія съ японцами и курильцами, жителями острова Матсмая. Для той же цѣли Шпанбергъ и Вальтонъ ходили еще и въ 1741 и 42 годахъ, хотя, по ветхости судовъ, эти плаванія ихъ были мало удачны. Во всякомъ случаѣ, задача экспедиціи касательно земель, лежащихъ къ югу отъ Камчатки, была выполнена ими; земли эти развѣданы и опредѣлено положеніе ихъ въ отношеніи Камчатки, на которую они опирались въ этомъ плаваніи.

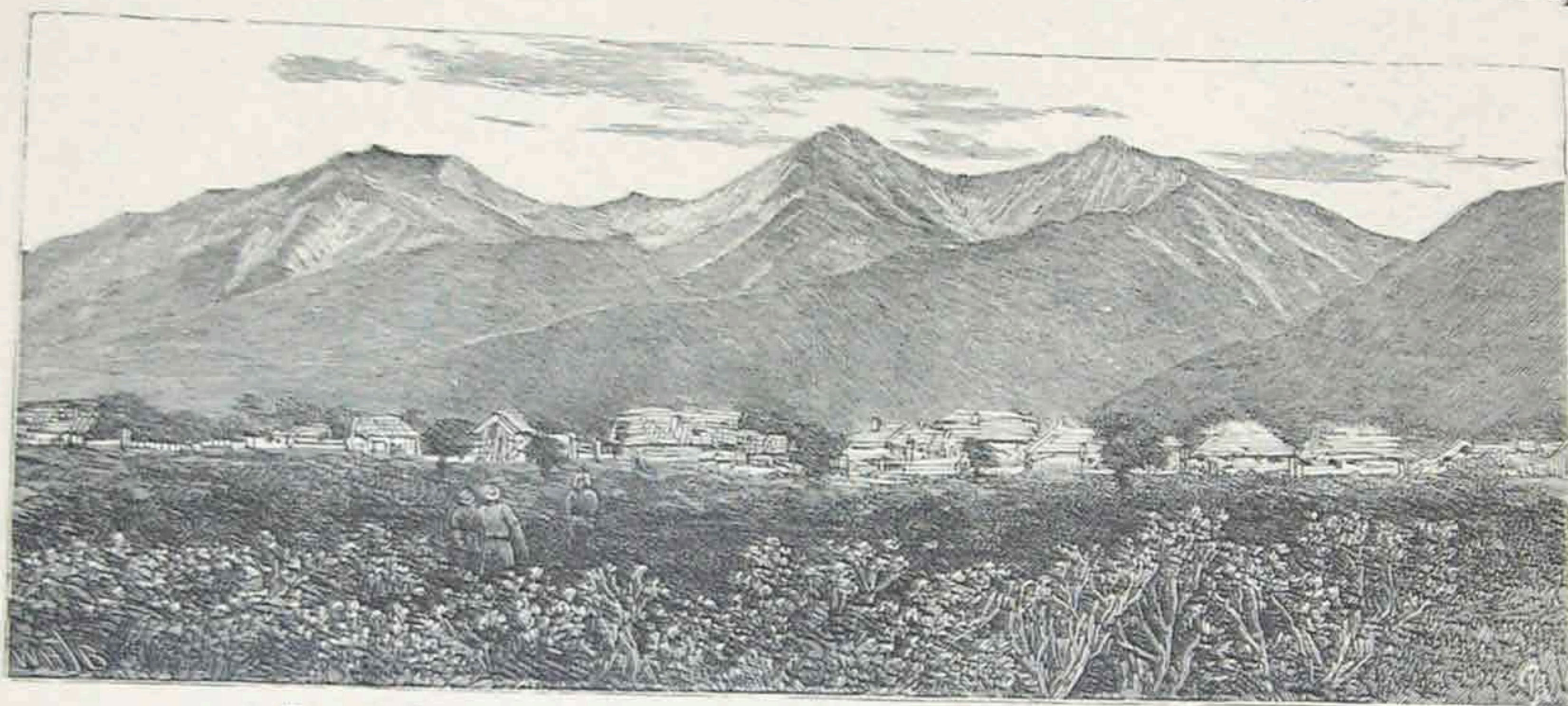
Снаряжая Вальтона и Шпанберга, самъ Берингъ строилъ въ то же время въ Охотскѣ суда для плаванія своего къ берегамъ Америки. Осенью 1740 г. для этой цѣли были готовы два пакетбота «Св. Павелъ» и «Св. Петръ», на которыхъ Берингъ и прибылъ въ Камчатку, сначала въ Большерѣцкѣ, а потомъ въ Авачинскую губу, гдѣ и зазимовалъ въ Петропав-

Охотничій нарядъ въ Камчаткѣ (снятъ съ одного изъ офицеровъ).

ловской гавани, названной имъ такъ по имени обоихъ судовъ своихъ. 6 іюня 1741 года оба эти судна отправились изъ Петропавловска на востокъ къ невѣдомымъ еще тогда сѣверо-западнымъ берегамъ Америки, которыхъ и достигли послѣ продолжительнаго и очень утомительнаго плаванія, пакетботъ Св. Петра, на которомъ былъ Берингъ и ученый Стеллеръ, 18 іюля въ широтѣ 58° 28', пакетботъ же «Св. Павла», которымъ командовалъ Чириковъ, 15-го іюля въ широтѣ 56°. Со «Св. Павла» былъ посланъ на берегъ небольшой ботъ со штурманомъ Дементьевымъ и 10 человекъ матросовъ. Но ботъ этотъ не возвратился, равно какъ и другая посланная за нимъ шлюпка съ 6 матросами подъ начальствомъ ботсмана Савельева. Что съ ними сдѣлалось не извѣстно. Прождавъ ихъ напрасно много дней и не имѣя уже болѣе возможности для дальнѣйшихъ розысковъ, Чириковъ вынужденъ былъ наконецъ оставить американскій берегъ и пуститься въ обратный путь къ Петропавловску, котораго онъ послѣ многихъ злоключеній и достигнулъ 11 октября. Съ бота же «Св. Петръ», которымъ командовалъ самъ Берингъ, высадка на американскій берегъ дѣлалась подъ 59° широты, гдѣ Стеллеръ имѣлъ случай наблюдать Американскихъ индѣйцевъ и сдѣлать описаніе ихъ, переданное намъ

Крашенинниковымъ въ его ххш главѣ и тома Камчатки, равно собрали образчики травъ, описанные Гмелинымъ въ его сибирской флорѣ. На обратномъ пути, Берингъ слѣдовалъ вдоль многихъ острововъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Лисьихъ, Андреяновскихъ и другихъ, входящихъ въ Алеутскую гряду, затѣмъ, послѣ долгаго и очень труднаго плаванія Берингъ былъ выброшенъ 4-го ноября бурей на пустынную землю, которую приняли было сначала за Камчатку, но которая въ дѣйствительности оказалась необитаемымъ островомъ, названнымъ впоследствии его именемъ. Позднее время года и плохое состояніе судна не позволили Берингу идти далѣе; вынужденный зимовать въ палаткахъ на открытомъ пустомъ берегу, несчастный Берингъ, какъ и большая часть его команды, изнуренной уже предшествовавшими бѣдствіями, не перенесли этой суровой зимовки и скончались на островѣ отъ скорбута. Замѣчательно трагична была смерть Беринга: больной, много дней уже не двигавшійся съ мѣста, онъ, чувствуя приближеніе смерти, не велѣлъ отнѣтать песокъ отъ своей койки, которымъ жестокіе вѣтры постоянно заносили его палатку. «Мнѣ такъ теплѣе, говорилъ онъ, помогайте другимъ, болѣе меня нуждающимся». Такимъ образомъ онъ какъ бы еще за жива на половину былъ погребенъ въ песокъ. Крестъ на могилѣ Беринга и его спутниковъ простоялъ 135 лѣтъ и только въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ возобновленъ бывшею російско-американскою

Деревня Гональ въ пяти дняхъ пути къ сѣверу отъ Петропавловска.

компаніею. Нынѣшняя же американская компанія, эксплуатирующая котиковый промыселъ на островѣ, поставила новый памятникъ.

Оставшіеся въ живыхъ спутники Беринга, построивъ изъ обломковъ пакетбота небольшое судно, добрались на немъ въ августѣ 1742 года до Петропавловска, а на слѣдующій годъ прибыли въ Охотскъ. Они привезли съ собою до 900 морскихъ бобровъ, упромышленныхъ ими за время зимовки на Беринговомъ островѣ, что, вмѣстѣ съ разказами о множествѣ котовъ, видѣнныхъ ими на немъ весною, множествѣ сивучей, морскихъ коровъ, бѣлухъ и др. звѣрей, вызвало такое горячее желаніе поскорѣе воспользоваться этими непочатыми еще богатствами, что сразу возбудило значительное развитіе частной предприимчивости по розысканію новыхъ острововъ и земель ради промысла морскихъ бобровъ и котиковъ. благодаря этимъ уже частнымъ экспедиціямъ, нѣкто Михайло Неводчиковъ въ 1745 году открылъ острова Ближніе; въ 1762 году Андріанъ Толстиковъ опозналъ группу острововъ, названныхъ по его имени Андреяновскими; Коровинъ—группу острововъ Лисьихъ. Еще важнѣе было предпріятіе Степана Глотова, который въ 1763 году распространилъ свои промыслы даже до острова Кадьяка (у берега Америки).

Правительство сочувственно отнеслось къ этимъ географическимъ открытіямъ простыхъ русскихъ людей и время отъ времени само высылало морскихъ офицеровъ для описи и изслѣдованія опознанныхъ промышленниками новыхъ земель. Такъ въ 1768—69 годахъ два казенныя

судна подъ начальствомъ капитана Криницына и лейтенанта Левашева, были направлены къ Лисьимъ островамъ, которые они и описали, составивъ имъ хорошую карту; нѣсколькими же годами ранѣе, въ 1766 г., въ Беринговъ проливъ посылали лейтенанта Синдъ, который открылъ ближайшій къ Чукотской землѣ американскій берегъ. Недовольствуясь однако этими отдѣльными изслѣдованіями въ 1785 году была предпринята правительствомъ большая экспедиція, по намерѣніямъ своимъ напоминавшая размѣры экспедицій Беринга. На кораблѣ «Слава Россіи» капитану Биллинсу, спутнику извѣстнаго Кука, предложено было обойти всю Чукотскую землю и острова, лежащіе между берегами Сѣверо-Восточной Азіи и Сѣверо-Западной Америки. Экспедиція эта продолжалась 8 лѣтъ. Хотя ей не удалось обойти Чукотской земли съ моря, но все же земля эта была описана съ сухого пути; островамъ же сѣверной части Тихаго океана былъ данъ надлежащій сводъ въ атласѣ почтеннаго помощника Биллинса, капитана, впоследствии адмирала Сарычева, карты котораго и до сихъ поръ имѣютъ практическое значеніе. Такое вниманіе государства и его усилія для обслѣдованія новыхъ земель, конечно, сильно поддерживало предприимчивость нашихъ купцовъ и промышленниковъ. Число снаряжаемыхъ ими судовъ,

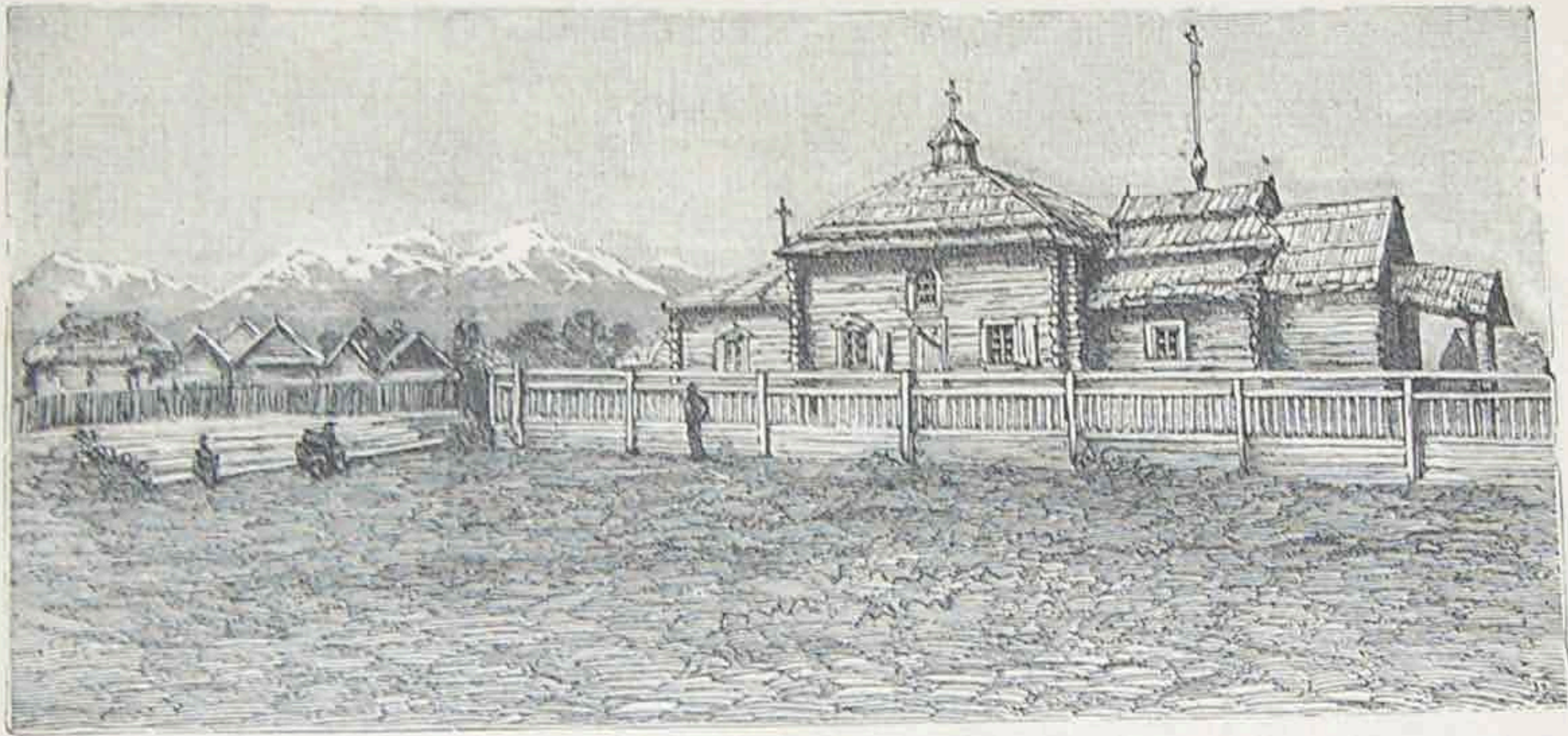
Опытный вѣдокъ.

ежегодно возрастая, вскорѣ достигло уже весьма почтенной цифры. Въ 1787 году, напримѣръ, изъ портовъ одной Камчатки на дальные восточные промыслы вышло 25 судовъ съ тысячею человѣкъ команды изъ русскихъ и камчадаловъ, снаряженныхъ купцами изъ Иркутска, Тобольска и другихъ городовъ Сибири. До 1785 года все это были отдѣльныя предпріятія, несогласованныя между собою и потому нерѣдко вредившія другъ другу и самымъ промысламъ. Поэтому, чтобы устранить проистекавшее отсюда зло, одинъ изъ купцовъ, Григорій Шелеховъ, подалъ голосъ за соединеніе разрозненныхъ интересовъ въ нѣчто общее и успѣлъ склонить братьевъ Голиковыхъ къ вступленію съ нимъ въ общество. Къ Шелехову и Голиковымъ вскорѣ присоединились и многія другія лица, образовавъ сначала общество Американской Сѣверовосточной, Сѣвѣрной и Курильской компаніи, переименованное въ 1798 году въ соединенную Американскую компанію, а на слѣдующій годъ въ извѣстную, болѣе полустолѣтія просуществовавшую, Россійско-Американскую компанію, принятую подъ Высочайшее покровительство какъ Императоромъ Павломъ, такъ и Императоромъ Александромъ I.

Компанейская дѣятельность на Восточномъ океанѣ быстро привела промыслы въ цвѣтущее со-

стояніе. По американскому берегу на Ситхинскомъ заливѣ и на островѣ Кадьякъ заведены были русскія селенія и промыслы распространились по Ситхинскимъ островамъ. Капиталь общества, составлявшій въ 1798 году 724 тысячи, въ 1801 году выросъ въ 2.747.000 р., и компанія имѣла свои конторы, кромѣ Петербурга, гдѣ сосредоточивалось правленіе, еще въ Иркутскѣ, Охотскѣ, на островѣ Уналашкѣ, на островѣ Кадьякъ и на восемнадцатомъ Курильскомъ островѣ Урупѣ. Такъ быстро и широко развившаяся промысловая дѣятельность въ концѣ прошлаго столѣтія вскорѣ вызвала потребность непосредственныхъ сношеній колоній нашихъ на Восточномъ океанѣ съ метрополіей; но снабженіе заведенныхъ въ Америкѣ селеній жизненными припасами и другими необходимыми имъ вещами шло изъ Иркутска на Якутскъ и Охотскъ, подвергаясь большимъ затрудненіямъ этого продолжительнаго выючнаго пути, особенно лѣтомъ, когда до 30.000 лошадямъ нужно было проходить тысячи верстъ по горнымъ хребтамъ, лѣснымъ дебрямъ, якутскими и охотскими болотами и дороги не было проложено. Естественно явилась мысль снабжать колоніи исключительно воднымъ путемъ, на судахъ, отправляемыхъ изъ Балтійскаго моря, вокругъ мыса Доброй Надежды или мыса Горна смотря по времени года. Отсюда возникновеніе нашихъ кругосвѣтныхъ плаваній, начатыхъ въ 1803 году извѣстными капитанами, впоследствии адмиралами Крузенштерномъ и Лисянскимъ.

Корабли «Надежда» и «Нева», которыми командовали эти знаменитые моряки, и цѣлый

Церковь въ Мильковѣ.

рядъ другихъ судовъ, послѣдовавшихъ за ними, доставляя предметы первой необходимости для нашихъ колоній, въ тоже время содѣйствовали развитію и изученію Камчатки и сопредѣльныхъ съ нею странъ, не говоря уже о развитіи морскаго дѣла и о цивилизующемъ вліяніи этихъ кругосвѣтныхъ плаваній на русскихъ моряковъ. Еще, на примѣръ, Крузенштернъ, плававшій на кораблѣ «Надежда», освободившись отъ грузовъ, сданныхъ въ Петропавловскѣ, описалъ южные Японскіе острова, западный берегъ Нипона, Вост. берегъ Сахалина и сѣверную половину Курильской гряды. Ближайшее въ хронологическомъ порядкѣ кругосвѣтное плаваніе капитана Головина на фрагментѣ «Діана» повело къ описи южной половины этой гряды. Затѣмъ, по гидрографическимъ результатамъ выдаются плаванія капитана, впоследствии адмирала и графа, Литке, который въ 1828 году, на шлюпѣ «Сенявинъ», привелъ въ надлежащую извѣстность всѣ выдающіяся части восточнаго берега Камчатки и прилежащихъ къ Берингову морю корякской и чукотской земель, до самаго Берингова пролива.

Опираясь постоянно на Камчатку и изучая бытъ ея, офицеры кругосвѣтныхъ судовъ нашихъ, равно какъ и многіе изъ служившихъ въ русско-американской компаніи, по возвращеніи своемъ въ Россію, являлись обыкновенно разъяснителями нуждъ далекаго края и горячими ходатаями объ удовлетвореніи ихъ; между прочимъ, Крузенштернъ представилъ цѣлый проектъ преобразованія въ управленіи Камчатки, на основаніи котораго Камчатка была отдана въ вѣ-

дѣніе морскаго офицера, приче́мъ административный центръ края, находившійся сперва въ Нижне-Камчатскѣ, потомъ въ Большерѣцкѣ, затѣмъ опять въ Нижне-Камчатскѣ, перенесенъ былъ въ Петропавловскъ. Въ прошломъ же столѣтіи Камчатка подчинялась охотской канцеляріи, а съ 1803 г. стала отдѣльною областію. По представленію же Крузенштерна, былъ расформированъ тяготѣвшій надъ жителями края камчатскій батальонъ солдатъ и вмѣсто него учреждена морская команда, состоящая изъ 122 чел. матросовъ и 75 казаковъ, послѣдніе исключительно для службы внутри полуострова.

Первымъ, независившимъ уже отъ Охотской канцеляріи, морскимъ начальникомъ Камчатки былъ извѣстный капитанъ, впослѣдствіи заслуженный адмиралъ Рикордъ, много потрудившійся для пользы края. Изъ послѣдующихъ выдающихся своею дѣятельностію начальниковъ, назовемъ Голенищева, правившаго Камчаткою въ тридцатыхъ годахъ. Голенищевъ близко входилъ въ нужды обывателей, заботясь и о жильѣ, и о пропитаніи, и о просвѣщеніи; при немъ Камчатка значительно обстроилась; въ ней было тогда болѣе 50 населенныхъ мѣстъ, 11 церквей, духовное училище для дѣтей какъ русскихъ, такъ и камчадаловъ, три больницы. По ходатайствамъ Голенищева, въ 1825 году образовалось упомянутое выше земледѣльческое общество, просуществовавшее до 1837 г., и въ 1828 г. Петропавловскій портъ объявленъ былъ порто-франко, что много содѣйствовало развитію края и оживленію торговли.

Наибольшее процвѣтаніе Петропавловска и вообще Камчатки относится однако къ пятидесятымъ годамъ, когда краемъ управлялъ уже въ званіи военнаго губернатора области адмиралъ Завойко, тотъ самый, подъ начальствомъ котораго такъ блистательно было отражено въ 1854 г. нападеніе соединенной англо-французской эскадры на почти беззащитный Петропавловскъ.

По окончаніи войны 1853—55 годовъ, съ упроченіемъ нашихъ владѣній на Амурѣ и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, а равно съ уступкою нашихъ американскихъ владѣній и Алеутскихъ острововъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, Курильскихъ же острововъ Японіи, Петропавловскъ и вся Камчатка утратили свое административное и промышленно-торговое значеніе, какъ посредники между Охотскимъ краемъ и бывшими сѣверо-восточными колоніями нашими, отошедшими къ сосѣдямъ. Много послуживъ въ свое время дѣлу розыска и обследованія обширнаго побережья и острововъ сѣверной части Тихаго океана, а равно и дѣлу развитія промысловыхъ колоній нашихъ на американскомъ материкѣ и островахъ, Камчатка передала веденіе дальнѣйшаго развитія нашего на водахъ Тихаго океана своимъ младшимъ, болѣе благопріятно поставленнымъ, братьямъ—Амуру и Южно-Уссурійскому краю; сама же сосредоточилась теперь въ своей внутренней жизни, богатой, какъ мы видѣли, разными благами природы, но, увы, все еще очень бѣдной результатами культурной жизни человѣка. Просвѣтитъ свѣтомъ христіанства міръ дальняго востока и обогатитъ насъ массою новыхъ географическихъ и бытовыхъ свѣдѣній, а отчасти и матеріальными достатками, вывозившимися въ теченіи двухъ почти вѣковъ съ полуострова и сопредѣльныхъ ему земель въ видѣ пушнаго товара, затихшая нынѣ Камчатка ждетъ возврата за сослуженную ею вѣрную службу.

К. Старицкій.

Тяговые собаки.